

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2021

№ 1

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьегерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, Университет Северной Британской Колумбии, Канада

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Роккилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Елена Карагеоргий*, University of Oxford Alumna, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia

Lbova, Lyudmila, Novosibirsk State University, Russia

Mamontova, Nadezhda, University of Northern British Columbia, Canada

Miskova, Elena, Moscow State University, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Elena Karageorgii*, University of Oxford Alumna, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Функ Д.А. Редакторская колонка	6
--------------------------------------	---

ИДЕОЛОГИЯ И АМЕРИКАНИСТИКА В СССР И США (1930–1970-е гг.): ЛИЧНОСТИ, КОНТАКТЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ (отв. ред. специальной темы номера – Р.Н. Игнатъев)

Игнатъев Р.Н. Введение к специальной теме номера	10
Знаменский А.А. Мирча Элиаде: шаманизм, традиционализм и идеология архаичного	13
Кан С.А. Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности	40
Алымов С.С. «Империалистические разведчики» или коллеги? Советско-американский антропологический диалог в период ранней холодной войны (конец 1940-х – начало 1960-х гг.)	62
Игнатъев Р.Н. А.В. Ефимов и советская «этноамериканистика»: оттепель и заморозки	88

MISCELLANEA

Бондаренко Д.М. Социальные институты и базовые принципы организации обществ	138
Боридченко С.Э. Конструирование образа Сибири в польских школьных учебниках	165
Шевченко В.С. Квазиформальное взаимодействие в ситуации учебного процесса	184

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Соколовский С.В. Методология и принципы цифровой антропологии	200
Мохов С.В. Избегая назойливых мертвецов	215
Соколова Е.К. Кого в России интересует будущее бессмертия?	222

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	226
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	227
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Funk D.A. Editor's note	6
--------------------------------------	---

IDEOLOGY AND AMERICAN STUDIES IN THE USSR AND THE USA, 1930S–1970S: PERSONALITIES, CONTACTS, RESULTS

(Guest Editor: Roman N. Ignatiev)

Ignatiev R.N. Introduction to the issue's special theme	10
Znamenski A.A. Mircea Eliade: Shamanism, traditionalism, and the ideology of the archaic	13
Kan S.A. Franz Boas and Soviet Russia: 25 years of ambivalence	40
Alymov S.S. 'Imperialist spies' or colleagues? Soviet-American anthropological dialogue during the early Cold War	62
Ignatiev R.N. Alexei Vladimirovich Efimov and Soviet 'etnoamerikanistika': The Thaw and cold times	88

MISCELLANEA

Bondarenko D.M. Social institutions and basic principles of the organization of societies	138
Boridzenko S.E. Polish history textbooks: Constructing the image of Siberia	165
Shevchenko V.S. Quasi-formal interaction in an educational setting	184

REVIEWS

Sokolovskiy S.V. Digital anthropology: Research methods and principles	200
Mokhov S.V. Avoiding the dead	215
Sokolova E.K. Who in Russia is interested in the future of immortality?	222
ABOUT THE AUTHORS	226
INFORMATION FOR AUTHORS	227

DOI: 10.17223/2312461X/31/1

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

Рад приветствовать всех по прошествии столь сложного года, каким оказался 2020-й. Журнал *Сибирские исторические исследования*, несмотря ни на что и при помощи всех наших коллег – авторов и рецензентов, нашей редакции и коллег из Издательства Томского государственного университета (благодарю всех!) – весь прошедший год обеспечивал как высокое качество издаваемых текстов, так и регулярность выхода номеров. Это позволило сохранить позиции журнала в базе Scopus, где мы остались примерно на тех же местах, что и в прошлом году – во втором квартиле по истории и археологии и в третьем по антропологии, причем не только в рейтинге Scimago, но и, что существенно более значимо, во внутреннем рейтинге базы Scopus. И это же, вероятно, позволило журналу выйти на первое место в отечественном рейтинге Science Index в категориях «История. Исторические науки» и «Комплексное изучение отдельных стран и регионов», что тоже не может не радовать.

Журнал сохраняет основные принципы своей политики. Мы по-прежнему отдаем предпочтение текстам, написанным в области *антропологии*, понимаемой максимально расширительно, как минимум в соответствии с боасовской тетрадой (социокультурная антропология, биологическая, или физическая, антропология, лингвистическая антропология и археология). Работы, выполненные в рамках исторической этнологии / антропологии, как особого направления на стыке антропологии и истории, также вполне вписываются в ту междисциплинарную область, на которой специализируется журнал. *Аналитика* все так же остается важнейшим параметром оценки поступающих в редакционный портфель текстов. Просто полевые или архивные записи или иные первичные материалы, без их анализа, без исследовательской гипотезы, без четкого изложения методики исследования, без вписывания текста в существующие в мировой литературе дискурсы, как и ранее, вряд ли будут приветствоваться в журнале. И мы, как и ранее, рассчитываем на заинтересованный диалог представителей разных отраслей гуманитарного знания. Хотя на страницах журнала публикуются исследования, в большинстве своем основанные на анализе именно сибирских (в самом широком понимании этого термина) материалов, мы не замыкаемся в

сибирских рамках и публикуем теоретические работы, базирующиеся на широком сравнительном материале. Сибирь, как постколониальная, постимперская и постсоциалистическая территория, является чрезвычайно интересным регионом, позволяющим анализировать проходившие и проходящие здесь процессы в сравнении с аналогичными процессами в арктических и субарктических регионах мира, на Африканском континенте, в Восточной Европе, Латинской Америке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

От лица редколлегии журнала и от себя лично благодарю всех коллег, авторов и рецензентов, участвовавших в создании журнала все предшествующие годы. Уверен, что журнал *Сибирские исторические исследования* будет успешно развиваться и в дальнейшем.

Д.А. Функ

EDITOR'S NOTE

Dear Readers!

I am pleased to be greeting you after such a testing year that 2020 turned out to be. Despite everything and thanks to all our colleagues – authors and reviewers, our editorial team, and the colleagues at the TSU Press (I sincerely thank you all!) – *Siberian Historical Research* managed to maintain its high-quality standards and continued publishing selected texts regularly throughout the year. This allowed the journal to keep its rank in Scopus nearly the same as last year: Q2 for history and archaeology and Q3 for anthropology – and that is according to both Scimago Journal Rank (SJR) and CiteScore. This achievement probably helped the journal to receive the first place in the Russian journal ranking *Science Index*, in the categories of ‘History. Research in History’ and ‘Comprehensive Research on Countries and Regions’, which is equally rewarding.

Our editorial policy remains the same in 2021, with preference given to manuscripts coming from the field of *anthropology*, which we understand broadly along the lines of the Boas tetrad including sociocultural anthropology, biological/physical anthropology, linguistic anthropology, and archaeology. Texts written on issues in historical ethnology/anthropology, as a special research area at the intersection of anthropology and history, also fall well within the spectrum of interdisciplinary inquiries the journal focuses on. Solid analytical grounding continues to be a highly important criterion in the assessment of submitted manuscripts. As before, field notes, archival materials or any other primary sources presented in and of themselves without any theoretical analysis, underlying research hypothesis and description of methods used in a study, as well as without any broader contextualization of the conducted research within international scholarship and relevant discourses, are not considered for publication in the journal. As before, we seek to promote and present dialogue between various research and geographical areas.

Although *Siberian Historical Research* is a journal that publishes research covering the wider region of Siberia, it is not limited to it and welcomes comparative theoretical studies extending beyond the region. Research in Siberia as a post-colonial, post-imperial and post-socialist territory bears much potential for comparative analysis of different processes which took place here and in the Arctic and sub-Arctic regions of the

world, on the African continent and in Eastern Europe, in Latin America and Asia Pacific.

On behalf of the Editorial Board, the whole editorial team and myself, I would like to thank all the colleagues, authors, and reviewers who have contributed to the development of *Siberian Historical Research* throughout the years. I have every confidence in its continuing success.

Dmitriy A. Funk

**ИДЕОЛОГИЯ И АМЕРИКАНИСТИКА
В СССР И США (1930–1970-е гг.):
ЛИЧНОСТИ, КОНТАКТЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ**
(отв. ред. специальной темы номера Р.Н. Игнатьев)

УДК 94:316.75(47+57+73)"1930-1970"

DOI: 10.17223/2312461X/31/2

ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА *

Роман Николаевич Игнатьев

Полагаю, мы получили достаточно полное описание нашей способности мыслить.

В самом деле, мы рассмотрели:

– В чем состоит эта способность;

– Каковы те элементарные способности, из которых она образована;

– Как с их помощью образуются все сложные идеи;

– Как с их помощью мы узнаем о своем существовании, существовании вещей, их свойствах, а также каким образом мы можем эти свойства оценивать количественно;

– Как умственные способности связаны с другими способностями, пристокающими из нашей физической организации;

– Насколько те и другие подчиняются нашей воле;

– Как все они изменяются в результате их частого применения;

– Как совершенствуются умственные способности индивида и всего человеческого рода;

– И, наконец, как их поддерживает и какие изменения в них приносит использование знаков.

Вот, я полагаю, то, что составляет идеологию**.

Пространный эпиграф из строк инициатора выделить «идеологию» как всеобъемлющую теорию рационального знания А. Дестюта де Траси (1754–1836) к четырем статьям российско-американских ученых, объединенным словосочетанием «Идеология и американистика», требует пояснения. Почему не цитируется Ж. Лакан или С. Жижек? Потому ли, что де Траси придумал сам термин, или «науку», под названием «идеология»? Потому ли, что он оказал влияние на «отцов-основателей США» Б. Франклина и Т. Джефферсона? И да, и нет.

Де Траси стал человеком, и таких было немало, в эпоху революции задавшимся вопросом: каким образом проверить тот интеллектуальный багаж, с которым мы «летим» к «лучшему» обществу? До наших дней это составляет большую научно-практическую проблему.

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

** Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. С. 312.

Представленный блок статей открывается текстом А. Знаменского, посвященным М. Элиаде (1907–1986), румынскому ученому, написавшему в парижской «маленькой квартирке» книгу о шаманизме, которая оказалась не просто книгой – склеенным блоком страниц под обложкой, – но чем-то большим: зеркалом поколения, разочарованного, обманутого, озлобившегося или всепрощающего, возможно. Смена веков, или диалоги между «старым» и «новым», имеют разное выражение. Возможно, слово «поиск» отражает хотя бы отчасти это непрерывающееся движение: от апологии к жесткой критике, к поиску компромисса или *product placement*.

Найти себя в иррациональном мире «шаманов», уйти к объяснениям, не требующим рациональной проверки, – чем не решение? Усилить нишевость («не для всех») и загадочность собственных текстов, чтобы избежать неприятной дискуссии, – условие научного диалога, – кто из философов XX в. не проходил через это? Имитаторов подобного искреннего движения, или движения «новой искренности» – тьма. Только вряд ли это наука и «идеология», даже в духе де Траси.

Действительность и честность исследователя вызывает к другому: неблагодарной, «занудной», черновой работе, столкновениям в околичностях, которые, кажется, в итоге много возвышают эту трудную работу, делают ее полезной и доступной всем, – миссия науки.

С. Кан обращается именно к простым и одновременно очень сложным шагам по организации диалога американской и советской этнографии: «отношению “отца американской антропологии” Франца Боаса к Советскому Союзу и его взаимоотношениям с российскими / советскими коллегами». Мудрость Ф. Боаса заключается, вероятно, в его понимании того, что мир един, и при налаживании практического контакта (академический обмен) и соблюдении взаимно уважительного духа сотрудничества не таким уж невозможным окажется плодотворный контакт «двух миров».

С.С. Алымов продолжает эту тему, аргументированно показывая этапы советско-американского академического общения: от резко «холодного» конфликта к расширению академических контактов и установлению личных связей между антропологами двух сверхдержав в послевоенные годы.

Р.Н. Игнатъев уточняет действия, произведенные советскими «этноамериканистами» в то время: наши предшественники, антропологи-американисты в СССР, какими они были – зажатыми в «идеологические тиски» или свободными в творчестве и контактах? Какими идеями руководствовались они в своей научно-организационной деятельности? Каких результатов добились они в центральную эпоху идеологических баталий XX в.?

Ideology and American Studies in the USSR and the USA, 1930s – 1970s: Personalities, contacts, results. Introduction to the issue's special theme**Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*

DOI: 10.17223/2312461X/31/2

Roman N. Ignatiev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: roman.ignatiev@gmail.com

* Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

УДК 130.11:39

DOI: 10.17223/2312461X/31/3

МИРЧА ЭЛИАДЕ: ШАМАНИЗМ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ИДЕОЛОГИЯ АРХАИЧНОГО

Андрей Знаменский

Аннотация. В статье делается попытка ответить на вопрос о том, что побудило известного религиоведа Мирча Элиаде (1907–1986), который никогда не считал себя экспертом по шаманизму и «племенным» народам, написать свой классический труд «Шаманизм: архаические техники экстаза» (1951). Предполагается, что для Элиаде с его мышлением, сильно пронизанным философией традиционализма, было логически закономерным шагом заняться изучением шаманизма. Традиционализм являлся культурным движением, развернувшимся в Европе в 1920-х и 1930-х гг. Оно объединяло правых интеллектуалов, с подозрением относившихся к западной цивилизации и увлекавшихся эзотеризмом. Своей направленностью традиционализм был заточен на поиски «архаических» и «исконных» духовных корней человечества, которые якобы уходили в дохристианские верования и мифы. В статье также анализируется, как ученые в области гуманитарных и социальных наук отреагировали на указанную книгу Элиаде и как видение Элиаде шаманизма вдохновило многочисленных духовных искателей на Западе в 1960-е и 1970-е гг. и как потом, на волне постмодернизма, его взгляд на шаманизм как универсальную «первобытную» религию человечества подвергся сильной критике.

Ключевые слова: шаманизм, Мирча Элиаде, традиционализм, «Шаманизм: архаические техники экстаза», Юлиус Эвола, В.В. Радлов, этнология

В послевоенном Париже, в маленькой квартирке, заставленной книгами, румынский ученый-эмигрант был увлечен написанием книги, которую он назвал «Шаманизм: архаические техники экстаза». Имя этого ученого – Мирча Элиаде. Книга, которая рассказывает о древних и современных племенных религиях всего мира, была опубликована в 1951 г. Казалось, что этой работе было суждено кануть в безвестность, как и многим другим этнографическим и религиоведческим исследованиям на подобные темы. По крайней мере, мало кто заметил ее публикацию на французском языке. Тем не менее, как хорошо известно многим исследователям шаманизма, книга Элиаде не исчезла. Со времени публикации книги на английском языке в 1964 г. (Eliade 1964) ей суждено было стать классическим трудом по шаманизму. Она определила не только содержание дальнейших работ, но и во многом те подходы к изучению шаманизма, которые ученые и писатели практиковали до того времени. Более того, начиная с 60-х гг. прошлого века «Шаманизм» начал вдохновлять различных духовных искателей, пытавшихся найти альтернативу господствующей западной (иудеохристианской) традиции.



Первое французское издание
 «Шаманизм: архаические техники экстаза» (1951 г.)

Почему Элиаде выбрал тему шаманизма? Что побудило румынского ученого-эмигранта вторгнуться в область, которой в то время занималась крошечная группа антропологов, специализирующихся по народам Сибири и Северной Америки? Действительно, для Элиаде, изучавшего индуизм, йогу и восточную мифологию, это было более чем странное интеллектуальное занятие. Ученый никогда не считал себя экспертом по шаманизму и племенным народам. Время, которое он выбрал для своей книги по шаманизму, казалось, тоже было неблагоприятным. Дело в том, что Элиаде уже работал над другим проектом – мистическим романом «Запретный лес» (Eliade 1978). И тем не менее он посчитал необходимым написать обширный трактат о шаманизме. Решение поставленных выше вопросов не только поможет нам понять мотивы, побудившие Элиаде написать свой знаменитый труд о шаманизме, но также даст ключ к пониманию тех идей, которые сформировали интеллектуальный мир этого ученого, особенно в ранний период его научной карьеры.

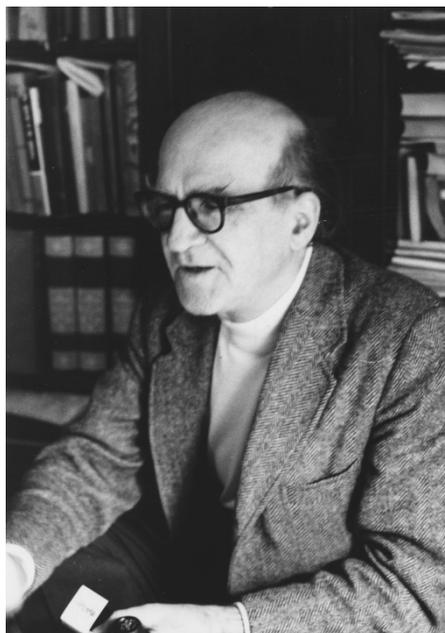
Напомню, что Элиаде явился одним из основоположников дисциплины религиоведения. В 70-е гг. прошлого века он занял кафедру профессора религиоведения в Чикагском университете. За последние тридцать лет Элиаде стал объектом серьезной критики, в том числе идеологической (Леньель-Лавастин 2007). Поэтому имеет смысл проанализировать его взгляды и посмотреть, как они повлияли на его творчество.

Восстание против современного мира: экскурс в традиционализм

Чтобы понять, почему Элиаде написал свою книгу об «архаичных техниках экстаза», я предлагаю пристальнее взглянуть на интеллектуальную традицию, которая могла сподвигнуть его на написание этого трактата. Интеллектуальные симпатии, которые мы находим в работах румынского ученого, а также круг его друзей перед Второй мировой войной явно указывают в сторону традиционализма. Многие критики Элиаде, особенно те, кто называет его православным писателем, пренебрегают или недооценивают влияние этого интеллектуального движения на формирование его интеллектуального мира. Традиционализм – движение, которое получило распространение в бурной, взрывной и токсичной европейской атмосфере 20–30-х гг. прошлого века. Основанный на романтизме и связанный с европейским эзотеризмом, традиционализм объединил консервативных европейских интеллектуалов, писателей и духовных искателей, которые нападали на западную цивилизацию, в особенности на век Просвещения, капитализм, коммунизм и материализм.

В этой парадигме сознания даже христианство не могло служить духовной опорой, поскольку в глазах многих традиционалистов оно было

изначально повинно в том, что дало толчок «европейской бездуховности». Так, в работе Доминика Веннера, одного из видных идеологов традиционализма, мы находим следующий посыл: «Не находя в христианстве опоры, которую народ вправе ожидать от отечественной религии, мы вынуждены искать ее в более далеком прошлом. Вернуться к своим истокам, чтобы обнаружить под завалами подземный поток традиции» (Веннер 2018: 50).



М. Элиаде в своем кабинете
в университете Чикаго (1970-е гг.)

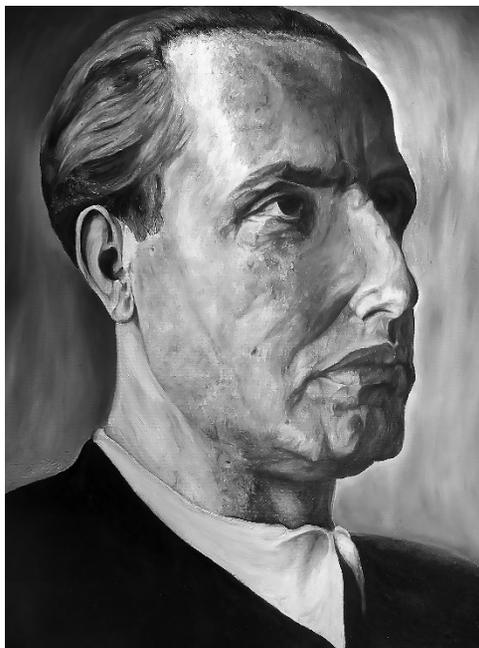
Подавленные эпохой модерна, ее техническим прогрессом, европейские традиционалисты, люди искали интеллектуального успокоения в «скрепах» народной почвы и тянулись, как они говорили, к исконным культурным корням. Причем эти поиски включали в себя не только духовный провинциализм, завязанный на каких-то своих национально-духовных корнях, а желание возродить некую «древнюю» духовность, которая была характерна для всех народов мира и которая, как они полагали, была уничтожена космополитической иудейско-христианской традицией. Итальянский писатель и философ Юлиус Эвола (1898–1974), один из видных идеологов традиционализма, хорошо выразил позицию этого движения в названии своей главной книги «Восстание против современного мира»¹.

В межвоенной Европе молодой Элиаде и большая часть румынских интеллектуалов стремились укорениться на своей родной румынской почве, придумывая «древние» румынские традиции, продвигая румынский национализм, прославляя народное христианство и органическую «духовную» почву (Леньель-Лавастин 2007: 51–85). Чувства и умонастроения, проявленные Элиаде, были не маргинальными интеллектуальными пристрастиями, а культурным дискурсом, чрезвычайно популярным в то время в Европе. Более того, в таких странах, как Германия, Венгрия, Италия и Румыния, где большие группы населения считали, что условный Запад унизил их и подточил их духовные «скрепы», эти чувства в конечном итоге вышли за пределы культуры и фольклора, перейдя в область политики. Подобные пристрастия простирались от салонных разговоров в бухарестских кафе о важности народной «почвы» и попыток возродить «древнюю» римскую традицию в Италии времен Муссолини до таких радикальных форм, как национал-социализм в Германии с его культом арийских «скреп».

Хотя после войны Элиаде всячески преуменьшал свои довоенные интеллектуальные пристрастия, особенно после своего переезда в США в 1950-е гг., традиционализм никогда не переставал влиять на его умонастроения и работы, включая его книгу о шаманизме и другие многочисленные труды, которые он написал в Соединенных Штатах в 1960-х и 1970-х гг. Соратниками Элиаде по духовным и интеллектуальным поискам были такие видные писатели-традиционалисты, как Рене Генон (1886–1951), вышеупомянутый Эвола (1898–1974), а также Фритц-оф Шуон (1907–1998). Более того, с Эволой он тесно дружил, встречался и переписывался. Как и Элиаде, они выступали против западной цивилизации, модерна и пропагандировали антикапитализм.

Традиционалисты идеализировали незападные культуры и религии, почитали средневековье, прославляли народное христианство, природу и «органическую» жизнь, древние символы и мифологию. Они выражали недовольство глобализмом и космополитизмом и одновременно идеализировали все, что относилось к духовному и национальному. До Второй мировой войны такие идеи и настроения обычно ассоциировались с консервативными и правыми кругами. По иронии судьбы это культурный бунт против современного мира в наши дни, по крайней мере на Западе, ведется не только правыми, а также левыми и леволиберальными кругами, которые доминируют сегодня в мейнстриме. С 1960–1970-х гг. антизападничество стало проповедоваться движениями контркультуры и «нью эйдж», защитниками окружающей среды и мультикультуралистами, а сегодня оно приобрело статус господствующего дискурса в Западной Европе и Северной Америке. Это также, наверное, проясняет, почему некоторые ученые (Ellwood 1999: 119) считают Элиаде не консервативным мыслителем, а «радикальным модернистом».

Также как и в сегодняшней идеологии мультикультурализма, в тогдашнем традиционализме большую роль играло желание выйти за пределы европейской культуры, которая, как они считали, была отравлена ядом модернизма, и поискать «духовность» там, где она не была еще «испорчена» иудейско-христианской традицией. Как известно, на рубеже 1930-х гг. Элиаде путешествовал по Индии, где некоторое время жил и учился у индуистских духовных наставников. Все это нашло отражение в его известной книге о йоге (Элиаде 2014) и в романе «Бенгальские ночи», изданном в 1933 г., в русском переводе «Майтрейи» (Элиаде 2000б).



Юлиус Эвола (1898–1974), один из лидеров европейского традиционализма, с которым Элиаде находился в тесной связи. Современная акварель

Путешествие на Восток наложило глубокий след на мировоззрение и научное наследие Элиаде. Оно помогло ему определиться не только как сравнительному историку религий, но также как писателю и эзотерику, который пытался соединить элементы западной и восточной «мудрости». Подобным же образом, выходя за пределы «западной ойкумены», другие пророки европейского традиционализма пытались обогатить свой духовный мир. К примеру, Эвола «приобщился» к восточной духовности, написав книгу о буддизме, которая представляет собой не работу о буддизме как таковом, а его собственное прочтение этой религии, и также включает его рассуждения на тему что следует считать традиционным. В свою очередь Рене Генон, интеллектуальный

отец традиционализма (Стефанов 2006: 50–70), пройдя духовную практику в нескольких эзотерических орденах Европы, погрузился в изучение ислама. В конце концов он уехал из своей родной Франции в Египет, где и обратился в ислам. Шуон также перешел от иудейско-христианской традиции к исламу, позже пополнив свою «духовность» элементами религий коренных американцев.

Главный посыл традиционализма заключается в том, что современное общество представляет собой не прогресс, а падение человечества. Подобно многим пророкам антимодернизма как на Востоке, так и на Западе, традиционалисты утверждают, что западная цивилизация – это не благо, а проклятье, которое нам нужно преодолеть путем возвращения к традиционным корням, что поможет бездуховному человечеству вновь обрести себя. Так, Генон начинает одну из своих главных работ «Восток и Запад» с прямого обвинения: «Западная цивилизация предстает в истории как настоящая аномалия: из всех более или менее нам известных, эта цивилизация является единственной, развивающейся в чисто материальном направлении, и это чудовищное развитие, начало которого совпадает с тем, что принято называть Ренессансом, фатально сопровождалось, как это и должно было быть, соответствующей интеллектуальной регрессией» (Генон 2005: 35).

Иудейско-христианские религии не могут указать выход из духовного тупика, поскольку, как утверждал Генон, они – часть западной цивилизации и поэтому с самого начала были заражены ядом материализма и рационализма. Хотя Восток, по его мнению, также был испорчен вторжением западной цивилизации, там не все еще умерло, как на Западе, и поэтому есть надежда духовного возрождения. Другим важным элементом традиционализма было то, что сегодня мы бы буквально описали словом «мультикультурализм». В своей оппозиции господствующему евроцентризму, Генон, Эвола, Элиаде и их единомышленники выступали против господствовавшего евроцентризма, рассматривая все цивилизации как самоценные, уникальные и равноправные. Сама по себе подобная позиция не может вызывать серьезных возражений.

Однако, как и в нынешнем мультикультурализме, единственное исключение делалось для современной западной традиции, которую они рассматривали как вредную аномалию. Традиционалисты восхваляли незападные культуры и их духовные ценности, противопоставляя их с «испорченной» иудейско-христианской традиции. Хочу еще раз напомнить, что подобная точка зрения в наши дни широко распространена как на «евразийском пространстве», так и в левом мейнстриме Европы и Америки, где широко бытует презрение к своей же западной цивилизации и одновременно идет повальная идеализация третьего мира, расовых меньшинств и «племенных» культур.

Необходимо также отметить, что исторически традиционализм, который опирался на европейский романтизм с его иррационализмом, символизмом и «духовностью», был тесно связан с эзотерикой (Versluis 2007: 143–147). Все писатели и ученые, связанные с традиционализмом, очень интересовались различными оккультными и духовными знаниями. Элиаде не был здесь исключением. Будучи составной частью эзотеризма, традиционализм претендовал на получение «полного» духовного знания и истины. Как и эзотеризм, традиционализм доказывал, что у людей возможно озарение путем изменения их сознания. Все видные традиционалисты подчеркивали, что истинное духовное знание недоступно широким народным массам, ум которых отравлен материализмом, рационализмом и разными тривиальными банальностями. Генон, например, полагал, что только «просветленная» интеллектуальная элита Запада может стать тем элементом, который изменит развращенное обыденное сознание и заставит его задуматься о ценности духовной традиции.

Традиционализм настраивал своих сторонников продвигаться все дальше и дальше к исследованию и возрождению духовных архаических корней человека. Посыл здесь был очень простой – чем древнее, тем лучше. Если современная религия была испорчена рационализмом и материализмом и не содержала ничего достойного возрождения, если некоторые более ранние традиции (например, буддизм или индуизм) тоже были «подпорчены», то необходимо «копать» дальше, находить древние архетипы, элементы традиционной культуры, очищать их от поздних наслоений, возрождать и делать их духовной опорой людей. Для немалого числа традиционалистов источником духовного возрождения были не столько восточные религиозные традиции и европейское средневековье, сколько то, что им предшествовало.

На их духовной шкале индуизм и буддизм, безусловно, были лучше современного господствующего христианства и содержали много традиционного материала для духовного возрождения Запада. Однако и это не было «окончательной древностью». Если мы проследуем дальше в глубь веков, то, по логике традиционалистов, мы коснемся самых древних пластов человеческих традиций (языческие и «племенные» традиции каменного века), которые выглядели «чище» и лучше, поскольку были древнее. Именно тем, что мысль Элиаде шла в указанном направлении, я объясняю тот интерес, который румынский ученый проявил к шаманизму и в результате которого решил написать свою книгу об этой духовной традиции.

Элиаде видел свою миссию в раскрытии древних общечеловеческих духовных пластов, замурованных под толстым слоем «цивилизации». Написание книги о шаманизме было частью усилий, направленных на углубленные поиски самых древних духовных «скреп» человечества.

Цель была найти корни древней «первичной» религии и расшифровать ее универсальные архаические коды, которые помогли бы будущему духовному возрождению. Кстати, Элиаде был очарован самим словом «архаика», которое он часто использовал как синоним для обозначения «древности» или «первобытности».

В своих работах ученый часто без разбора использовал это выражение для обозначения людей каменного века, классических цивилизаций, а также тех «племенных» народов, которые жили в современном обществе. Всех их он считал носителями изначальной мудрости, утраченной современной цивилизацией. Шаманизм для него был проявлением наиболее архаичных пластов человеческой духовности, которая в равной степени была присуща всем народам. Более того, Элиаде предполагал, что эти древнейшие духовные пласты надо неким образом возродить, чтобы помочь нашим современникам восстановить прямой контакт с сакральным.

«Учиться» у племенных и древних народов

По мнению Элиаде, в отличие от современного общества, «архаичные» народы обладали и обладают способностью возвращаться в первобытное время посредством мифа и ритуала. Ученый считал, что в так называемых первобытных «племенных» обществах вся жизнь двигалась циклично, что обеспечивало духовный порядок, безопасность и стабильность. Подобную точку зрения можно выразить с помощью индейской метафоры священного круга, столь популярной среди современных экологов и сторонников «незападной духовности» в Европе и Северной Америке. Элиаде предполагал, что «падение» западного общества произошло, когда оно вытеснило священный цикл из своей жизни и, как стрела, устремилось к прогрессу. Таким образом жители Запада отрезали себя от своих изначальных корней. Живя под постоянным «террором истории», народы, принадлежащие к иудейско-христианской цивилизации, вынуждены были платить высокую цену: бессмысленное существование, стресс и в конце концов бесславная смерть. Элиаде верил, что многие современные проблемы возникли из-за того, что мы принижаем значение священного и духовного и превращаем науку и технологии в своих идолов. Поэтому на протяжении всей своей карьеры ученый оставался решительным критиком традиции Просвещения с ее упором на рационализм и линейное развитие.

Элиаде объяснял свое пристальное внимание к архаичной духовности желанием исправить предвзятость евроцентризма, который принижал роль древних мифов и верований: «Я пытаюсь открыть для людей Запада окна в другие миры, даже если некоторые из этих миров исчезли десятки тысяч лет тому назад. Поэтому вместо того, чтобы пользо-

ся языком, на котором разговаривали Зигмунд Фрейд или Джеймс Джойс, я пытаюсь понять и принять умонастроение палеолитического охотника, йога или шамана, крестьянина из Индонезии и африканца» (Allen 1998: 301). Ученый утверждал, что, пока не поздно, европейцы и американцы должны научиться у незападных народов видеть окружающий мир сквозь призму мифа и духовности, что должно вернуть людей Запада к первоначальной гармонии с миром.

Элиаде неоднократно подчеркивал, что, хотя мы были обречены жить в западной культуре и истории, люди должны найти способы защитить себя от этих сил. По крайней мере, для себя ученый определил следующий порядок поведения: «Мое основное желание – это выйти за пределы истории и спасти себя посредством символа, мифа, ритуала, архетипов». Для Элиаде подобное поведение было выражением естественной человеческой потребности стремится за пределы обыденной мишуры в мир сновидений, мифологии и воображения. В конце концов, как он подчеркнул в своей автобиографии, «жажда фантастического, воображаемого, приключений осталась такой же неутоленной, как и прежде, в душе современного человека» (Eliade 1988: 17).

Поскольку западная цивилизация задвинула древние знания на уровень подсознания, наша задача, по мнению Элиаде, состояла в том, чтобы вновь активизировать и довести их до сознательного уровня. Элиаде утверждал, что первым шагом западных людей к священному должно стать серьезное отношение к символам, метафорам и ко всему, что может нести остатки древних архетипов. Для современных людей самым доступным способом избежать «проклятия» времени и истории и вернуться к мифологическому прошлому – это художественный вымысел.

Элиаде был убежден, что в современном обществе литература была одним из оставшихся прибежищ древнего мифологического сознания; он называл художественную литературу «остатком мифологического поведения» в современном мире. Хотя ученый признавал, что время, потраченное на чтение художественной литературы, не равноценно тому, как «архаичный» человек переживал и проживал свой миф, но все равно погружение в мир художественной литературы – полезное занятие, поскольку позволяет упразднить линейный прогресс европейского образца. Сам Элиаде, кстати, был писателем-романистом, непосредственно участвовавшим в подобном «возрождении» мифологического сознания. В своих автобиографических заметках он неоднократно говорил о себе как о человеке двойного призвания – ученом и писателе.

Хочу еще раз напомнить, что во время написания своей книги о шаманизме Элиаде одновременно работал над мистическим романом «Запретный лес». В какой-то момент, разрываясь между этими двумя проектами, он отложил на время свое исследование «архаичных техник экстаза» и полностью посвятил себя написанию романа. Также важно отме-

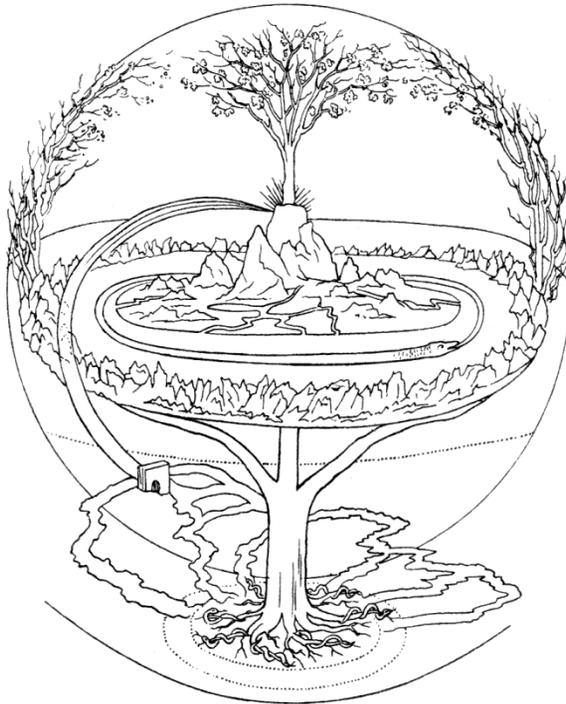
тить, что в начале своей карьеры в 1930-х гг. Элиаде – эссеист и писатель – уже был заметной фигурой в литературном мире Румынии как эссеист и писатель. Поэтому его научные тексты нельзя отделять от его художественной прозы. На первый взгляд, его академические тексты отформатированы в соответствии с традиционными образцами – в них есть примечания, сноски и они изобилуют соответствующей научной терминологией. Тем не менее научные книги и статьи Элиаде, как и труды его коллег-традиционалистов, строго говоря, не являются обычными научными трудами. Написанные с большой долей воображения, они находятся где-то посередине между наукой и литературой и представляют смесь обоих. Так, несмотря на кажущуюся научность своей книги о шаманизме, Элиаде в ней обращается ко всем современникам, готовым летать на крыльях своего воображения. Он погружает своих читателей в сказочный мир, населенный богами и волшебниками, мир, где все было возможно. В этом воображаемом мире мертвые возвращаются к жизни. Здесь люди исчезают и вновь появляются или превращаются в животных, и наоборот. В этом мире так называемые законы природы не существуют, а люди обладают способностью свободно подниматься в небесные сферы. Я думаю, что термин «ученый-духовник» лучше всего определяет творчество таких авторов, как Элиаде.

Архетипы первобытной религии: взгляд Элиаде на шаманизм

Элиаде полагал, что, погружаясь в изучение религий современных и древних племенных народов, можно добраться до архетипов первичной религии, которые впоследствии были извращены и искажены более поздними цивилизациями. В «Шаманизме» и других работах Элиаде определил и описал ряд таких первоначальных пластов. Так, одним из главных архетипов, который проявился в шаманизме, был экстаз (измененное состояние сознания), который шаманы использовали для взаимодействия с миром священного, с миром духов. Другим универсальным паттерном, который Элиаде обнаружил у всех народов мира, было шаманское восхождение (полет) в небесный мир.

В качестве примера давайте рассмотрим, как Элиаде объяснил универсальное происхождение вышеупомянутого архетипа священного полета. Так, ученый начинает свою книгу об «архаичных техниках экстаза» с примера алтайского шамана, ритуально взбирающегося на березу во время сеанса восхождения в «небесную» сферу. Для реконструкции «типичного» шаманского камлания Элиаде использовал его описание, позаимствованное у В.В. Радлова (1989: 370–395); любопытно, что последний позаимствовал его из очерка алтайского миссионера Василия Вербицкого, которой очередь в искаженной форме переписал его из отчета анонимного миссионера (Znamenski 2007: 37).

Если на минуту представить, как пишет Элиаде, что идея вознесения в верхний мир пришла из тибетского буддизма, который был в непосредственной близости от Алтая, то это было бы ложным предположением. Ведь можно найти похожие ритуалы восхождения на небеса по всему миру среди людей, которые не имели никакого отношения к древнему Востоку. Поэтому, заключает ученый, будет логичным предположить, что сама идея небесного восхождения была первородным духовным пластом, характерным для людей во всем мире. В этом случае архетип духовного восхождения «является феноменом первичным, т.е. свойственным человеку как таковому в его изначальной целостности, а не как историческому существу» (Элиаде 2000а: 3).



Занимаясь поисками древнейших первоисточков религии, Элиаде пришел к заключению, что один из них – это понятие вселенского центра (*axis mundi*), который отразился в разных религиях в виде концепции мирового дерева (рисунок из: Philpot J.H. *The Sacred Tree or the Tree in Religion and Myth*. London: Macmillan, 1897)

Элиаде также много внимания уделял другой важной универсальной идее – символике центра (так называемая ось мунди). Он указывал, что проявления этого символа могут быть различными у разных народов: шаманское мировое древо, священная гора, мост, который сибирские шаманы используют для доступа к миру духов во время своих духов-

ных путешествий, дымовое отверстие в кочевой юрте, шаманский бубен и храмы или священные города в более «продвинутых» цивилизациях. И все же, по сути, все вместе они выражали универсальную архетипическую идею центра. Например, для Элиаде тот факт, что сибирский шаманский бубен был сделан из дерева ритуально отобранных деревьев, указывал на связь с мировым деревом, что, опять-таки, по его мнению, отражало идею мистического центра.

Элиаде также был убежден, что шаманская вселенная у всех народов состояла из трех уровней (еще одна универсальная архетип-матрица): верхнего, среднего и нижнего миров, которые связаны центральной осью (мировым деревом или священной горой). Ученый, несомненно, хорошо знал, что на самом деле картина духовных вселенных различна в разных культурах. Например, в своей книге о шаманизме он указал, что среди алтайцев некоторые верили, что существует семь «небес», а другие говорили о девяти «небесах». Тем не менее, стремясь вывести универсальные закономерности, Элиаде называл такие вариации о семи или девяти мирах более поздними наслоениями, которые «загрязнили» глубинную архаическую идею трех миров. Например, он предположил, что идея семислойного космоса была опосредованно заимствована несколькими группами коренных народов Сибири у классического Востока.

Хотя Элиаде и не употреблял слово «архетип», в своих поисках древнего межкультурного религиозного символизма он двигался в ногу с Карлом Юнгом, еще одним «ученым-духовником», который впоследствии стал популярным в контркультурных кругах. Юнг разрабатывал свои идеи в рамках психологии, но был заинтересован в выявлении древних и глубинных архетипов духовной жизни характерных для всего человечества. Помимо всего прочего, оба были лично знакомы и вместе принимали участие в 1950-е гг. в конференциях по религии и мифологии, которые регулярно собирались в Швейцарии. Там же был и известный шведский исследователь религий североамериканских индейцев и шаманизма Аке Хульткрантц (1920–2006) (Hultkrantz 1992). К этому же коллективу принадлежал и американский ученый-писатель и исследователь мифологии Джозеф Кэмбелл (2018) (автор книги «Сила мифа», ставшей бестселлером в США). Все эти люди общались и подпитывали друг друга идеями относительно «первородных» духовных основ человечества.

Универсальные символы, которые Элиаде обнаружил в шаманизме, вошли в его творчество под влиянием трудов финских фольклористов, в которых обсуждалась евразийская мифология. Особенно важными оказались книги «Древо жизни» и «Религиозные воззрения алтайских народов», принадлежавшие перу Уно Харва-Хольмберга (Harva [Holmberg] 1922, 1938). Последний обнаружил в мифологии и религиях народов Евразии универсальные архетипы, которые Элиаде взял и распространил

на весь остальной мир. Заметное влияние на творчество румынского ученого оказали работы сибирских областников, которые помимо описания шаманизма (Анохин 1924) также, как и финские фольклористы, были озабочены поисками универсальных закономерностей в евразийской мифологии (Потанин 1899, 1912; 1916) для обоснования самоценности и культурной значимости своего региона. Их работы Элиаде знал по немецким переводам и коротким изложениям.

Примечательно, что в заключении к своей книге о шаманизме, которое носит название «Формирование североазиатского шаманизма», Элиаде (2000а: 268–274) бросил вызов тем, кто полагал, что шаманизм был сугубо региональной духовной практикой, характерной только для Северной Азии и тесно связанной с буддизмом; подобная точка зрения была достаточно популярна среди многих ученых 1920–1940-х гг.



Элиаде использовал описание алтайского шаманского сеанса, данного Вильгельмом Радловым для иллюстрации «типичного» шаманского сеанса. Рисунок В. Радлова, сделанный во время его поездки по Горному Алтаю в 60-е гг. XIX в. (рисунок из: Radloff W. Aus Sibirien: Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Leipzig: Weigel, 1884. B. 2. S. 18–19)

Румынский ученый не возражал, что буддизм, находившийся по соседству с Сибирью, действительно повлиял, например, на эвенкийский шаманизм. Но при этом он призывал отделять «настоящий» и «древний» эвенкийский шаманизм от «наносного» буддизма. Элиаде отмечал, что восточная традиция могла повлиять только на форму шаманизма эвенков; например, их духовный пантеон включал в себя буд-

дистские божества. Однако, как считал Элиаде, такое влияние едва ли распространилось на универсальные архаичные модели шаманизма: концепцию центра, понятия мирового дерева, экстаза и небесного восхождения. Ученый настаивал на том, что, несмотря на все изменения и нововведения, основные элементы шаманизма, которые были одинаковы во всех «архаичных культурах», не подверглись изменениям. Поэтому для Элиаде было естественным предположить, что каждый региональный шаманизм, если его очистить от местных «ненастоящих» культурных напластований и чужеродных «вливаний», всегда будет проявлять свои универсальные первичные архетипы.

Христианские аллегории

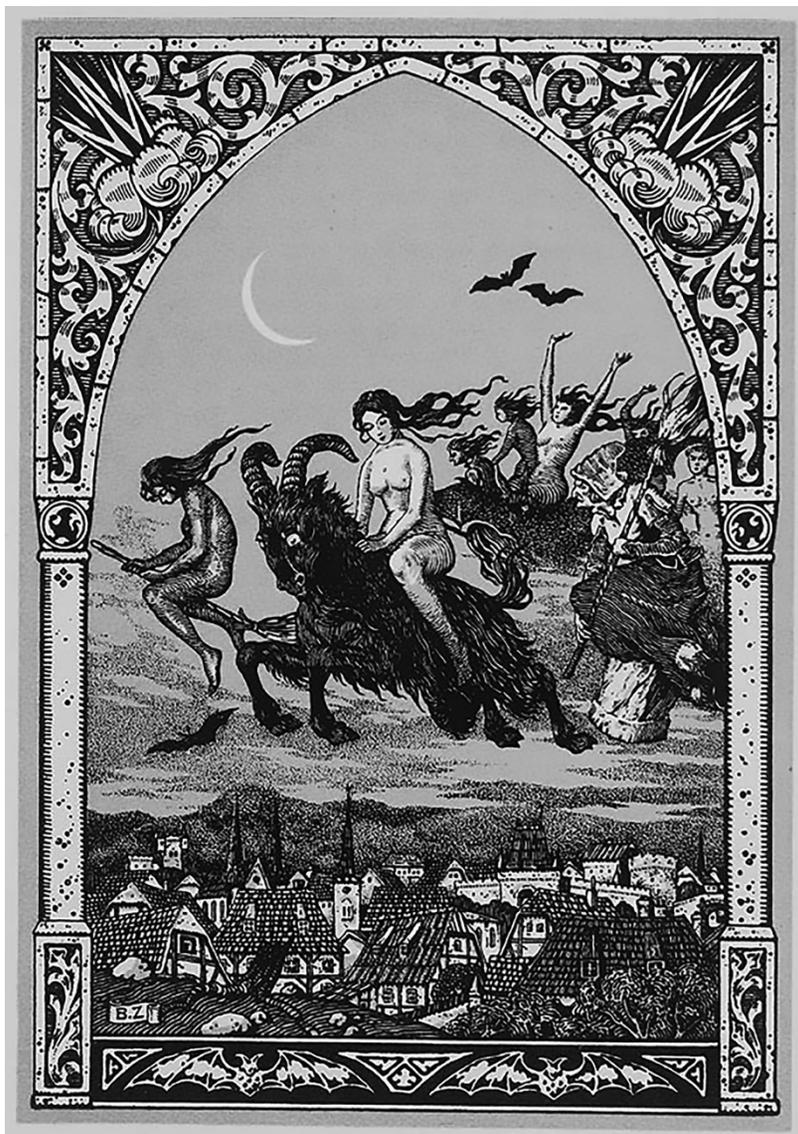
Как в таком случае отличить архаичные и современные элементы шаманизма? Ответ Элиаде на этот естественный вопрос был сформулирован в лучших традициях «ученого-духовника»: в этом деле надо полагаться на свое творческое воображение. Например, он почему-то предположил, что магический полет шамана в небесную сферу (верхний мир) для получения помощи от небесных существ был идеей, восходящей к архаичным временам, а вот спуск шамана в нижний мир, наоборот, оказался более поздней инновацией, наложившейся на «древнюю духовность». Не случайно Элиаде называл шаманские сходжения в нижний мир «адскими» путешествиями в землю, населенную «демонами».

Обратите внимание на его использование христианских аллегорий. Следуя модели «первобытного» шаманизма, которую он нарисовал для себя, Элиаде предположил, что, к примеру, шаманизм эвенков был «декадентским», поскольку их духовные практики уделяли слишком мало внимания восхождению в верхний мир (архаичная техника). Ученый доказывал, что в «архаичные времена» духовные силы были разделены на добрые божества, которые обитали в небесной сфере, и злые существа, населявшие подземный мир.

На самом деле многие «племенные» или элементарные общества никогда не знали такого разделения, которое приписывал им Элиаде. Например, общеизвестно, что многие этнографические отчеты XVIII и XIX вв. говорят нам, что коренные народы Сибири и Северной Америки относились ко всем духовным силам, независимо от их «прописки», как к нейтральным. Духи могли стать доброжелательными или злыми, в зависимости от того, насколько сильно люди их задобрят или, наоборот, обидят.

Критики вполне обоснованно утверждали, что, отдавая приоритет верхнему миру над нижним, Элиаде тем самым обнаруживал свои христианские предпочтения, которые не имели никакого отношения к фактической эволюции шаманизма. Разные библейские метафоры, без-

условно, пагубно сказались на той картине всемирного «архаического» или «первобытного» шаманизма, который ученый пытался нарисовать путем абстрагирования от разнообразных культур мира.



Элиаде расширил понятие шаманизма, распространив его далеко за пределы Сибири и Северной Америки. В частности, он считал, что средневековые ведьмы тоже были своеобразными шаманами (рисунок из: Garçon M. *La Vie Exécrable de Guillemette Babin Sorcière*. Paris: H. Piazza, 1926)

Более того, само происхождение шаманской профессии у разных народов Элиаде связал с идеей «падения человека». Он писал, что из

различных мифов у разных народов мира мы узнаем, что в какое-то неопределенное первобытное время люди жили «священным образом» в полной гармонии с миром природы. Животные разговаривали с людьми, а люди разговаривали с животными. Более того, настаивает Элиаде, они были настолько близки друг к другу, что люди в этих мифах могли превращаться в животных, а затем снова становится людьми. В то райское время каждый мог пообщаться со священным.

В своей статье «Тоска по раю в первобытной традиции» (Eliade 1962: 86), которая представляет собой краткое изложение его книги о шаманизме, Элиаде отметил, что, как только люди разорвали свою интимную связь с первобытным «раем» и отделили себя от мира природы, они утратили прямой доступ к священному. В то же время люди сразу же стали ностальгировать о потерянном, чувствуя «тоску по раю». К счастью, замечает ученый, древние и современные племенные общества смогли сохранить некоторые контакты со священным через специальных посредников – шаманов, которые помогали обычным людям «воссоздать состояние первобытного человека».

Шаманы были теми немногими людьми, которые благодаря своим эзотерическим практикам сохранили изначальную способность разговаривать со священными животными, превращаться в них и вновь возвращаться в обычный мир. Все ритуальные действия шаманов, как казалось Элиаде, были направлены на мистическую реконструкцию изначального естественного состояния, утраченного людьми в результате своего падения. В качестве примера ученый приводил широко распространенную шаманскую практику подражания голосам животных. В то время ученые часто рассматривали духовные практики племенных народов через очки психиатрии и считали подобное поведение психическим отклонением. Для Элиаде, напротив, такое подражание означало установление «дружбы с животными», что приводило к приобретению «природной спонтанности» и в итоге давало возможность шаманам «выйти за пределы состояния “падшего человечества”» (Eliade 1962: 88, 90–91, 98).

Элиаде полагал, что благодаря шаманам элементарные общества научились преодолевать «неестественное состояние» человеческого падения, и поэтому они никогда не теряли связи с миром священного. В отличие от них, те общества, которые вступили на шаткий путь цивилизации и организованных религий, ввергли себя в новый виток упадка, который оказался фатальным. Согласно Элиаде, священный круг традиционной духовности, представленный мифами и шаманскими ритуалами и символически возвращающий людей в райское состояние, в «цивилизованном» обществе оказался разорванным. В этот момент духовное стало не только далеким и менее доступным, но прочно ушло в подполье на

уровень бессознательного. В конце концов «падение» в цивилизацию завело людей в болото бездуховности и секуляризма.

В западной цивилизации священное было вытеснено на уровень ностальгии по «настоящему», а также в область фантазий, литературы, искусства, музыки или общественной теории. Исключением были христианские мистики, которых Элиаде считал современной аналогией шаманов. Во всех других отношениях, по его мнению, современное общество оказалось не способно производить человеческих индивидов, которые, подобно шаманам прошлого, могли бы духовно возвращать людей в утраченный рай.

Тем не менее, надо иметь в виду, что предубеждения, которые мы обнаруживаем в трудах Элиаде, выходили далеко за рамки господствующей иудейско-христианской традиции. Это были предубеждения писателя, ученого-экумениста, открытого для всех видов духовных практик, которые соответствовали его романтическому традиционализму. На мировоззрение Элиаде повлияли не только библейские сюжеты и понятия, но и различные элементы западной и восточной духовной традиции. Среди них были те, которые пришли из европейского мистицизма и астрологии, народного христианства восточноевропейских крестьян, индуистские традиции и другие духовные системы, который находились за пределами официального христианского канона. Философ Д. Аллен, автор интеллектуальной биографии Элиаде, подчеркивает: «Элиаде был эклектиком, мыслителем, который синтезировал различные традиции. Его религиозная ориентация определялась сочетанием незападных “архаичных” практик, индуизма и прочих форм восточной духовности, христианского космизма, разных видов “космической религии” и всевозможных альтернативных практик» (Allen 1998: 123).

Сам Элиаде подчеркивал, что всю свою жизнь он пытался понять тех людей, единственной «работой» которых было верить: шамана, йога, австралийского аборигена, известных христианских святых, таких как Мейстер Экхарт или Франциск Ассизский (Allen 1998: 121). Учитывая все это, мы не можем наклеить на Элиаде ярлык христианского ученого, как это делают некоторые его критики. Интеллектуальный мир и творчество Элиаде больше вращались вокруг поиска параллелей между религиями и мифологиями разных культур; причем особое внимание он уделял маргинальным и оккультным духовным практикам, «падению» человека и возможности его возвращения в «настоящий» мир через внутреннее духовное знание. Все эти моменты позволяют нам определить Элиаде не только как писателя-традиционалиста, но и как последователя эзотеризма.

В 1960-е гг. именно это направление в творчестве Элиаде и привлекло американских и европейских духовных искателей и поклонников «нью эйдж», которые стали бунтовать против западной цивилизации. Они чувствовали себя как дома, оперевшись на тот универсальный

«духовный» стержень, который дал им Элиаде, нарисовав из эклектического смешения западных и незападных духовных традиций архетип «первородной духовности». Как и сам Элиаде, многие из этих искателей вышли из той же самой иудейско-христианской традиции, к которой они стали относиться с недоверием. Они аналогичным образом питались от разнообразных незападных, дохристианских, раннехристианских и западных эзотерических практик.

Элиаде глазами западных духовных искателей и академических ученых

Важно помнить, что посредством своих книг и статей Элиаде стремился разговаривать не только с учеными, специалистами, но и с широкой аудиторией, которая ценит мир духовного. Так, когда он задумывал свою книгу о шаманизме, Элиаде особо подчеркивал в своем дневнике, что он не хотел бы ограничиваться написанием академического трактата: «Мне было бы приятно, если бы эту книгу, “Шаманизм: архаические техники экстаза”, прочли поэты, драматурги, литературные критики и художники. Возможно, некоторые из них почерпнут из нее гораздо больше, чем ученые, ориенталисты и историки религии» (Eliade 1988: 91).

В предисловии к «Шаманизму» Элиаде еще раз подчеркивает, что его текст в первую очередь адресуется неспециалистам. В то время это было довольно смелое заявление, поскольку в начале 1950-х гг. в общественной мысли все еще доминировали позитивизм и психоанализ, а в самом обществе еще и в помине не было массового движения контркультуры. Сам ученый, кстати, хорошо понимал это. Более того, он не питал иллюзий по поводу привлечения к своей книге сколько-нибудь значимой аудитории. В этом же предисловии он признал, что описания шаманизма и его ритуалов, скорее всего, не оставят отклика в сердцах многих читателей. И действительно, когда в 1951 г. было опубликовано первое французское издание его книги о шаманизме, незападные и особенно племенные религии все еще оставались объектом незначительного, в основном этнографического интереса.

Тем не менее Элиаде пророчески писал, что судьба европейской культуры зависит от диалога с неевропейской духовной традицией. Уже в следующее десятилетие, когда на западе люди стали разочаровываться в своей собственной иудейско-христианской цивилизации, они все чаще стали обращаться к книгам таких интеллектуалов-«духовников», как Элиаде, которые продвигали как наследие «незападных» народов, и маргинальные традиции европейского эзотеризма. Видимо, к концу 1940-х гг. Элиаде уже почувствовал, что эра интеллектуального позитивизма подходит к концу. Еще в 1946 г., осмысливая план своей книги о шаманизме, он отме-

тил в своем дневнике: «Я должен представить шаманизм в общем ракурсе истории религий, а не как умственное явление, относящееся к психиатрии». А уже в предисловии к самой книге он подчеркивал, что «все меняется» и что мир современных и древних «архаических» народов не менее последователен и интересен, чем современный западный мир. Более того, он указал, что любой культурный человек, который считает себя настоящим гуманистом, мог бы извлечь пользу из изучения незападных верований, «поскольку с некоторых пор гуманизм перестали отождествлять с духовной традицией Запада, какой бы прекрасной и плодотворной она ни была» (Элиаде 2000а: 6).

Действительно, все поменялось. В 60-х и 70-х гг. прошлого века контркультура на Западе стала оспаривать господствующие иудейско-христианские традиции, а экологическое движение приобрело статус новой и непогрешимой светской религии. Более того, наиболее радикальные духовники объявили западную «белую» традицию «раковой опухолью человечества», а племенные и незападные культуры носителями благородного коллективистского образа жизни и защитниками окружающей среды. Шаманы же из сумасшедших превратились в носителей особой высшей духовности.



Отель «Швеция», где Элиаде в 1946–1947 гг. работал над своей книгой «Шаманизм: архаические техники экстаза». Фото автора

Широкий круг ученых и духовных искателей заинтересовался раскрытием «архаичных» глубинных слоев духовности, в том числе шаманизма. Это новое «восстание» против современного мира охватило гораздо более широкие круги людей, чем движение традиционалистов в 1920-х и 1930-х гг. Хотя некоторые нынешние искатели, которые интересуются «архаичными техниками экстаза», действительно критикуют Элиаде за фактические недостатки, для многих из них его книга остается настольным текстом о классическом шаманизме.

Сила творчества Элиаде заключалась в его способности уловить иррациональные устремления современной западной аудитории. Помимо реабилитации племенных «природных» религий в глазах западных людей, Элиаде неизмеримо расширил географические границы понятия шаманизма. В некотором смысле Элиаде сделал шаманизм глобальным. Его предшественники ограничивали это явление рамками Сибири, арктических районов и западной части Северной Америки. Элиаде же пошел дальше и предложил ученым и духовным искателям применять понятие шаманизма для обозначения всех незападных, а также дохристианских европейских духовных традиций, которые не вписывались в формат организованных мировых религий и в которых духовные подвижники работали с измененным сознанием.

После выхода книги Элиаде ученые и писатели постепенно начали переосмысливать такие старые ярлыки, как «бесноватость», «колдовство», «знахарство», «магия», к которым они ранее прибегали, описывая племенные духовные практики. К концу 1960-х гг. эти понятия выглядели анахронизмом и требовали замены. В этих условиях терминология и подходы Элиаде оказались весьма к месту. Понятия «шаман» и «шаманизм», несомненно, поначалу казались удобными заменителями, поскольку они не несли никакой негативно-оценочной ассоциации, а главное, привлекали своей «незападностью».

Еще одной привлекательностью шаманизма как опорного понятия для описания всех «архаичных» верований был тот акцент на суверенитете племенных духовников, который им приписывал Элиаде. В его книге шаманы действовали как харизматичные герои, которые по своему желанию призывали своих духов-помощников и смело преодолевали время и пространство, устанавливая контакт с силами других миров. Основываясь на книге Сергея Широкого (Shirokogoroff 1935) об эвенкийских шаманах, Элиаде подчеркивал, что шаманские духовные практики укрепляли свои общины, обеспечивая стабильность, порядок и безопасность. По его мнению, без вмешательства шаманов племенные сообщества были бы обречены на распад². В целом портрет шамана, написанный Элиаде, соответствует изменяющемуся отношению к незападным культурам, которые стали выходить из забвения в 1960–1970-е гг. Исследователь традиционных африканских религий И.М. Льюис (Lewis 1989: 169) хорошо уловил

эту изменчивую позицию, когда написал: «Таким образом, шаман перестал быть знаком подчинения и унижения, а превратился в символ независимости и надежды». Такого рода заявления на самом деле говорили не столько о самом шаманизме, сколько о культурных устремлениях западных интеллектуалов и их коллег из «третьего мира», которые не хотели, чтобы их духовность подверглась маргинализации и списывалась со счета как колдовство и примитивное знахарство.

Как бы там ни было, но своей книгой Элиаде реабилитировал «племенные» религии и шаманов, которых более ранние писатели и ученые считали сумасшедшими, шарлатанами и примитивными врачевателями. Ставя «племенные» духовные традиции на один уровень с так называемыми мировыми религиями, Элиаде подчеркивал: «проявление сакрального в “камне” или в “дереве” не менее таинственно и значительно, чем проявление сакрального в “боге”» (Элиаде 2000а: 5). Таким образом, шаманизм, который образованные западные люди раньше считали примитивным анахронизмом, теперь засиял по-новому как некая духовная основа, которая поможет найти опору для бездуховного Запада.

Неошаманизм стал одной из западных духовных практик, опирающихся на ту всеохватывающую матрицу «архаичных техник экстаза», которую нарисовал нам Элиаде. Так, книга румынского ученого оказала глубокое влияние на антрополога Майкла Харнера, «отца-основателя» западного неошаманизма. В психотерапевтической технике под названием «базовый шаманизм», разработанной Харнером, явно просматривается интеллектуальное наследие Элиаде. Сама эта техника стала результатом выделения и систематизации того, что Харнер рассматривал как общие архетипы шаманизма у культур всего мира. Раскрывая методы «базового шаманизма», в своем классическом руководстве «Путь шамана» (*The Way of the Shaman*) Харнер (Harner 1990: 41) писал: «Именно эта общность, характерная для древней силы и системы исцеления, дала возможность Элиаде и другим ученым с уверенностью говорить о возникновении шаманизма среди народов, долгое время изолированных друг от друга».

В какой-то степени «базовый шаманизм» стал воплощением мечты Элиаде о возрождении архаичных знаний для «лечения» современного западного человека. Подобно Элиаде, Харнер писал о потерянном золотом веке, когда животные и люди жили в единстве. Он тоже отмечал, что после «грехопадения» человечества шаманы оставались единственными людьми, которые могли поддерживать связь со священным миром животных. Опять же, как и Элиаде, основатель «базового шаманизма» подчеркивал, что, несмотря на большие исторические изменения, современные так называемые племенные народы, живущие в отдаленных районах, по-прежнему сохраняют основы своего шаманского знания.

Непрерывной чертой элиадовского метода была его неприязнь к любому подходу, который ставил религию в конкретно-исторические или экономические условия. Сам Элиаде называл такие подходы «паразитами на теле религиозного знания». Ученый был убежден, что священное следует изучать во вневременной плоскости, независимо от того, как и когда оно существовало. Священное, доказывал Элиаде, надо изучать само по себе, не сводя его к общественной жизни, истории, экономике или психологии. Этот метод стал известен как феноменологический подход. Элиаде подчеркивал, что он рассматривает «сны, галлюцинации и картины восхождения в небесные миры, обнаруживаемые повсюду в мире, не зависимо от каких-либо исторических или иных условий». Он объяснял, что его цель – не изучение шаманизма в рамках определенной культуры, истории или конкретного места, а желание ухватить универсальную основу и природу этого явления.

Несмотря на популярность среди духовных искателей, феноменологический подход Элиаде и все его творчество в настоящее время не пользуются большим признанием в академических кругах, особенно среди антропологов, которые скептически относятся к попытке Элиаде выделить какой-то общий скелет племенных религий, характерный для древних и современных народов. Отвергается сама попытка поиска каких-либо архетипов «универсального шаманизма». Более того, глобальное видение Элиаде шаманизма не соответствует современному постмодернистскому образу мышления, которое делает акцент на уникальном, индивидуальном и конкретном и с подозрением относится к любому обобщению. Примечательно, что в 1960-е гг., до появления постмодернизма, многие антропологи, наоборот, проявляли интерес к творчеству Элиаде и часто ссылались на его книгу о шаманизме.

Избегая делать широкие выводы и преследуемые постоянным страхом как-то обидеть «незападные» народы, в наши дни многие западные антропологи практически всегда избегают широких сравнений, обобщений и выводов. Они чувствуют себя более комфортно, ограничиваясь рамками конкретных культур и предоставляя «аборигенам» возможность говорить о своих собственных традициях. Эти ученые утверждают, что такие элиадовские концепции, как экстаз, небесный полет, три мировые сферы и космический центр (мировое древо), которые он канонизировал как универсальные столпы шаманизма, рассыпаются в прах, если их рассматривать в рамках конкретного этнографического материала.

Более того, под влиянием постмодернистской традиции многие антропологи пытались полностью отказаться от самого определения шаманизма в своих исследованиях. Эта тенденция зародилась на рубеже 1970-х гг., когда приобрел популярность метод «глубоко-детального описания» (*thick description*), предложенный Клиффордом Гирцем, ко-

торый впоследствии превратился в одного из столпов американского постмодернизма (на него полагалось ссылаться всем уважающим себя гуманитариям).

Гирц утверждал, что такие абстракции, как шаманизм или тотемизм, – продукты западного воображения и, по сути, совершенно бессмысленны, поскольку служат ученым как удобный инструмент для сортировки их этнографических материалов. Пытаясь распрощаться с универсальным видением шаманизма, антрополог Мэри Аткинсон (Atkinson 1992) даже предложила ввести вместо слова «шаманизма» выражение «шаманизмы», чтобы подчеркнуть тот факт, что духовные практики разных народов уникальны и не поддаются обобщению. Археолог Роберт Уоллес (Wallis 2003) использовал этот же подход в своем исследовании духовных практик современных «неошаманистов».

Антропологи также поставили под сомнение авторитет Элиаде как исследователя. Действительно, Элиаде был прекрасным примером кабинетного ученого – отлично начитанного, но никогда не наблюдавшего ни одного шамана в жизни. Для антропологов, которые считают, что полевой опыт является необходимым условием для любого глубокого понимания культуры других народов, такой книжный подход дискредитирует все его творчество. Критики также отмечают, что трактат Элиаде о шаманизме содержит фактические ошибки, особенно когда он говорит о культурных особенностях конкретных народов.

Более серьезными являются обвинения румынского ученого в его профашистских симпатиях, которые восходят к его предвоенным очеркам, где он положительно высказывался о народном православии в Румынии, восхвалял язычество и местные «скрепы». Философ Келли Росс (Ross 1996) пошел даже дальше и утверждал, что, поскольку в трудах румынского ученого восхвалялась «архаическая религия», творчество Элиаде надо приравнять к «аморальному неоязычеству нацистов». В заключение отмечу, что, критикуя Элиаде, в своей книге антрополог Барбара Тедлок (Tedlock 2005: 64) почему-то заявила, что популярный в 1940–1950-х гг. психоанализ сильно повлиял на книгу Элиаде о шаманизме, а это просто не соответствует действительности. На самом деле одна из главных целей книги о шаманизме состояла как раз в том, чтобы полностью пересмотреть психологические и психоаналитические интерпретации «архаичных техник экстаза». Вращаясь в рамках радикального феминизма и «женской духовности», Тедлок также настаивает на том, что под влиянием психоанализа Элиаде принизил роль женщин-шаманов в истории. Действительно, Элиаде отдавал предпочтение «мужскому шаманизму» и принижал историческую роль женщин, практикующих шаманизм. И все же это не имеет ничего общего с психоанализом. Если рассматривать книгу Элиаде в контексте того времени, когда она писалась, то станет ясно, что автор просто отразил в ней тогдашние патриархальные викторианские

предубеждения, распространенные в интеллектуальной и культурной жизни в послевоенной Европе.

Помещая творчество Элиаде в контекст времени и исследуя идеи, которые сформировали его как ученого и писателя, можно лучше понять, что побудило его к написанию грандиозного труда о шаманизме, который, как оказалось, утвердил это понятие в западных гуманитарных и общественных науках и в конечном итоге повлиял на умы многочисленных духовных искателей.

Примечания

- ¹ Подробнее об интеллектуальной истории западного традиционализма см. Сэдживик (2014).
² Позже некоторые постмодернистские антропологи, которые стали применять к исследованию шаманских камланий бахтинскую теорию спонтанного народного карнавала, посчитали подобную интерпретацию шаманизма «фашистским подходом» (подробнее об этом, см. Znamenski 2007: 230–231).

Литература

- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л.: Изд-во Российской академии наук, 1924.
- Веннер Д. История и традиции европейцев: 30000 лет идентичности / пер. с фр. А.М. Иванова. М.: Тотенбург, 2018.
- Генон Р. Восток и Запад / пер. с фр. Т. Б. Любимовой. М.: Беловодье, 2005.
- Кэмпбелл Дж. Сила мифа / пер. с англ. П. Ярышева, Н. Ханелия. СПб.: Питер, 2002.
- Леньель-Лавастин А. Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран / пер. с фр. Е.П. Островская. М.: Прогресс-Традиция, 2007.
- Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом эпосе. М.: Кушнеров и ко, 1899.
- Потанин Г.Н. Сага о Соломоне: восточные материалы к вопросу о происхождении саги. Томск: Сиб. т-во печ. дела, 1912.
- Потанин Г.Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии: материалы к турко-монгольской мифологии. Томск: Изд. А.М. Григорьевой, 1916.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989.
- Стефанов Ю.Н. Мистики, оккультисты, эзотерики. М.: Вече, 2006.
- Сэдживик М. Наперекор современному миру: традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Эвола, Ю. Восстание против современного мира. М.: Прометей, 2016.
- Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев: София, 2000а.
- Элиаде М. Майтрейи. СПб.: Азбука, 2000б.
- Элиаде М. Йога: Бессмертие и свобода. М.: Академический Проект, 2014.
- Allen D. Myth and Religion in Mircea Eliade. New York; London: Routledge, 1998.
- Atkinson J.M. Shamanisms Today // Annual Review of Anthropology. 1992. Vol. 21. P. 307–33.
- Eliade M. The Yearning for Paradise in Primitive Tradition // The Making of Myth / ed. by Richard M. Ohmann. New York: Putnam, 1962.
- Eliade M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1964.
- Eliade M. Autobiography. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Eliade M. The Forbidden Forest. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1978.
- Ellwood R. The Politics of Myth: A Study of C. G. Jung, Mircea Eliade, and Joseph Campbell. Albany; New York: State University of New York Press, 1999.
- Harner M. The Way of the Shaman. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1990.
- Harva [Holmberg] U. Der Baum des Lebens. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1922.
- Harva [Holmberg] U. Die religiösen Vorstellungen der Altaischen Völker. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1938.

- Hultkrantz Å. Shamanic Healing and Ritual Drama: Health and Medicine in Native North American Religious Traditions. New York: Crossroad, 1992.
- Lewis I.M. Ecstatic Religion: A Study of Shamanism and Spirit Possession. London: Routledge, 1989.
- Ross K.L. Mircea Eliade (1907–1986). 1996. URL: <https://www.friesian.com/eliade.htm> (дата обращения: 08.11.2020).
- Shirokogoroff S. Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan, Paul, 1935.
- Tedlock B. The Woman in the Shaman's Body: Reclaiming the Feminine in Religion and Medicine. New York: Bantam, 2005.
- Versluis A. Magic and Mysticism: An Introduction to Western Esotericism. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.
- Wallis R.J. Shamans/Neo-Shamans: Ecstasy, Alternative Archaeologies, and Contemporary Pagans. London: Routledge, 2003.
- Znamenski A. The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination. New York: Oxford University Press, 2007.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2020 г.

Mircea Eliade: Shamanism, traditionalism and the ideology of the archaic

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/3

Andrei A. Znamenski, University of Memphis (USA). E-mail: aznamenski@gmail.com

Abstract. The article examines the possible reason that prompted known religious studies scholar Mircea Eliade (1907–1986), who never considered himself a student of shamanism and ‘tribal’ people, to write his classic *Le Chamanisme et les techniques archaïques de l'extase* (1951). It is suggested that, for Eliade whose mindset was heavily saturated with the philosophy of traditionalism, it was a logical step to embark on that project. Traditionalism sprang up as a cultural and ideological movement among European right-wing intellectuals in the 1920s and the 1930s. It brought together people who were suspicious of Western civilization and many of whom dived into the occult and esotericism. Traditionalists were fixated on the search for humanity's ‘archaic’ and ‘original’ spiritual roots, which they frequently located in pre-Christian beliefs and myths. The article also discusses the way writers and social scholars responded to Eliade's impressionistic study, as well as how Eliade's vision of shamanism inspired numerous spiritual seekers in the West in the 1960s and the 1970s and how eventually, with the ascent of postmodernism, his view of shamanism as the universal primordial religion of humanity became the object of severe criticism.

Keywords: Shamanism, Mircea Eliade, Traditionalism, *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*, Julius Evola, Wilhelm Radloff, ethnology

References

- Anokhin A.V. *Materialy po shamanstvu u altaitsev* [Materials on shamanism of the Altai people]. Leningrad: Izdatel'stvo Rossiiskoi akademii nauk. 1924.
- Venner D. *Istoriia i traditsii evropeitsev: 3000 let identichnosti* [Histoire et tradition des Européens: 30 000 ans d'identité]. Translated from French by A.M. Ivanov. Moscow: Totenburg, 2018.
- Guenon R. *Vostok i Zapad* [Orient et Occident]. Translated from French by T.B. Liubimova. Moscow: Belovod'e, 2005.
- Laignel-Lavastine A. Zabytyi fashizm: Ionesko, Eliade, Choran [L'oubli du fascisme: trois intellectuels roumains dans la tourmente du siècle, Cioran, Eliade, Ionesco]. Translated from French by E.P. Ostrovskaia. Moscow: Progress-Traditsiia, 2007.
- Potantin G.N. *Vostochnye motivy v srednevekovom epose* [Oriental motifs in medieval epics]. Moscow: Kushnerov i ko, 1899.

- Potantin G.N. *Saga o Solomone: vostochnye materialy k voprosu o proiskhozhdenii sagi* [The Saga of Solomon: Oriental materials on the issue of the provenance of saga]. Tomsk: Sib. t-vo pech. dela, 1912.
- Potantin G.N. *Erke. Kul't syna neba v Severnoi Azii: Materialy k turko-mongol'skoi mifologii* [Erke. The cult of the son of heaven in North Asia: Materials on Turkic-Mongol mythology]. Tomsk: iz-vo A.M. Grigor'evoi, 1916.
- Radlov V.V. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Diary pages]. Moscow: Nauka, 1989.
- Stefanov Iu.N. *Mistiki, okkul'tisty, ezoteriki* [Mystics, occultists, esoterics]. Moscow: Veche, 2006.
- Sedgwick M. *Naperekor sovremennomu miru: traditsionalizm i tainiaia intellektual'naia istoriia XX veka* [Against the modern world. Traditionalism and the secret intellectual history of the twentieth century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Evola, G. *Vosstanie protiv sovremennogo mira* [Rivolta contro il mondo moderno]. Moscow: Prometei, 2016.
- Eliade M. *Shamanizm. Arkhaischeskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev: Sofiia, 2000.
- Eliade M. *Maitreii* [Maitreyi]. St. Petersburg: Azbuka, 2000.
- Eliade M. *Ioga: Bessmertie i svoboda* [Yoga: Essai sur les origines de la mystique indienne]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2014.
- Allen, D. *Myth and Religion in Mircea Eliade*. New York and London: Routledge, 1998.
- Eliade, M. The Yearning for Paradise in Primitive Tradition. In: *The Making of Myth* / ed. Richard M. Ohmann. New York: Putnam, 1962.
- Atkinson J.M. Shamanisms Today, *Annual Review of Anthropology*, 1992, Vol. 21, pp. 307–33.
- Eliade, M. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1964.
- Eliade, M. *Autobiography*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Eliade, M. *The Forbidden Forest*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1978.
- Ellwood, R. *The Politics of Myth: A Study of C.G. Jung, Mircea Eliade, and Joseph Campbell*. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1999.
- Harner, M. *The Way of the Shaman*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1990.
- Harva [Holmberg], U. *Der Baum des Lebens*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1922.
- Harva [Holmberg], U. *Die religiösen Vorstellungen der Altaischen Völker*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1938.
- Hultkrantz, Å. *Shamanic Healing and Ritual Drama: Health and Medicine in Native North American Religious Traditions*. New York: Crossroad, 1992.
- Lewis, I.M. *Ecstatic Religion: A Study of Shamanism and Spirit Possession*. London: Routledge, 1989.
- Ross, K.L. *Mircea Eliade (1907-1986)* (1996). Available at: <https://www.friesian.com/eliade.htm> (Accessed 08 November 2020)
- Shirokogoroff, S. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan, Paul, 1935.
- Tedlock, B. *The Woman in the Shaman's Body: Reclaiming the Feminine in Religion and Medicine*. New York: Bantam, 2005.
- Versluis, A. *Magic and Mysticism: An Introduction to Western Esotericism*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.
- Wallis, R. J. *Shamans/Neo-Shamans: Ecstasy, Alternative Archaeologies, and Contemporary Pagans*. London: Routledge, 2003.
- Znamenski, A. *The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination*. New York: Oxford University Press, 2007.

УДК 3.39; 9.929

DOI: 10.17223/2312461X/31/4

ФРАНЦ БОАС И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ: 25 ЛЕТ АМБИВАЛЕНТНОСТИ

Сергей Александрович Кан

Аннотация. Статья посвящена отношению «отца американской антропологии» Франца Боаса к Советскому Союзу и его взаимоотношениям с российскими/советскими коллегами. Используя как опубликованные источники, так и неопубликованную переписку, автор рассматривает следующую тематику: совместную работу и дружбу Боаса с В.И. Йохельсоном, Л.Я. Штернбергом и в особенности с В.Г. Богоразом; отношение Боаса к царскому и советскому режимам; его попытки создать регулярный обмен аспирантами между США и СССР и совместные научные проекты ученых двух стран. Статья показывает, что, хотя американскому антропологу и не нравились методы советских властей и идеологическое давление на науку (в том числе этнологию), он старался не критиковать СССР и ее ученых публично, а делать это частным образом. Причиной тому были либерально-социалистические взгляды Боаса и боязнь оказаться в лагере антикоммунистов. К концу жизни ведущего американского антрополога важную роль в его отношении к СССР сыграло сближение с Коммунистической партией США.

Ключевые слова: история этнологии, Ф. Боас, В.Г. Богораз, отношение американских ученых к СССР, сталинизм, Коммунистическая партия США, Вторая мировая война

Если взглянуть на огромную переписку Франца Боаса с учеными всего мира, то нельзя не заметить, что Россия и СССР занимали в ней довольно значительное место (ФБР). «Отца американской антропологии» явно интересовала политическая ситуация в этой стране. Еще более важным для него были многолетние научные и дружеские связи с такими ведущими российскими этнологами, как В.И. Йохельсон, Л.Я. Штернберг и в особенности В.Г. Богораз. Данная статья посвящена отношению Боаса к Советскому Союзу и его взаимоотношениям с российскими / советскими коллегами и научными учреждениями.

Мировоззрение Франца Боаса

Воспитанный в традициях немецкой революции 1848 г., Франц Боас (1858–1942) всю жизнь стоял на позициях либерализма, а в ряде вопросов и социализма. Для него были священны такие принципы, как социальное равноправие, политическая и интеллектуальная свобода и демократия, единство всего человечества и вера в социальный прогресс (Stocking 1992: 94–98; Hyatt 1990; Lewis 2001; Zumwalt 2019). В пони-

мании Боаса, эти принципы являлись основными в Конституции Соединенных Штатов Америки и, как ему казалось, их разделяло большинство граждан страны, куда он иммигрировал в 1887 г. Первым серьезным разочарованием для Боаса был разгул шовинизма и анти-немецких настроений в стране в годы Первой мировой войны (Liss 2015). Как отмечал Джордж Стокинг (Stocking 1992:103), в этот период либерализм Боаса приобрел «коллективистские» (т.е. социалистические) черты. Это означало, что он пришел к выводу, что демократические права и свободы отдельной личности должны были быть скоординированными с нуждами всего общества (The Shaping... 1974: 333). Иными словами, требования социальной справедливости были важнее прав и свобод индивидуума (Boas 1945: 162, 166). Неудивительно, что в президентских выборах 1918 г. Боас голосовал за кандидата Социалистической партии и что в течение ряда лет после этого был членом этой партии.

Боас и дореволюционная Россия

Принимая во внимание политические взгляды американского ученого, можно понять, почему он сочувствовал либеральной и левой оппозициям царскому режиму. Олицетворением этой оппозиции для него были бывшие народники В.И. Йохельсон и В.Г. Богораз, с которыми он познакомился в самом начале 1900-х гг., когда завербовал их для участия в знаменитой экспедиции Джексона (Gateways... 2001; Вахтин 2004, 2005; Jochelson, Bogoras and Shternberg... 2018; Krupnik 1998, 2018; Zumwalt 2019: 267–299). Уже в начале процесса организации работы экспедиции Боас столкнулся с препятствиями типичными для России той эпохи. Так, как оказалось, иностранные ученые еврейского происхождения должны были получить специальное разрешение властей для проведения этнографических исследований в России¹. Что касается самих Богораз и Йохельсона, то, как известно, местной сибирской полиции было предписано установить над исследователями негласный надзор (Вахтин 2005: 270; Zumwalt 2019: 285–286).

Нет сомнения, что во время своего пребывания в Нью-Йорке, пролившемся целый год, Богораз, который в отличие от Йохельсона не отошел от политической деятельности после сибирской ссылки, обсуждал освободительное движение в России, вновь активизировавшееся в начале 1900-х гг. (Михайлова 2004). Подобные разговоры Боас, по всей видимости, вел и с Л.Я. Штернбергом, с которым он познакомился в 1904 г. на международном съезде американистов в Штутгарте и который провел несколько месяцев в Нью-Йорке в 1905 г., изучая сибирскую коллекцию Американского музея естественной истории (AMNH)².

В декабре 1905 г., когда Боас получил телеграмму об аресте Богораза за участие в съезде Крестьянского союза, он обратился за помощью к директору Кунсткамеры (МАЭ) В.В. Радлову с просьбой содействовать освобождению ученого-революционера (Михайлова 2004: 113). Кроме того, Боас послал письмо американскому послу в России с просьбой помочь спасти полевые записи Богораза. Начиная с 1905 г. Боасу пришлось не раз напоминать Богоразу, что, несмотря на всю важность его политической деятельности, научная работа требовала более серьезно и непрерывного его внимания. Вот что писал Богораз своему американскому коллеге и другу весной 1905 г. в разгар Первой русской революции: «Боюсь, что Вы правы, и [поэтому] я чувствую себя виноватым в том, что так сильно игнорирую всех моих американских друзей. Но Вы должны понять, что нынешняя эпоха имеет место только раз во многие столетия... и потому мы против собственной воли отрываемся [от работы] потоком событий» (Bogoraz to Boas / 6/4/1906 / FBP)³. В ответ на такое сообщение Боас написал Богоразу следующее: «...если события, происходящие в данный момент, случаются только раз в сто лет, исследование чукчей Богоразом случается только раз в вечность, и потому я думаю, что Ваш долг перед наукой опубликовать результаты своих исследований... Хотя я разочарован тем, что Ваша работа не движется в более быстром темпе, я буду еще более разочарован, если это (политическая деятельность. – С.К.) станет причиной того, что Вы не будете сообщать нам о себе. *Ведь отвлекаясь от всех научных дел, мне очень интересно знать, что вы делаете*» (курсив мой. – С.К.). В конце 1910 – начале 1911 г., когда Богораз был вновь арестован и провел несколько месяцев в одиночной камере, Боас обратился к российскому министру юстиции с просьбой сократить срок ареста своего коллеги, а также разрешить ему иметь доступ в тюрьме к своим полевым записям. Кроме того, Боас организовал резолюцию Американской антропологической ассоциации, содержащей такую же просьбу. По видимому, именно благодаря его вмешательству срок пребывания Богораза в заключении был сокращен (American Anthropological Association to Shtsheglovitov / 12/10/1910 / FBP; Bogoraz to Boas / 6/4/1911 / FBP).

С началом Первой мировой войны переписка Боаса с российскими коллегами практически прекратилась. Хотя непосредственных высказываний Боаса по поводу Февральской революции мне найти не удалось, тот факт, что он должен был положительно отнестись к свержению царизма, не вызывает сомнения.

Отношение же американского антрополога к большевистскому перевороту было более сложным. Думается, что в первые годы после него Боас, как и многие другие западные ученые, не очень хорошо представлял себе, что происходит в новой России. Тем не менее он, по-

видимому, возлагал определенные надежды на новый режим. Судить об этом можно по его ответу на письмо С.М. Широкогорова, в котором содержалась просьба о помощи в поисках работы в Америке. Боас писал российскому этнографу-эмигранту: «Я получил Ваше письмо от 10 мая. Однако нынешние условия здесь так безнадежны, что мне не ясно, как даже американский ученый может найти нужную позицию. Мне кажется, что единственной надеждой для Вас и Ваших коллег является признать ту элементарную силу, которая движет социальным развитием России, и постараться сделать все возможное, чтобы добиться более счастливого будущего [в своей стране]» (Boas to Shirokgoroff / 13/7/1920 / FBP).

Отношение Боаса к Советскому Союзу в 1920-х гг.

Наконец, в конце 1921 г. переписка Боаса с российской «этнотройкой» возобновилась (см. Boas to Jochelson / 9/11/1921 / FBP). Понимая, что материальное положение его российских коллег было очень тяжелым, Боас добился возобновления оплаты их работы над рукописями для публикаций Джезуповской экспедиции Американским музеем естественной истории⁴. Кроме того, он организовал посылку продовольствия и научной литературы для них. Российские этнологи были глубоко благодарны за помощь и счастливы возобновлению контакта со своим главным зарубежным коллегой. Вот как охарактеризовал их чувства Штернберг в письме к Боасу 20 июня 1922 г.: «Мой дорогой г. Боас. Я недостаточно хорошо владею английским языком, чтобы выразить то, как сильно тронули меня Ваша симпатия и память обо мне и моих друзьях гг. Богоразе и Йохельсоне. Дело даже не столько в материальной стороне дела – потому что наш опыт этих [последних] лет показал, что хотя иногда можно выжить и без достаточного количества еды, тепла и одежды, выжить без симпатии, без человеческих сношений, особенно научных, очень трудно» (Shternberg to Boas / 6/20/1922; фонд Штернберга / СПФ).

Осенью 1922 г. в Нью-Йорк прибыл Йохельсон со своей женой. Пожилой ученый пришел к выводу, что работать в советских условиях он больше не хочет и не может (Вахтин 2004). Нет сомнения, что Йохельсон поведал Боасу не только о материальных трудностях, переживаемых его российскими коллегами, но и о политической ситуации в стране, в том числе об аресте его и Штернберга в дни Кронштадтского восстания 1921 г. как бывших эсеров (Кап 2009: 291–292). Несмотря на это, судя по письмам Йохельсона Богоразу и Штернбергу, Боас продолжал симпатизировать новому советскому режиму, со многими обещаниями которого он не мог не согласиться⁵. Штернберг, который вместе с Богоразом встретился с Боасом после многолетнего перерыва на Международном конгрессе американистов в Гааге и Гётеборге в 1924 г., так

охарактеризовал его взгляды в письме жене: «Боас наш единомышленник. Что касается его социалистических взглядов, то он стоит на более радикальных позициях чем мы» (Л.Я. Штернберг С.А. Штернберг / 8/VIII/1924; фонд Штернберга / СПФ; Кан 2009: 328). В том же письме Лев Яковлевич упомянул, что на протяжении всего конгресса Боас демонстративно оказывал особое внимание двум советским делегатам. Интерес Боаса к Советскому Союзу подтверждается также тем, что дважды в 1920-е гг. он собирался туда приехать, хотя по каким-то причинам не смог этого сделать (Boas to Bogoras / 6/13/1923; FBP).

Во время конгресса Штернберг и Богораз обратились к Боасу с просьбой помочь им достать денег для их этнографических исследований. Желая посодействовать своим российским коллегам, а также беспокоясь о том, как они смогут закончить работу над рукописями для Джезуповской экспедиции, Боас отправил следующее письмо Джозефу Розену – сотруднику российского отделения Джойнта (American Jewish Joint Distribution Committee): «Хотелось бы упомянуть... что этим летом у меня состоялся долгий разговор с гг. Богоразом и Штернбергом и что я также очень хочу помочь им в это столь трудное для России время; что касается г. Богораз, то я пытаюсь помочь ему продолжать его важные научные исследования в центральной Сибири, в особенности среди сойотов» (Boas to Rosen / 9/11/1925; Rosen to Boas / 14/11/1925 / FBP). Судя по переписке Боаса с Розеном и с крупным банкиром Феликсом Варбургом, также связанным с Джойнтом, Боасу не удалось получить денег для российских этнологов. Более успешными были его попытки помочь Йохельсону: сам Варбург и по крайней мере еще один еврейский бизнесмен выделили небольшую сумму для поддержки этнолога-эмигранта (Boas to F. Warburg / 9/10/1924; F. Warburg to Boas / 14/11/1924 / FBP). В то же время супруга Розена помогала Боасу организовать пересылку научных книг и журналов в Россию (Rosen to Boas / 14/11/1924 / FBP).

Принимая во внимание такой взгляд Боаса на Советский Союз и на помощь российским ученым, понятно его членство в совете Американского общества культурных связей с Россией. Основанное во второй половине 1920-х гг., это общество, являвшееся филиалом Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), принимало активное участие в покупке и пересылке научной литературы в СССР, укрепляло культурные и научные связи между двумя странами. Одновременно оба эти общества вели советскую пропаганду в США (см. Boas to V. Ruml / 13/1/1925; Boas to Bogoraz / 25/2/1927 / FBP).

Нужно отметить, что Боас был не одинок в своем интересе и симпатии к Советской России. В 1920-х гг. в связи с экономической депрессией многих левых и либеральных американские ученые и деятели культуры привлекла советская социально-экономическая модель.

По словам одного американского историка, «По сравнению с дрейфом и стагнацией Америки в состоянии упадка, СССР выглядел великим и жизнеспособным социальным экспериментом» (Kuznick 1987: 107). Многие американские интеллектуалы, такие как, например, видный специалист в области философии и образования Джон Дьюи, посетившие Советский Союз в 1920-х гг., вернулись полные энтузиазма по поводу «великого эксперимента».

Попытки организации совместных научных исследований и обмена студентами

Начиная с середины 1920-х гг. Боас всерьез занялся планами организации совместных научных работ советских и западных ученых. Так, осенью 1925 г. после пребывания в Норвегии в Институте истории цивилизации Боас писал Богоразу: «Институт Истории Цивилизации, где я читал лекции, имеет несколько интересных планов, один из которых, мне кажется, заинтересует Вас. У них есть отдел, занимающийся изучением арктической этнологии... Нансен возглавляет его, и я имел с ним долгую беседу, в ходе которой я предложил, что было бы желательно, если бы он начал сотрудничать с Вами, а также с американскими учреждениями в целях проведения этнографического обзора всего циркумполярного региона. Я упомянул Ваше имя в разговоре с Нансеном, а также с директором Института проф. Ф. Стангом. Если это дело Вас интересует, я хотел бы, чтобы Вы написали проф. Ф. Стангу, сообщили ему о том, что я уже написал Вам, и попытались разработать этот план» (Boas to Bogoraz / 13/11/1925 / FBP). Неизвестно, написал ли Богораз Стангу, но из письма Боаса Богоразу, датированного 22 декабря 1927 г., явствует, что в это время норвежцы вели переговоры с Комитетом народов Севера о проведении совместной экспедиции на Кольском полуострове. К сожалению, из-за невыполнимых условий, поставленных советской стороной, из этих планов ничего не вышло (Boas to Bogoraz / 22/12/1927; Stang to Boas / 31/3/1928 / FBP).

Еще одна попытка организовать совместные этнографические исследования была предпринята Боасом и Богоразом на Международном конгрессе американистов в Нью-Йорке в сентябре 1928 г. На этот раз инициатором переговоров выступил Богораз. Поскольку к этому времени советское государственное финансирование этнографических экспедиций значительно увеличилось, советский ученый уже не выступал в роли просителя. Как мне приходилось писать об этом ранее, «из патриотических чувств или из страха быть обвиненным в заигрывании с иностранцами Богораз жестко отклонил все предложения, сделанные западными коллегами по финансированию и проведению совместных исследований на советской территории. В конце концов было решено,

что ученые будут проводить исследования в своих собственных странах и при этом участвовать в иностранных экспедициях в качестве гостей» (Кан 2007: 214; см. также: Корсун 2015: 287–290). Одновременно с обсуждением совместных научных исследований Боас и Богораз обсудили возможность обмена аспирантами.

Сразу после конгресса Боас поделился своими обширными планами с Богоразом. Его интересное письмо стоит привести целиком:

Сегодня я отправил письмо, подписанное проф. Дагганом⁶, Вами и мной и адресованное целому ряду научных учреждений в России и двум-трем фондам в этой стране, по поводу необходимости установить научное сотрудничество (между США и СССР. – *С.К.*), в особенности в области этнологии...

Я хотел бы получить от американских фондов как можно больше стипендий... для американских этнологов, которые должны пробыть в России настолько долго, чтобы быть в состоянии читать русскую научную литературу и ознакомиться с проблемами сибиреведения, которые совершенно необходимы для ясного понимания этнологии севера Северной Америки.

Все это относится также и к российским этнологам и мне бы хотелось, чтобы из них несколько посетили эту страну. Для начала я хочу попробовать получить хотя бы одну стипендию для молодого российского этнолога. Я планирую, чтобы он провел достаточно времени в каком-нибудь университете Восточного побережья, чтобы ознакомиться с нашими методами, а затем я хотел бы послать его на Аляску с целью проведения глубокого изучения тлинкитов, которое никогда не было сделано. Это кажется мне особенно необходимым в виду того, что большая и ценная коллекция (по тлинкитам. – *С.К.*) Музея Академии Наук в Ленинграде должна быть подробно обработана. В тоже время тот, кто будет изучать ленинградскую коллекцию, должен быть знаком с нью-йоркской коллекцией, являющейся, наверное, самой большой существующей коллекцией по Аляске⁷. Выбранный человек должен иметь хорошее лингвистическое образование, чтобы с точностью записывать тексты. Особенно важно, чтобы он был знаком с музыкальными тонами, которые являются очень важным элементом тлинкитского языка.

Я могу заверить Вас прямо сейчас, что деньги на аляскинскую экспедицию, вероятно от \$1,200 до \$1,500, будут найдены. Я не могу точно обещать, что достану стипендию, но сделаю все, что в моих силах, чтобы ее добиться.

Я надеюсь, что Вы приложите все усилия, чтобы этот план реализовался и выберете российского ученого, мужчину или женщину, который был бы достаточно компетентен, чтобы провести предполагаемые исследования.

Если этот план удастся, я бы хотел, чтобы российские ученые провели исследования племен внутренней Аляски и внутренней Британской Колумбии. Такие исследования очень нужны, и они смогут пролить свет на проблемы сибирской этнологии, так же как последние должны помочь нам в понимании проблем американской этнологии.

Решение Ваших и наших проблем возможно только при постоянном сотрудничестве (Boas to Bogoraz / 24/11/1928 / FBP; см. также Boas to Bogoraz / 2/25/1927; Bogoraz to Boas / 4/10/1927 / FBP).

Хотя большая часть планов Боаса, изложенных в этом письме, не реализовалась, небольшой обмен студентами все же состоялся⁸. С советской стороны в конце 1929 г. в США поехала Ю.П. Аверкиева, а с американской – индеец из племени не-персе Арчи Финней, который был прикреплен к МАЭ и пробыл в Ленинграде с конца 1932 г. до середины 1937 г. (см. ниже). Аверкиева также оказалась единственным советским этнографом, кому посчастливилось участвовать в полевой работе в США, да еще и под руководством самого Боаса (Нитобург 2003; Кузнецов 2018).

Среди контактов Боаса с советскими учеными необходимо упомянуть и его рекомендательное письмо от 4.6.1928 г. в поддержку кандидатуры Богораза в члены Академии наук (Боас Ольденбургу / 4/6/1928; СПФ, фонд Богораза). В той же папке, где хранится этот документ, мною обнаружено неподписанное письмо некоего доброжелателя Богораза или самого Богораза, поясняющее, почему эта рекомендация так важна. Боас представлен в письме не только как ведущий специалист-этнолог, но и как прогрессивный ученый, имевший смелость выступить против вступления США в Первую мировую войну, а также против использования антропологических исследований для прикрытия шпионской деятельности в Мексике. Неудивительно, что там также упоминается поддержка Боасом социалистической партии. И, наконец, его рекомендация истолковывается как пример сочувственного отношения к СССР, существующего среди «лучших представителей науки и интеллигенции» (Там же)⁹.

Боас и СССР в 1930-х гг.

Как известно, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политическая ситуация в СССР резко изменилась к худшему. Изменилась и ситуация в гуманитарных науках, в том числе в этнологии (Соловей 2001; От классиков... 2014). Начиная с пресловутого совещания этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г., кампания по укоренению марксизма привела к постепенному усилению догматизма в этнологии и давлению на маститых ученых, оказываемому более молодыми догматиками (От классиков... 2014)¹⁰. Постепенно эволюционная схема, разработанная Энгельсом на основе работ Моргана, становилась той догмой, которой должны были следовать все советские ученые. Одним из старых этнологов, подвергшихся этому давлению, оказался Богораз, которому пришлось заняться самокритикой и пересмотреть свои этнографические материалы по чукчам в свете советского марксизма (От классиков...

2014; Корсун 2015: 295–299). В начале 1930-х гг. этнографические работы Штернберга, Йохельсона и Богораза были раскритикованы как «мелкобуржуазные» и «народнические». Резкой критике подверглась и американская этнология в целом и школа Боса в частности. Так, например, резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 1932 г. вынесла такой приговор «мелкобуржуазной» американской науке: «Ведущую роль в американской этнографии играет эмпиризм, агностицизм и эклектизм (Боас, Лоуи, Кробер), что представляет собой шаг назад по сравнению с материалистическими трудами Моргана» (Резолюция 1932: 11).

Боас был осведомлен об изменениях в идеологическом климате СССР и их влиянии на этнологию. Во-первых, кое-что о ситуации в Стране Советов он узнавал из американских газет. Во-вторых, ему переводили статьи из «Советской этнографии»¹¹. В-третьих, какую-то информацию по этому вопросу он получал от Йохельсона и долго проживших в Ленинграде А. Финнейя и этнографа Р. Бартона¹². И, наконец, в-четвертых, намеки на эти «новые веяния» содержались в письмах к нему Богораза. Сам факт, что в 1930 г. Богораза не пустили на Международный конгресс американистов в Гамбурге, о чем он намекнул в письме к Боасу, пользуясь эзоповым языком, говорил сам за себя. Вот что писал по этому поводу Богораз своему американскому другу.

Дорогой друг

С сожалением я должен сообщить, что не смогу приехать в Гамбург... Произошла какая-то загвоздка, о характере которой мне трудно что-либо сказать... Вы понимаете, что я пишу не официально и только для Вас лично. Официальная же информация по этому делу, если такая будет, должна прийти от учреждения, которое я должен был представлять...

Более того, я не знаю, как я теперь смогу иметь возможность без конгресса американистов ездить за границу и встречаться с моими американскими и французскими друзьями...

С другой стороны, с востока дует ветер, который может весьма неожиданно подхватить человека и перебросить его против его воли даже до самой Америки (Bogoras to Boas / 5/9/1930; FBP).

Как мне кажется, Богораз намекал здесь на то, что он, возможно, покинет СССР то ли по собственной воле, то ли будучи высланным. Каково же должно было быть удивление Боаса, когда из письма, полученного им от Богораза двумя месяцами позже, он узнал, что тот не исключает, что ему придется вступить в Коммунистическую партию (Bogoras to Boas / 16/9/1930 / FBP). Еще одно письмо Богораза 1930 г. содержало следующий намек на трудности, которые он испытывал и которые заставляли его подумывать или об отъезде, или о вступлении в компартию: «...мое положение постепенно меняется. В целом я пере-

живаю период заката, похожего на то, что Вы переживали в Музее естественной истории¹³. Мои молодые друзья стараются забрать все в свои руки. Конечно, качество работы во всех учреждениях, основанных Штернбергом и мной, идет вниз...» (Bogoras to Boas / 26/12/1930; FBP). В ответ на это Боас написал другу следующее: «Я очень надеюсь, что ситуация в вашем учреждении сможет улучшиться по сравнению с нынешней. Я не думаю, что нужно уступить людям, не имеющим достаточного опыта» (Boas to Bogoras / 28/1/1931; FBP).

Еще более яркое представление о том сильном идеологическом давлении, которое испытывал Богораз и его коллеги, Боас получил в 1933 г., когда в *Советской этнографии* вышел перевод его статьи «Задачи антропологического исследования» с предисловием Богораза. Сам факт того, что в это трудное время Богораз по-прежнему пытался поддерживать контакт с западными учеными и издавать их труды в СССР, говорил в его честь. Однако комментарии, которыми он сопроводил статью Боаса, выглядели весьма странно. Вот они:

Эмпирическая школа этнографии, возглавляемая Боасом и другими американскими учеными, с одной стороны, заявляет себя аполитичной... а с другой, она хотела бы сохранить свой либерализм. Но все же она попала в тупик и запуталась в своих противоречиях. Эти противоречия вытекают из классовых противоречий, хотя Боас и его друзья не упоминают самого слова 'классы'. В лучшем случае эмпирически-скептическая школа является вроде *quantité négligeable*, чем-то почти невесомым в той ожесточенной классовой борьбе, которая ныне разгорается с небывалой яркостью во всех отраслях общественной жизни, начиная с баррикадного боя и кончая полемикой на страницах спокойных и толстых 'трехмесячников'» (Богораз 1933: 193).

Подобного рода критика не могла не оскорбить Боаса, тем более что он понимал, что исходит она не от одного лишь Богораза, пытавшегося таким образом протащить важную работу своего коллеги в советский этнографический журнал, а от всего советского этнологического истеблишмента. Так, например, в редакционной врезке, написанной, скорее всего, директором Института антропологии и этнографии (созданном незадолго до того) Н.М. Маториным, автор предупреждал Боаса не следовать по «опасному пути эмпиризма и скепсиса» (Аноним 1933: 176).

О том, что Боас был хорошо осведомлен о подобной критике, говорит, например, одно его письмо 1939 г. В нем он писал: «...из-за моей постоянной защиты интеллектуальной свободы меня подвергли остракизму... российские ученые в 1932 г.» (Boas to Schneiderman / 15/5/1939 / FBP). В другом он указывал на то, что в СССР «в антропологии нет свободы. Антропология должна быть марксистской и морганистской, иначе она не разрешается» (Boas to Rautenstrauch / 2/2/1939; FBP).

Несмотря на такую критику, советские этнологи продолжали относиться к Боасу с симпатией, рассматривая его как «уважаемого друга Советского Союза» и «мужественного противника империалистической войны» (Аноним 1933: 176). Боас же в свою очередь продолжал симпатизировать идеалам советского государства и уклонялся от публичной критики сталинского режима и советской этнологии. Так, например, в 1931 г. он согласился войти в оргкомитет открытого просоветского Американско-русского института (American Russian Institute), а в 1933 г. вступить в комитет Признания Советской России (G. Counts to Boas / 21/4/1931, Boas to G.Counts / 12/5/1931 / FBP; *New York Times* / 23/3/1933), в 1935 принял участие в фештшифте Богораза, напечатанном в *Советской этнографии*, а в 1936 г. позволил включить свое имя в список леволиберальных сторонников отправки в Биробиджан так называемой Делегации американских евреев (American Jewish People's Delegation), организованной Американской организацией еврейской колонизации в России (American Organization for Jewish Colonization in Russia), в которой преобладали коммунисты (Firben to Boas / 8/4/1936; Boas to Firben / 11/4/1936; FBP). Кроме того, в эти годы Боас получил запрос от главы организованного в 1930 г. Института народов Севера Я. Кошкина (Алькора) на публикацию русского перевода его работы «Введение в изучение языков американских индейцев» научным отделением института. Боас был польщен и согласился (Koshkin to Boas / 20/1/1933; Boas to Koshkin / 10/2/1933 / FBP).

В то же время в частной переписке он иногда позволял себе критические высказывания о Советской России, правда, смягчаемые положительными оценками ее социалистических идеалов. Так, например в письме к Аверкиевой, датированном 1933 г. (лето) Боас писал: «То давление изнутри, которое происходит сейчас в Германии, должно быть весьма похоже на ситуацию у вас. Но большая разница состоит в том, что ваши идеалы, это гуманные идеалы, которым я симпатизирую, а идеалы Германии полны нетерпимости и ненависти» (Boas to Averkieva / 16/7/1933; FBP)¹⁴.

Такая амбивалентность во взглядах на Страну Советов отразилась и в том, как американский антрополог реагировал на приглашения со стороны советских органов печати и учреждений высказать свое мнение о Советском Союзе. Так, например, когда американский корреспондент «Правды» попросил его высказаться по поводу СССР в связи с празднованием пятнадцатилетней годовщины Октября, Боас ответил следующее: «Человечество может только поучиться тому, что вы делаете. Ваш великий эксперимент заслуживает поддержки». Однако в том же послании он подчеркнул, что «догматизм, будь он капиталистический или коммунистический, не может сосуществовать с поисками правды» (Boas to Olgin / 5/11/1932 / FBP). Четырьмя годами позже, от-

вечая на вопросы анкеты, присланной ему главой ВОКСА и посвященной положению науки в разных странах, американский ученый охарактеризовал ситуацию в СССР следующим образом: «Мне кажется, что в СССР существуют ограничения свободы научных изысканий» (Boas to Cherniavsky / 2/1/1936 / FBP). В 1937 г. Боас отказался прокомментировать состояние высшего образования и науки в СССР, подчеркнув, что он «не поддерживает абсолютную предвзятость, которую требуют от науки [в СССР]» (Boas to Hirsch / 25/10/1937 / FBP). А еще годом позже в своем «Кредо антрополога», напечатанном в журнале «Nation», Боас назвал «современными деспотическими государствами» и фашистские Германию и Италию, и Советскую Россию (Boas 1938: 204).

Тщательно просмотрев архив Боаса, я смог обнаружить только один случай, когда глава американских антропологов выразил протест против преследования советских ученых. Произошло это в 1936 г., когда он обратился к послу СССР в США А.А. Трояновскому со следующей телеграммой, за которой последовало письмо. Телеграмма гласила: «Прошу подтвердить сообщение в Нью-Йорк Таймс о том, что конгресс генетиков в Москве отменен и что Вавилов и Агол арестованы» (Boas to Troyanovsky / 14/12/1936 / FBP). Письмо Боаса на ту же тему стоит процитировать полностью.

Господин,

Вчера я взял на себя смелость послать Вам телеграмму, в которой запросил, действительно ли международный конгресс генетиков отменен.

Должен предварить мое письмо заявлением, что я согласен с точкой зрения г. Лысенко относительно теории генов и сожалею о перегибах, в которых повинны многие из не критических последователей теорий Менделя. Тем не менее, никто не может отрицать ценность фактических данных, собранных [генетиками]. Однако эти исследования должны сопровождаться параллельными исследованиями влияния окружающей среды, какие проводит Л.Я. Боссик над идентичными близнецами в Медицинско-Биологическом Институте им. Максима Горького.

Мы должны понять относительную важность наследственности и влияния окружающей среды. А достичь этого можно только в процессе максимально свободной дискуссии научных фактов. У нас в стране существуют фанатичные генетики, препятствующие публикации данных, противоречащих их теориям. В СССР таких примеров нет. В конечном счете не одна теория не устоит перед фактами.

Было бы очень желательно, чтобы конгресс пригласил как можно больше противников современных генетических теорий и [смог] гарантировать, чтобы их взгляды и противоположная точка зрения были представлены и обсуждены. Это было бы гораздо более полезно, чем отменять важный конгресс.

Мне даже не стоит говорить о том, что не существует более сильного врага псевдонаучных теорий нацистов чем я, который посвятил себя в

течение нескольких лет тому, чтобы доказать, что их теории не имеют научной базы. Я был несколько задет словами редактора 'Советской этнографии', написанными как предисловие к замечаниям моего дорогого умершего друга Богораз-Тана....

Пожалуйста, извините это свободное изложение моей точки зрения, которую я высказываю в надежде предотвратить серьезнейшую ошибку (Boas to Tryanovsky / 15/12/1936 / FBP).

Письмо Боаса интересно тем, что, с одной стороны, он безусловно очень хотел защитить советских генетиков от преследования и спасти генетический конгресс, а с другой, очень старался показать свою научную объективность, критикуя «фанатичных» американских генетиков, с которыми он расходился во мнении. Помимо этого, он явно хотел подчеркнуть, что несмотря на несправедливую критику, которой его подвергла «Советская этнография», он является прогрессивным ученым и антифашистом, разделяющим отрицательное отношение советских ученых к нацистским расовым теориям.

Меньше чем через неделю Боас получил ответ от советского посла в виде следующей телеграммы, «Информация, о которой Вы сообщили не верна. Профессор Вавилов не был арестован. Агол же арестован за нелегальную деятельность, не имеющую отношения к научным делам. Конгресс генетиков не отменен, а отложен по просьбе ряда ученых, которые хотят иметь больше времени на подготовку» (Troyanovsky to Boas / 21/12/1936 / FBP). За исключением сообщения о том, что Вавилов не был арестован, в телеграмме Трояновского нет и доли правды¹⁵. Намечавшийся в 1937 г. VII конгресс генетиков бы отменен советским правительством, а настоящей причиной ареста И.И. Агола были его научные взгляды генетика-морганиста.

Столь же противоречиво было поведение Боаса по отношению к Американскому комитету в защиту Троцкого (American Committee for the Defense of Leon Trotsky), организованному в 1936 г. группой либералов, социалистов и троцкистов во главе с Д. Дьюи в связи с советскими обвинениями, направленными против самого Троцкого, и показательными процессами так называемых троцкистов (Spitzer 1990; Bullert 1983: 132–136; Wald 1987: 128–139). В 1937 г. этот комитет создал специальную комиссию, целью которой было подробное рассмотрение этих обвинений. Несколько членов комиссии провели недельные слушания в Мехико, где проживал Троцкий. Комиссия отвергла все обвинения против Троцкого, а процессы троцкистов объявила «гигантской фальсификацией». Несмотря на то что Боас был согласен с решениями комиссии, он принимал лишь поверхностное участие в ее работе. Более того, он не захотел, чтобы его имя было использовано в более широком протесте против произвола советских властей. Так, когда *Нью-Йорк Таймс* сообщила 2 марта 1938 г., что группа американских

либералов, включая членов Комитета в защиту Троцкого, заявила советскому послу, что считает предстоящий процесс Рыкова–Бухарина фальсификацией, осторожный Боас поспешил отмежеваться от этого заявления. Вот, что он написал в *Таймс*: «Отмечая, что в вашей газете от 2 марта написано, что группа Дьюи, включая... проф. Боаса, охарактеризовала новый советский процесс как фальсификацию, я должен заявить что, не будучи в курсе внутренней советской политики, я такого заявления не делал и даже не был приглашен его сделать» (Boas to *New York Times* / 3/3/1938 / FBP).

Поведение Боаса было мотивировано боязнью оказаться заодно с антисталинскими антикоммунистами, даже когда последние представляли собой леволиберальное крыло американской интеллигенции (Bullert 2009, 2013). Так, например, он отказался войти в Комитет свободы культуры (Committee for Cultural Freedom), организованный в 1939 г. тем же Дьюи и бывшим марксистом-философом Сиднеем Хуком и привлечший как либералов, так и левых антисталинистов. Целью комитета было осуждение любых форм авторитаризма и диктаторства, включая советские (Hook 1987: 248–274; Bullert 2013).

В целом политическая активность Боаса в 1930-х была направлена на борьбу с немецкой идеологией расизма и ущемлениями демократии в США, а не на критику Советского Союза. В этой борьбе он готов был сотрудничать с кем бы то ни было, и в том числе с Коммунистической партией. Особенно беспокоили Боаса нападки правых политиков на свободы, которыми пользовались школьные учителя и университетские профессора. Для борьбы с этим явлением он стал одним из инициаторов, а также главой организованной в конце 1937 г. Университетской федерации за демократию и интеллектуальную свободу Колумбийского университета (University Federation for Democracy and Intellectual Freedom at Columbia University). С точки зрения Боаса и других членов этой федерации, главную опасность в тот момент представлял фашизм в Испании, Германии, Италии и до некоторой степени даже в Соединенных Штатах. Ввиду этого федерация лоббировала конгресс против проведения антидемократических законов, например за отмену эмбарго на оружие для республиканской Испании и т.д. В начале 1939 г. эта организация послужила основой более многочисленного и амбициозного Американского комитета за демократию и интеллектуальную свободу (American Committee for Democracy and Intellectual Freedom / ACDIF), которую тоже возглавил Боас. ACDIF, состоявший в основном из научных работников, был детищем Боаса и главной общественной организацией, в работе которой он принимал участие в 1939–1942 гг. Как отмечает Буллерт, ACDIF собрал более 2 тыс. подписей под манифестом, осудившим фашизм как угрозу демократии, но при этом даже не упомянул о преступлениях Сталина (Bullert 2009: 223)¹⁶.

Постепенно деятельность Боаса и организаций, в которых он принимал участие в эти годы, ограничилась защитой демократии в США. Таким подходом Боас оправдывал тот факт, что ни ACDIF, ни другие организации, с которыми он был связан, не ставили своей целью осуждать нарушения законности в СССР. Так, например, в письме Дьюи от 06.11.1939 г. он писал, что при нынешней международной ситуации трудно оказывать влияние на зарубежные правительства и поэтому он решил посвятить себя борьбе за защиту демократических прав только в США (цит. по: Kuznick 1987: 221; ср.: письмо Боаса Ральфу Химстеду от 1.6.1939; Boas to Himstead / 1/6/1939 / SHP). Такого рода аргументы Боаса не кажутся искренними, так как до 1939 г. он часто выступал с осуждением юридических злоупотреблений нацистского и других ультраправых режимов.

Боас и Коммунистическая партия США в 1939–1942 гг.

В своей правозащитной деятельности последних трех лет жизни Боас нередко вступал в союз не только с социалистами, но и с коммунистами. При этом он был не согласен с их методами политической борьбы. Оправдывал он свой подход к коммунистам чисто прагматически. Позицию свою он четко выразил в статье «Образование и демократия», опубликованной в 1939 г.: «Мне всегда казалось, что если я согласен со взглядом человеком на определенное дело, в котором мы хотели бы сотрудничать, его политические, религиозные и социальные взгляды на другие вопросы не имеют для меня значения» (Boas 1945: 202). Согласно секретарю Боаса Э. Голдфрэнк, он однажды сказал ей: «Я готов сотрудничать с любым человеком, который борется за то же, что и я» (Goldfrank 1978: 117). А вот что писал Боас главе Компартии Эрлу Браудеру в ответ на его поздравление с днем рождения: «Как бы серьезно я был не согласен с методами Вашей партии и требованием полного послушания ее членов, я признаю, что конечные идеалы Вашей партии это возвышенные идеалы [социального прогресса]» (Boas to Browder / 17/5/1941 / FBP)¹⁷.

Усилением влияния коммунистов на стареющего Боаса объясняется, на мой взгляд, его острая критика вмешательства Соединенных Штатов во Вторую мировую войну на стороне Союзников¹⁸. Так, совершенно неожиданным для многих коллег и почитателей Боаса было его нежелание критиковать пакт Молотова–Риббентропа, который так резко оттолкнул от американской компартии многих интеллектуалов, возмущенных тем, как быстро американские коммунисты перестали атаковать фашистскую Германию и начали пропагандировать неучастие США в «империалистической войне» (Lyons 1971: 242–254; Jonas 1966; Walker 1973; Doenecke 2000). Из-за своих левых взглядов на СССР Боас явно не до конца осознал

истинную цель этого пакта. Вот что писал он своей бывшей ученице и коллеге Р. Бенедикт через два месяца после заключения пакта: «Мне более или менее ясно, что Гитлер теперь является пешкой в руках Сталина и что Сталин хочет, чтобы Западная Европа и Германия истекли кровью [bleed to death]. Вот только я не знаю, хочет ли он этого ради укрепления своей власти или ради коммунизма» (цит. по: Mead 1959: 413)¹⁹.

Антивоенная позиция Боаса была четко выражена в его поддержке резолюции, представленной и обсуждавшейся в ноябре 1939 г. на собрании исполнительного комитета ACDIF. Среди прочего она гласила, что «война угрожает уничтожить интеллектуальную свободу и права свободных людей как в нейтральных, так и в воюющих странах» (Kuznick 1987: 224). Поставленная на голосование, резолюция прошла шестью голосами против двух. Среди шести был и Боас (224). Так как многие рядовые члены ACDIF не согласились с этой открыто пацифистской резолюцией, она сильно подорвала единство членов этой организации (224). В своей оппозиции вступлению Америки в войну на стороне Союзников Боас пошел еще дальше: несмотря на многолетнюю критику гитлеровского режима, он поддержал роспуск Американского комитета против нацистской пропаганды, согласившись с главой этой организации, что «при нынешней международной ситуации необходимо сохранять нейтралитет» (A. Kahn to Boas / 26/4/1940 / FBP). Напрашивается вопрос, что стало с непримиримым врагом нацизма?!

Конечно, Боас был не единственным, кто придерживался такого мнения. Не только коммунисты, но и многие социалисты и другие левые выступали против вмешательства США в европейский конфликт, тем самым невольно солидаризируясь с более многочисленной и влиятельной группой правых противников войны (Jonas 1966; Doenecke 2000). Только после падения Франции и захвата Германией и ее союзниками большей части Европы, американский антрополог признал, что участие Америки в войне неизбежно, и призвал к тому, чтобы Союзники пообещали в случае поражения Германии не навязывать ей «мстительный мир» (Boas 1940). В то же время многие бывшие единомышленники Боаса среди американской интеллигенции осудили его позицию и резко критиковали альянс ACDIF с коммунистами и другими антивоенными группами (см., напр.: New York Times. 22/5/1940).

Только после того, как Германия напала на Советский Союз, Боас резко изменил свою позицию и стал призывать не только к тому, чтобы Америка оказывала материальную помощь и Великобритании и СССР, но и чтобы она немедленно вступила в войну на их стороне (см.: New York Times 28/7/1941, 10/10/1941)²⁰. Как писал Д. Стокинг, «какую бы амбивалентность не выражала эта [антивоенная] позиция, после нападения нацистов на Советский Союз, а затем Перл Харбор²¹, Боас избавился от нее. Поддерживая борьбу против гитлеризма, он смог теперь объеди-

нить свою преданность общечеловеческим идеалам, несовершенно воплощенным в американской политической демократии, советском социализме, и классической немецкой культуре (Stocking 1992: 109–110).

Заключение

«Амбивалентность», на мой взгляд, достаточно точно характеризует отношение Франца Боаса к Советскому Союзу. Хотя ему и не нравились «силовые методы» советских властей и идеологическое давление на науку (в том числе этнологию), он старался не критиковать СССР и ее ученых публично, а делал это частным образом. Причиной тому были либерально-социалистические взгляды Боаса, боязнь оказаться в лагере антикоммунистов и нежелание подвергнуть опасности с таким трудом установленные и поддерживаемые научные контакты между двумя странами. К концу жизни ведущего американского антрополога важную роль в его отношении к СССР сыграло сближение с Коммунистической партией США.

Примечания

¹ Речь шла об участнике Джезуповской экспедиции американце Бертольде Лауфере.

² Хотя в отличие от Богораза Штернберг не занимался открытой политической деятельностью после сибирской ссылки, но поддерживал тайные контакты с членами эсеровской партии, чью идеологию он разделял (Кан 2009: 144–153).

³ Все переводы с английского автора данной статьи.

⁴ В середине 1900-х гг. Боас пригласил Штернберга подготовить монографию о нивхах для Джезуповской серии (см.: Shternberg 1999).

⁵ Боас был не в восторге от приезда Йохельсона в Штаты, так как боялся, что не сможет помочь пожилому этнологу найти достойную и прилично оплачиваемую работу. Такая работа, вернее несколько временных работ, в конце концов нашлась, но тем не менее жизнь Владимира Ильича на Западе оказалась весьма нелегкой (см.: Вахтин 2004).

⁶ Стивен П. Дагган (Stephen P. Duggan) был американским ученым и ярким поборником международного сотрудничества, в том числе научного. В 1920-х гг. он возглавлял Институт международного образования (Institute of International Education) и Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations).

⁷ Речь идет о глиняной коллекции Американского музея естественной истории.

⁸ Вернувшись в конце 1928 г. в СССР из Нью-Йорка, Богораз привез пять приглашений для советских студентов продолжить свое образование и специализироваться в Америке. Однако по финансовым или каким-то другим причинам Аверкиева оказалась единственной советской студенткой, поехавшей в Америку (Нитобург 2003: 401; Кузнецов 2018: 54).

⁹ Как известно, кандидатура Богораза в Академию не прошла.

¹⁰ Одновременно с началом «марксистизации» этнологии в 1929–1930 гг. произошла чистка Академии наук, в результате которой многие старые специалисты, в том числе этнологи и музейные работники, остались без работы, а некоторые были арестованы.

¹¹ Один из зятьев Боаса был выходцем из России.

¹² Через несколько лет после своего возвращения в Штаты в 1937 г., Бартон в письме к Боаса подробно описал похороны Богораза, у гроба которого его коллеги критиковали его немарксистские взгляды (Barton to Voas / 17/11/1940 / FBP).

¹³ Речь идет о конфликте Боаса с руководством AMNH в 1905 г.

¹⁴ О том, что в 1930-х гг. Боас продолжал оставаться социалистом, свидетельствует тот факт, что во время президентских выборов 1936 г. он голосовал за социалистического кандидата, а также то, что в интервью американской коммунистической газеты он сказал, что «социализм это единственный способ защитить демократию и интеллектуальную свободу» (цит. по: Kuznick 1987: 209).

¹⁵ Вавилов был арестован в 1940 г.

¹⁶ Такого рода одностороннее осуждение нарушений законности в зарубежных странах было типично для многих левых организаций США 1930-х гг. Так, например, Национальный комитет защиты политических заключенных (National Committee for the Defense of Political Prisoners), основанный в 1931 г. и тесно связанный с Коммунистической партией, видел своей целью в первую очередь защиту арестованных американских трудящихся, а также политзаключенных Германии, Италии и франкистской Испании, но не сталинской России. Несмотря на такой подход комитета к защите невинно арестованных и осужденных, Боас состоял в его рядах и вышел из него только в 1934 г. под давлением со стороны видного философа Горация Каллена (Kallen to Boas 18/12/1934; Boas to Alfred Hirsch / 15/1/1935 / FBP; Bullert 2009: 217–218).

¹⁷ Интересно, как бы реагировал Боас, если б узнал, что Браудер занимался шпионажем в пользу СССР (Romerstein and Breindel 2001).

¹⁸ Пацифизм Боаса имел, безусловно, и другие причины. Так, он явно рассматривал Вторую мировую войну через призму Первой, когда обе воюющие стороны преследовали империалистические планы. Рассматривая Версальский мир как одну из причин прихода Гитлера к власти, он очень не доверял Союзникам, и в особенности англичанам. Кроме того, он очень боялся, что в воюющей Америке начнется ущемление демократических свобод (Nyatt 1990: 147–148).

¹⁹ В письме к своему наставнику, написанном месяцем раньше, Бенедикт выразила похожую точку зрения: «Я только сегодня узнала, что Россия получила большую часть Польши, и меня обнадеживает то, что Россия, а не Германия, командует парадом [holds the whip hand] в российско-германских отношениях» (Benedict to Boas / 26/9/1939 / FBP).

²⁰ В 1941–1942 гг. Боас несколько раз посылал приветствия советскому народу, борющемуся с нацистской Германией (см., например: Boas to TASS / 25/12/1941 / FBP).

²¹ То есть нападения Японии на США.

Литература

- Аноним. От редакции // Советская этнография. 1933. № 4–5. С. 176.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / ред. Д. Арзютов, С. Алымов, Д. Андерсон. СПб.: Кунсткамера, 2014.
- Богораз В. Замечания к статье Франца Боаса // Советская этнография. 1933. № 3–4. С. 189–193.
- Вахтин Н. «Наука и жизнь»: судьба Владимира Йохельсона (По материалам его переписки 1897–1934 гг.) // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multilingualism. 2004. № 5. P. 35–49.
- Вахтин Н. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241–274.
- Кан С. «Мой друг в тунике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191–230.
- Корсун С. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- Кузнецов И. «Последняя экспедиция» (из истории русско-американского сотрудничества в изучении коренных малочисленных народов) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 53–69. DOI: 10.7868/S0869541518030053

- Михайлова Е. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- Нитобург Э. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы / ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- Резолюция всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская этнография. 1932. № 3 (11).
- Соловей Т. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
- Boas F. An Anthropologist's Credo // Nation. 1938. № 147. P. 201–204.
- Boas F. Britain's War Aims? // PM. 4/10/1940. P. 2.
- Boas F. Race and Democratic Society. New York: J.J. Augustin, 1945.
- Bullert G. The Politics of John Dewey. New York: Prometheus Books, 1983.
- Bullert G. Franz Boas as Citizen-Scientist: Gramscian-Marxist Influence on American Anthropology // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. 2009. № 34 (2). P. 208–243.
- Bullert G. The Committee for Cultural Freedom and the Roots of McCarthyism // Education and Culture. 2013. № 29 (2). P. 25–52.
- Doenecke J. Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention. New York: Roman & Littlefield, 2000.
- Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / eds by W. Fitzhugh, I. Krupnik. Washington: Smithsonian, 2001.
- Goldfrank E. Notes on an Undirected Life. Flushing, NY: Queens College Press, 1978.
- Hook S. Out of Step. New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1987.
- Hyatt M. Franz Boas Social Activist. Westport: Greenwood Press, 1990.
- Jonas M. Isolationism in America, 1935–1941. Ithaca: Cornell University Press, 1966.
- Jochelson, Bogoras and Shternberg / ed. by E. Kasten. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2018.
- Kan S. Lev Shternberg, Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Kuznick P. Beyond the Laboratory: Scientists as Political Activists in 1930s America. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Krupnik I. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic / North Pacific Anthropology. Part I. From Jesup Expedition to the Cold War // Arctic Anthropology. 1998. Vol. 35 (2). P. 199–226.
- Krupnik I. Waldemar Bogoras and the Chukchee: A Maestro and a Classic Ethnography // Jochelson, Bogoras and Shternberg / ed. by E. Kasten. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2018. P. 131–168.
- Lewis H. The Passion of Franz Boas // American Anthropologist. 2001. № 103 (2). P. 447–467.
- Liss J. Franz Boas on War and Empire: The Making of a Public Intellectual // The Franz Boas Papers. Vol. I. Franz Boas as Public Intellectual – Theory, Ethnography, Activism / ed. by Regna Darnell et al. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.
- Lyons E. The Red Decade. New Rochelle: Arlington House, 1971.
- Mead M. An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict. Boston: Houghton Mifflin, 1959.
- Romerstein H., Breindel E. The Venona Secrets: Exposing Soviet Espionage and American Traitors. New York: Simon and Schuster, 2001.
- Shternberg L. The Social Organization of the Gilyak / ed. by B. Grant. Anthropological Papers Of The American Museum of Natural History. 1999. № 82.
- Spitzer A. John Dewey, the “Trial” of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth // History and Theory. 1990. № 29 (1). P. 16–37.

- The Shaping of American Anthropology, 1883–1911: A Franz Boas Reader* / ed. by G. Stocking. New York: Basic Books, 1974.
- Stocking G. Anthropology as Kulturkampf: Science and Politics in the Career of Franz Boas* // Stocking G. *The Ethnographer's Magic and Other Essays*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992. P. 92–113.
- Wald A. New York Intellectuals: the Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930s to the 1980s*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
- Walker S. Communists and Isolationism: The American Peace Mobilization, 1940–1941* // *The Maryland Historian*. 1973. № 4. P. 1–12.
- Zumwalt R. Franz Boas: the Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.

Источники

FBP – Franz Boas Papers. American Philosophical Society Digital Collection.

SHP – Sidney Hook Papers, Hoover Institute.

СПФ – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; фонд 282 (Л. Я. Штернберга); фонд 250 (В.Г. Богораза).

Статья поступила в редакцию 4 октября 2020 г.

Franz Boas and Soviet Russia: 25 years of ambivalence

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/4

Sergei A. Kan, Dartmouth College (Hanover, USA). E-mail: Sergei.a.kan@dartmouth.edu

Abstract. The article deals with the attitude of Franz Boas towards the Soviet Union and his relationship with Russian/Soviet colleagues. Using published sources as well as Boas's unpublished correspondence, the author examines the following topics: Boas's scholarly cooperation and friendship with Vladimir I. Jochelson, Lev Ya. Shternberg and especially Vladimir G. Bogoraz; Boas's attitudes towards the tsarist and the Soviet regimes; his efforts to organize regular graduate student exchange between the USA and the USSR as well as joint scientific projects by scholars from the two countries. The article demonstrates that despite his dislike of the Soviet government's methods and ideological pressure on science (including ethnology) Boas tried not to criticize the Soviet Union publicly. Yet, he did criticize it privately, the reason for that lying in his liberal-socialist views and his fear of ending up in the camp of anticommunists. Towards the end of life Boas's close relationship with the American Communist party had a strong influence on his view of the USSR.

Keywords: history of ethnology, Franz Boas, Vladimir G. Bogoraz, US scientists' attitudes towards the USSR, Stalinism, Communist party USA, World War II

References

- Anonim. Ot redaktsii [From the Editorial Board]. *Sovetskaia Etnografiia*, 1933, no. 4-5, pp. 176.
- Arziutov D., Alymov S., Anderson D. (red.). Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5-11 apreliia 1929 g.). St. Petersburg: Kunstkamera, 2014.
- Bogoraz V. Zamechaniia k sta'te Frantsa Boasa [Notes on the article by Franz Boas]. *Sovetskaia Etnografiia*, 1933, no. 3-4, pp. 189–193.
- Vakhtin N. "Nauka i zhizn'": sud'ba Vladimira Iokhel'sona (Po materialam ego perepiski 1897–1934 gg.) ['Science and life: The fate of Vladimir Jochelson (based on his corre-

- spondence dated 1897 to 1934)']. *Bulletin: Anthropology, Minorities, Multilingualism*, 2004, no. 5, pp. 35–49.
- Vakhtin N. Tikhookeanskaia Ekspeditsiia Dzhesupa i ee russkie uchastniki [The Jesup North Pacific Expedition and its Russian participants]. *Antropologicheskii forum*, 2005, no. 2, pp. 241–274.
- Kan S. «Moi drug v tupike empirizma i skepsisa»: Vladimir Bogoraz, Frants Boas i politicheskii kontekst sovetskoi etnologii v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [My old friend in a dead-end of empiricism and skepticism: Bogoraz, Boas, and the politics of Soviet anthropology of the late 1920s and early 1930s]. *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 191–230.
- Korsun S. *Amerikanistika v Kunstkamere (1714–2014)* [American Studies and the Kunstkamera, 1714 to 2014]. St. Petersburg: MAE RAN, 2015.
- Kuznetsov I. «Posledniaia ekspeditsiia» (iz istorii rusko-amerikanskogo sotrudnichestva v izuchenii korennykh malochislennykh narodov) [‘Last Expedition’ (From the history of US-Russian collaboration in the study of indigenous peoples)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 53–69. DOI 10.7868/S0869541518030053
- Mikhailova E. Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deiatel' [Vladimir Germanovich Bogoraz: Scientist, author, public figure]. In: Tishkov V.A. i D.D. Tumarkin (red.) *Vydaushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Russia's outstanding ethnologists and anthropologists of the twentieth century]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 95–136.
- Nitoburg E. Iu.P. Petrova-Averkieva: uchenyi i chelovek [Petrova-Averkieva: Scientist and human being]. In: Tumarkin D.D. (red.) *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. 2003, Vol. 2, pp. 399–428.
- Rezoliutsiia vserossiiskogo arkhologo-etnograficheskogo soveshchaniia [The resolution adopted at the Russian National Archaeology and Ethnography Meeting]. *Sovetskaia etnografiia*, 1932, no. 3(11).
- Solovei T. «Korennoi perelom» v otechestvennoi etnografii (diskussii o predmete etnologicheskoi nauki: konets 1920-kh – nachalo 1930-x) [A ‘turning point’ for Russian ethnography: Discussion on the subject of ethnology in the late 1920s and the early 1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2001, no. 3, pp. 101–121.
- Boas, F. An Anthropologist's Credo, *Nation*, 1938, no. 147, pp. 201–204.
- Boas, F. Britain's War Aims?, *PM*, 4/10/1940. pp. 2.
- Boas, F. *Race and Democratic Society*. New York: J.J. Augustin, 1945.
- Bullert, G. *The Politics of John Dewey*. New York: Prometheus Books, 1983.
- Bullert, G. Franz Boas as Citizen-Scientist: Gramscian-Marxist Influence on American Anthropology, *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, no. 34(2), pp. 208–243.
- Bullert G. The Committee for Cultural Freedom and the Roots of McCarthyism, *Education and Culture*, 2013, no. 29(2), pp. 25–52.
- Doenecke, J. *Storm on the Horizon: The Challenge to American Intervention*. New York: Roman & Littlefield, 2000.
- Fitzhugh, W. and I. Krupnik, eds. *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*. Washington: Smithsonian, 2001.
- Goldfrank E. *Notes on an Undirected Life*. Flushing, N.Y.: Queens College Press, 1978.
- Hook, S. *Out of Step*. New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1987.
- Hyatt, M. *Franz Boas Social Activist*. Westport: Greenwood Press, 1990.
- Jonas, M. *Isolationism in America, 1935–1941*. Ithaca: Cornell University Press, 1966.
- Kan, S. *Lev Shternberg, Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.
- Kasten, E., ed. *Jochelson, Bogoras and Shternberg*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, 2018.

- Kuznick, P. *Beyond the Laboratory: Scientists as Political Activists in 1930s America*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Krupnik, I. Jesup Genealogy: Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic/North Pacific Anthropology. Part I. From Jesup Expedition to the Cold War. *Arctic Anthropology*, 1998, Vol. 35(2), pp. 199–226.
- Krupnik, I. Waldemar Bogoraz and the Chukchee: A Maestro and a Classic Ethnography. In: Kasten, E., ed. *Jochelson, Bogoraz and Shternberg*. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien. 2018, pp. 131–168.
- Lewis, H. The Passion of Franz Boas. *American Anthropologist*, 2001, no. 103(2), pp. 447–467.
- Liss, J. Franz Boas on War and Empire: The Making of a Public Intellectual. In: *The Franz Boas Papers. Vol. I. Franz Boas as Public Intellectual – Theory, Ethnography, Activism*. Ed. By Regna Darnell et al. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.
- Lyons, E. *The Red Decade*. New Rochelle: Arlington House, 1971.
- Mead, M. *An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict*. Boston: Houghton Mifflin, 1959.
- Romerstein, H., Breindel, E. *The Venona Secrets: Exposing Soviet Espionage and American Traitors*. New York: Simon and Schuster, 2001.
- Shternberg, L. *The Social Organization of the Gilyak*. Ed. by B. Grant. Anthropological Papers Of The American Museum of Natural History, 1999. no. 82.
- Spitzer, A. John Dewey, the “Trial” of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth. *History and Theory*, 1990, no. 29(1), pp. 16–37.
- Stocking, G., ed. *The Shaping of American Anthropology, 1883–1911: A Franz Boas Reader*. New York: Basic Books, 1974.
- Stocking, G. Anthropology as Kulturkampf: Science and Politics in the Career of Franz Boas. In: Stocking, G. *The Ethnographer’s Magic and Other Essays*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992, pp. 92–113.
- Wald, A. *New York Intellectuals: the Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930s to the 1980s*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1987.
- Walker, S. Communists and Isolationism: The American Peace Mobilization, 1940-1941. *The Maryland Historian*, 1973, no. 4, pp. 1–12.
- Zumwalt, R. *Franz Boas: the Emergence of the Anthropologist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.

УДК 061.6:39(47+57+73)"1940-1960"
DOI: 10.17223/2312461X/31/5

**«ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗВЕДЧИКИ»
ИЛИ КОЛЛЕГИ?
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
ДИАЛОГ В ПЕРИОД РАННЕЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
(КОНЕЦ 1940-х – НАЧАЛО 1960-х гг.)***

Сергей Сергеевич Алымов

Аннотация. Статья рассматривает научные контакты между советской этнографией и американской антропологией во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. Автор прослеживает динамику этих контактов от жесткой идеологической критики и изоляционизма конца 1940-х через постепенное налаживание связей во второй половине 1950-х гг. до периода накануне 7-го МКАЭН в Москве (1964), когда советская этнография поставила задачу глобального соперничества с американской антропологией. В этот же период происходит становление американской антропологической советологии и налаживание контактов антропологов левых взглядов с советскими коллегами.

Ключевые слова: история антропологии, международные научные связи, советская этнография, холодная война, этнографическая американистика

Представление, согласно которому разрыв международных связей и самоизоляция характеризуют развитие советской этнографии начиная с рубежа 1920–1930-х гг., принадлежат в историографии к самоочевидным (Соколовский 2009: 52; Соловей 2001: 119). Действительно, сложно отрицать барьеры, выстроенные в Советском государстве на пути свободного общения с зарубежными учеными. Однако, устанавливая в начале 1930-х гг. жесткий контроль международных связей, власть была заинтересована и в престиже советской науки на международной арене, предпринимая для этого организацию международных конгрессов (Krementsov 1997: 43–44). Исследователи советской культуры также указывают на феномен интернационализма как часть культуры сталинизма наряду с националистическими и изоляционистскими тенденциями (Кларк 2018: 10–11). С частичным открытием СССР при Н.С. Хрущеве, возобновились и научные контакты, свернутые в 1939–1953 гг. Все это заставляет обратить более пристальное внимание на международный аспект истории советской этнографии. Так ли изолирована была эта наука? Как осуществлялся обмен идеями между отече-

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

ственными антропологами и их зарубежными коллегами на разных этапах истории? Каковы были отношения с представителями доминирующей на сегодняшний момент в мировой науке американской культурной антропологии?

Рассмотрение этих вопросов имеет не только историографическое значение. «Просторность» предмета антропологии как науки и фрагментированность составляющих ее субдисциплин усугубились в постсоветское время кризисом идентичности, проявляющемся в отсутствии ясности относительно таких базовых вещей, как название науки (этнография / этнология / социокультурная антропология) и предмет ее исследования (Соколовский 2011). Бывшим советским этнографам пришлось доказывать, что предмет, методы и «информационное поле» их науки соответствуют англо-американской социальной и культурной антропологии, а многочисленные учебники и образовательные программы по этим «новым» в России дисциплинам написаны, как правило, людьми, от нее далекими (Артемова 2008). История отношений между советской этнографией и американской антропологией, послевоенному эпизоду из которой посвящена данная статья, показывает как различия этих научных традиций, так и тот несомненный факт, что они принадлежат к одному «информационному полю» и даже вступают в резкое противостояние за доминирование на нем, развиваются в диалоге друг с другом.

Сотрудничество российских / советских и американских антропологов имело давние корни. Оно восходило к трудам Джезуповской экспедиции под руководством Ф. Боаса, в которой принимали участие В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон и Л.Я. Штернберг (Вахтин 2005). Утверждение марксизма в качестве безальтернативной теории в советской этнографии имело двойственный эффект. Советские этнографы стали рассматривать подавляющее большинство зарубежных коллег в качестве «буржуазных» и подвергать их идеологической критике. Это сказалось и на отношениях между Боасом и Богоразом (Кан 2007). Несмотря на то, что Богораз настаивал на том, что исследования на территории СССР должны проводить только советские ученые, проблематика древних азиатско-американских миграций притягивала археологов и антропологов двух континентов и сформировала сеть сотрудничества, поддерживавшуюся на протяжении поколений (Arzyutov 2021).

Идеолог марксистской этнографии Н.М. Маторин предполагал «схватиться с врагами марксизма на международном научном фронте», рассчитывая сплотить вокруг друзей СССР и сторонников «классического направления». «Ближайшие конгрессы американистов, – писал

он, – должны быть использованы советскими учеными для твердого и решительного провозглашения марксистских принципов в этнографии» (Маторин 1931: 38). Таким образом, советская этнография, по крайней мере в первые годы, представляла собой проект, ориентированный на объединение «прогрессивных» ученых всего мира. Намечались проекты по академическому обмену, осуществить которые удалось, правда, только Ю.И. Аверкиевой с советской стороны и Арчи Финни с американской (Кузнецов 2018; Kuznetsov 2020). По возвращении в СССР Аверкиева опубликовала обзор американской этнографии, в котором охарактеризовала Боаса и Кребера как диффузионистов, отрицающих «внутренние закономерности в развитии человеческого общества» (Аверкиева 1932). Этот тезис окажется одним из наиболее устойчивых в советской рецепции культурной антропологии, а Аверкиева станет главным специалистом по истории данной науки, совмещавшим личную признательность Боасу с марксистской критикой его трудов (Кан 2018).

Среди американских антропологов интерес к сотрудничеству проявляли ученые левых взглядов. Лесли А. Уайт, наиболее известный среди них, посещал СССР в 1929 и 1964 гг., публиковался в «Советской этнографии» и выступал в США с восторженной оценкой социализма в СССР (Pease 2004: 70–75). Антрополог, биограф Л.Г. Моргана и марксист Бернард Стерн на протяжении 1930-х гг. снабжал советских коллег копиями документов из архива Моргана (Кан, Arzyutov 2016). Еще один американский радикал – филиппиновед Рой Франклин Бартон – проработал в Институте этнографии в Ленинграде с 1930 по 1940 г. (Станюкович 1979).

Сотрудничество было наиболее естественным в области изучения культурных связей североамериканских и североазиатских культур и проблемы заселения Америки. Главными инициаторами были американский физический антрополог чешского происхождения Алеш Хрдличка (1869–1943), американский археолог Фройлих Рейни (1907–1992) и датский археолог Кай Биркет-Смит (1893–1977). На протяжении 1930-х гг., однако, дело ограничивалось в основном предложениями с американской и датской стороны, перепиской и визитами в СССР. В 1934 г. Хрдличка обратился в МАЭ и АН СССР с предложением о совместном исследовании связей между культурами Сибири и Аляски. В том же году на I Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Лондоне был сформирован Международный комитет по изучению народов Арктики, однако советских представителей на конгрессе не было (Корсун 2015: 301). Хрдличка состоял в переписке с Г.Ф. Дебецом и А.М. Золотаревым, опубликовавшим две статьи в журнале «*American Anthropologist*». В 1939 г. Хрдличка посетил МАЭ. По результатам заседания Ученого совета МАЭ / ИЭ было решено организовать археолого-этнографическую экспедицию в Северо-

Восточную Азию (Корсун 2015: 343). В 1936 г. совместными усилиями Биркет-Смита и Богораза удалось организовать поездку советского специалиста по эскимосам А.С. Форштейна в Национальный музей Дании, однако в 1937 г. Форштейн был арестован и расстрелян. В 1938 г. СССР посетил специалист по археологии Аляски Фройлих Рейни, просящий у АН разрешения участвовать в раскопках в Прибайкалье и Чукотке и положить начало совместным исследованиям Университета Аляски «с одним из университетов СССР, заинтересованных в археологических исследованиях в Северной Сибири» (Корсун 2015: 337).

Война нарушила планы организации конференции, посвященной 450-летию открытия Америки (1942), и возможных совместных исследований. В то же время риторика о «буржуазной науке» отходила на второй план по отношению к ученым из стран-союзников. В 1942 г. умер Франц Боас, годом позже – Алеш Хрдличка. В 1945 г. в Москве состоялось специальное заседание, посвященное их памяти, были опубликованы некрологи (Левин 1946; Аверкиева 1946). Новый директор института С.П. Толстов писал о необходимости объединения всех прогрессивных антропологов, упоминая вклад в борьбу с фашизмом и расизмом Боаса, Хрдлички и других ученых Запада (Толстов 1946: 5). В июне 1945 г. состоялось празднование 220-летия Академии наук. В торжественных мероприятиях приняли участие 123 иностранных гостя. Самыми представительными были делегации стран-союзников (Корсун, Груздинская 2020: 381). В числе делегатов из Англии был выдающийся археолог-марксист Вир Гордон-Чайлд, популяризовавший достижения советской археологии. В результате в США Гордон-Чайлд был объявлен *persona non grata* и не мог посещать эту страну (Pease 1988: 419).

Появление работ иностранных авторов в СССР оставалось затруднительным процессом. В 1947 г. были опубликованы в сокращении две статьи Алика Джолли и Фредерика Роуза (1947): «Место туземцев Австралии в эволюции общества» и «Значение табу в первобытном обществе». Обе статьи представляли собой основанную на австралийских материалах страстную защиту теории Моргана. Оба автора были членами Коммунистической партии Австралии. В 1956 г. из-за преследования и дискриминации коммунистов в Австралии Роуз уехал в ГДР (Тумаркин 2015). 16 октября 1942 г. Джолли и Роуз отправили письмо со своими статьями, адресовав его «Институту примитивной социологии АН СССР» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 19. Л. 9). Статья была опубликована с предисловием С.А. Токарева (1947), отметившего не только значение продолжения прогрессивной моргановской традиции, но и «абстрактно-дедуктивный» метода авторов.

В рецензировании работ американских антропологов в первые послевоенные годы умеренная критика не заслоняла собой академическо-

го анализа. В 1946 г. «Советская этнография» опубликовала развернутую рецензию М.О. Косвена, посвященную работам Маргарет Мид. Он утверждал, что работы Мид имеют «большое научное значение и могут быть с успехом использованы в советской науке» (Косвен 1946: 228). М.Г. Левин анализировал полемику Лесли Уайта с боаснианцами, в целом принимая сторону Уайта, однако отмечая необоснованность его критики Боаса и неправильное понимание соотношения понятий «история» и «эволюция» (Левин 1947). С.П. Толстов гораздо более резко критиковал связи британских функционалистов с колониальной администрацией, сближал модели культуры «этно-психологов» с «расовой душой», однако обсуждал и теоретические вопросы (Толстов 1947: 14–19). Академический характер носил и обзор Ю.П. Аверкиевой «Психологическое направление в современной американской этнографии» (Аверкиева 1947). Вскоре, однако, тон этих обсуждений резко изменился.

Холодная война: СССР

Сигналом к началу холодной войны принято считать выступление Уинстона Черчилля в американском городе Фултоне 5 марта 1946 г. Черчилль говорил о необходимости защитить свободу и демократию «англоязычных народов» и сдерживать влияние СССР и коммунистической «пятой колонны». В ответ Сталин дал интервью газете «Правда», в котором сравнил риторику Черчилля с немецкой расовой теорией и назвал ее «английской расовой теорией» (Интервью 1946). В тот же день было принято постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», которое критиковало журналы за печать произведений, культивировавших «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада». Началась кампания по борьбе с космополитизмом. В этнографии и смежных дисциплинах жертвами этой кампании стали П.Г. Богатырев, Д.К. Зеленин, В.Я. Пропп и В.С. Равдоникас.

В октябре 1948 г. в ИЭ состоялось обсуждение работ М.О. Косвена, в вину которому было поставлено и некритическое отношение к работам зарубежных ученых вообще и Мид в частности (Золотаревская 1949: 184). Главным рецензентом работ американских антропологов стал ученик В.Я. Проппа и специалист по этнографии Океании Н.А. Бутинов. В его рецензии на книгу Абрама Кардинера с соавторами «Психологические границы общества» впервые, по всей видимости, появляется характеристика работ направления «культура и личность» как расистских. Аргументация этого тезиса сводилась к тому, что поскольку «основная личность» (basic personality Кардинера) народа формируется в раннем детстве, то изменение ее структуры представителями данного народа невозможно. Произвести его могут только носители более «приспособленной», а именно западной или

американской культуры. Расовый детерминизм заменяется не менее жестким культурным (Бутинов 1948: 191). В обзоре «Современная американская “теоретическая” этнография» ученый обобщил свои впечатления о работах Р. Бенедикт, Р. Линтона и А. Кардинера. Его подход сводился в целом к тому, что работы этих ученых представляют откровенную апологетику капитализма и расизма и лишены научной ценности. Статью предваряло вступление «от редакции», в котором говорилось о трех источниках теории «психологического расизма»: психоанализе, психотехнике и шпенглеризме (Бутинов 1949). Отдельного упоминания заслужил тот факт, что Кора Дюбуа рассматривала возможность проведения полевой работы в Сибири благодаря широкой распространенности там «арктической истерии» (Бутинов 1949: 216). В том же 1949 г. вышла статья заместителя директора ИЭ И.И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии». «Этнопсихологическая школа», по Потехину, являлась «сосредоточением всего реакционного и отсталого», показывающего глубину падения буржуазной этнографии (Потехин 1949; Корбе, Стратанович 1949).

Итогом кампании идеологической критики стал изданный институтом в 1951 г. сборник статей «Англо-американская этнография на службе империализма». В него вошли вводная статья С.П. Толстого «Кризис буржуазной этнографии», а также статьи И.И. Потехина «Космополитизм в американской этнографии», Д.А. Ольдерогге и И.И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма», М.Г. Левина, Я.Я. Рогинского и Н.Н. Чебоксарова «Англо-американский расизм» и Н.А. Бутинова «Психорасизм в американской этнографии». Риторика этих статей, в которых смешивались в одну кучу социал-дарвинизм и колониализм, биологический расизм и «психорасизм», влияние Шпенглера, Ницше и премьер-министра ЮАР Яна Христиана Смэтса, была выдержана в худших традициях разносной идеологической критики, выставившей ученых «кампанией бойких империалистических разведчиков» и «пропагандистов человеконенавистнических расистских идей, отравляющих народы фрейдистской порнографией и недостойной клеветой на другие народы» (Толстов 1951: 16). «Советская этнография», естественно, приветствовала сборник (Баскин 1952). Был он отрецензирован и журналом «Американ Антропологист». Автором рецензии стал Александр Вуцинич (1914–2002), автор многочисленных трудов по истории российской науки. Он назвал его «искажающей факты атакой на антропологические исследования на Западе». Он также охарактеризовал состояние антропологической теории в СССР как «сочетание эволюционизма XIX в. и советского “патриотизма”» (Vucinic 1953).

Холодная война: США

По сравнению с пристальным вниманием советских этнографов к теориям и идеологии американской антропологии, интерес противоположной стороны первоначально был минимальным. Изучение России и СССР в США до 1940-х гг. было, по словам одного из немногих специалистов, «уделом чудаков и психов». Немногочисленные специалисты только в 1939 г. объединились в Комитет изучения славян (Committee on Slavic Studies). Однако, по словам историка американской советологии, «война изменила все» (Engerman 2009: 13–15). Холодная война вызвала к жизни профессию советологов и привела к созданию таких крупных центров советологии, как Русский институт при Колумбийском университете или Русский исследовательский центр в Гарварде. С вступлением США в войну армии требовались сведения о культуре жителей оккупированных территорий и перемещенных лиц, а также разработка планов послевоенных переселений (Price 2008). Создаются специальные подразделения для ведения «психологической войны», не последнюю роль в которых играли антропологи. Именно в этих структурах (Офис военной информации и Офис стратегических операций) работали Рут Бенедикт, британские антропологи Грегори Бейтсон и Джеффри Горер. Мид возглавляла Комитет по пищевым привычкам, занимавшийся изучением и рекомендациями по улучшению питания американцев – именно эту тему она выберет для доклада на VIII МКАЭН в Москве (Mead 1970).

С точки зрения Мид, это сотрудничество было не только выполнением гражданского долга, но и способом поставить антропологию в один ряд с более «точными» социальными науками (как экономика и социология). Еще до войны Мид и Бейтсон стремились применить разработанные ими подходы в сфере отношений между культурами и нациями (Mandler 2009: 152). Эти подходы опирались на неофрейдизм и уделяли большое внимание становлению характера в той или иной культуре. Основным фактором этого становления считался опыт раннего детства и методы воспитания. Однако переход от изучения племенных обществ к современным нациям, который стремились осуществить Бенедикт, Бейтсон и Мид, влек за собой некоторое огрубление теории: вместо «моделей», «конфигураций» и этоса, уже в 1940–1941 гг. Мид и Бейтсон стали использовать понятие «национальный характер», которое, по словам историка Мендлера, «несло в себе путаницу и упрощение, обещавшие неприятности в будущем» (Mandler 2013: 56–57). Это в полной мере проявилось в последовавших уже после войны дебатах о «пеленальной теории» русского характера, ставшей, по словам того же Мендлера, «одной из главных ошибок в жизни Мид» (Mandler 2009: 158).

Сотрудничество антропологов направления «личность и культура» с армией было направлено на изучение национальных характеров «на

расстоянии» (т.е. при помощи интервью с эмигрантами и работы с литературой, кино и т.д.). В 1947 г. стартовал проект «Изучение современных культур» (Research in Contemporary Cultures), финансирующийся подразделениями флота США, в 1948 г. Мид начала проект изучения «советской культуры» (Studies in Soviet Culture), финансирующийся институтом военно-воздушных сил армии США RAND. Уже в том же году Джеффри Горер представил гипотезу, согласно которой «ключом» к русскому характеру был обычай туго пеленать детей. Чередование тугого пеленания и освобождения для щедрого кормления грудью представлялось «одним из важнейших факторов формирования характера великоруса» (Gorer 2001: 92), который объясняет резкие смены настроения, способность на самые противоречивые действия и слабое чувство я, не отделяемое от коллектива. Бессознательные страхи и чувство вины перерастают в боязнь чужаков и верность Лидеру, которые свойственны русским. Гипотеза Горера была воспринята со скепсисом уже на стадии первых «презентаций» перед американскими советологами, многие из которых имели русские корни. Мид защищала «пеленочную теорию», что повредило ее репутации. Внутри RAND подход Горера также не встретил понимания, в результате чего собственная работа Мид «Советское отношение к власти» (1951) была очищена от психоаналитических теорий (Mead 1951).

В Советском Союзе работы Мид и Горера вызвали ожидаемую реакцию. В феврале 1952 г. газета «Известия» опубликовала, пожалуй, одну из наиболее оригинальных рецензий в истории антропологии: текст Владимира Орлова «Клеветники и пеленки» под рубрикой «фельетон». Он отличался крайней степенью риторического накала: «Американские попугаи в докторских мантиях распространяют фашистский расистский бред, целью которого является доказать превосходство американской “высшей расы”» (Орлов 1952). Орлов также дал оригинальную версию истории исследования. Перед «учеными мужами» США была поставлена задача доказать, что «гнев и буйство» является неотъемлемой частью русского характера. Коллектив под руководством Мид обнаружил статью Горера о роли пеленания и «решили украсть эту идею» без ссылок на автора. В восприятии советских этнографов, однако, «пеленочная теория» осталась связанной с именем Мид. В разговоре с Солом Таксом в Москве И.И. Потехин отметил: «Пусть африканцы, пусть индийцы и другие народы сами пишут о себе. Иначе получаются курьезные вещи, вроде статьи Маргарет Мид о национальном характере русских или статьи Дюбуа о национальном характере японцев» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 985. Л. 26). Характеристики исследований школы «культуры и личности» как расистских, а работ Мид и Горера как «клеветнических измышлений» остались стандартными в советской этнографии (Аверкиева 1963а: 80–84).

По сравнению с познаниями советологов от антропологии, представления о советской этнографии в США в начале 1950-х гг. были более адекватны. Археолог русского происхождения из Колумбийского университета Пол Толстой опубликовал статью «Морган и советская антропологическая мысль», которая была основана на внимательном чтении советских публикаций 1930–1940-х гг. Не скрывая ироничного отношения к культуре Моргана, Толстой указывал на перемены, произошедшие в советской послевоенной науке. К ним относились введение в оборот понятия «культура» (в противовес эволюционной стадии) и возникновение исследований по этногенезу, что связывалось с усилением национализма (Tolstoy 1952). Обзор деятельности советских антропологов за авторством Дмитрия Шимкина и Николаса Де Витта появился в «Международном справочнике антропологических институций», выпущенном при поддержке фонда Веннер-Грена. Статья подчеркивала, что работа ученых в СССР осуществляется под строгим контролем плана и «высших политических властей», однако сравнительная свобода в археологии приводит к большему количеству качественных работ (Shimkin, Dewitt 1953: 253–254).

В том же году Шимкин в соавторстве опубликовал статью, применяющую психологическую теорию Германа Роршаха к анализу русских пословиц (Shimkin, Sanjuan 1953). В 1941–1946 гг. он работал в военной разведке, анализируя информацию о СССР. Шимкин подвергался расследованию ФБР в связи с возможными коммунистическими симпатиями его самого и членов его семьи, однако таковых обнаружено не было (Price 2004: 189–192). В Москве следили за этими публикациями, однако вступать в контакт с американскими коллегами не решались. В 1956 г. Потехин обрисовал ситуацию следующим образом: «За все послевоенные годы в американских журналах была напечатана лишь одна статья Павла Толстова «Морган и советская этнографическая мысль, <...> в которой советские этнографы обвиняются в национализме. В справочнике по этнографическим учреждениям мира, изданном фондом Веннер-Грена, напечатана клеветническая статья Шимкина. В 1954 г. этот фонд опубликовал этнографический ежегодник. Фонд упорно добивался от С.П. Толстова присылки статьи о советской этнографии. Статья не была послана. Тогда они перепечатали из канадского журнала “Эксплорейшн” статью, опубликованную И. Потехиным и М. Левиним» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 784. Л. 54). В этой статье авторы характеризовали основные черты советской этнографии, такие как: вовлечение в этнографию «местных работников», связь с «задачами коренного преобразования культуры и быта», а также признание «решающей роли материального производства в истории общества и единства путей, по которым развивались и развиваются все народы мира». Они также резко отмежевывались от «модной в США психологической школы» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 595. Л. 7).

В 1955 г. только что вернувшаяся из сталинских лагерей Аверкиева опубликовала подробный обзор «съезда этнографов», состоявшегося в Нью-Йорке в 1952 г. Основное внимание в нем было уделено прозвучавшей на съезде критике в адрес «психологического направления». Аверкиева с удовлетворением констатировала, что «этнопсихологи» не смогли «подчинить своему влиянию» не только ученых Старого Света, но и многих американцев, среди которых «растет стремление найти новые пути этнографического исследования» (1955: 155). В архиве Ю.П. Аверкиевой сохранился черновой вариант данной статьи. Сравнение его с опубликованным текстом показывает, что риторический накал публикаций об американской науке начал снижаться. К примеру, в окончательном варианте были сняты пассаж о том, что «в психоаналитическом обследовании клиническим путем давно нуждаются некоторые поборники психо-анализа (sic) и невропатологии в науке об обществе, расистские бредни которых граничат с параноидным заболеванием» (АИЭА. Ф. 16. Д. 40. Л. 16, 29). Это свидетельствовало о том, что пик риторического противостояния Западу был пройден, и советские этнографы были готовы к более конструктивному диалогу.

На пути к «разрядке»

Во второй половине 1950-х гг. происходил отход от жесткой конфронтации к более гибкой политике с ориентацией на мирное сосуществование с системой капитализма. Широкие массы увидели симптомы новой открытости в выставке Пикассо (1956), московском Всемирном фестивале молодежи и студентов (1957) и Американской национальной выставке в Сокольниках (1959). В 1959 г. было подписано «Соглашение между СССР и США об обменах в области культуры, техники и образования» (Zhuk 2013: 5). Советские этнографы были одними из пионеров новой «разрядки».

Переход к личным контактам и возобновлению научных связей был достигнут на Пятом международном конгрессе антропологических и этнологических наук, прошедшем в Филадельфии 1–9 сентября 1956 г. под председательством Ф. Рейни. Первоначальные планы участия советских ученых были масштабными. Академик-секретарь Отделения исторических наук М.Н. Тихомиров в письме президенту АН СССР А.Н. Несмеянову предлагал делегацию из 25 человек. «Учитывая состояние, идеологическую и политическую направленность современной американской этнографии, – писал Тихомиров, – надо предполагать, что положение советской делегации будет нелегким. Поэтому совершенно необходимо иметь в составе делегации специалистов по самым разнообразным отраслям этнографии, антропологии и археологии, которые могли бы в необходимых случаях квалифицированно высказать и защитить точку зрения советской науки» (АРАН Ф. 142. Оп. 1. Д. 784. Л. 70).

Гостями конгресса в итоге стали только Г.Ф. Дебец, Д.А. Ольдерогге и И.И. Потехин. Делегаты получили официальное приглашение вступить в Международный союз антропологических и этнологических наук и многочисленные заверения в необходимости сотрудничества. В докладе о поездке Потехин привел «программу информирования американских ученых о советской этнографии», в которую входили: присылка аннотированного списка изданий, публикации в «Американ Антрополоджист», публикация отдельной книгой информации о советской науке «взамен клеветнических измышлений Шимкина», обмен книгами и т.д. (Там же: 55). В частном порядке Сол Такс организовал дискуссию о понятиях прогресса и «теории value», в которой приняли участие Ольдерогге, Потехин и «самые крупные представители американской и английской этнографии», включая Р. Ферса и М. Фортеса. Беседа «вылилась в острую научную дискуссию» о культурном релятивизме и теории «ценности». Сторонники этой идеи в частных беседах «обвиняли нас в однолинейной интерпретации общественных явлений» (Дебец, Ольдерогге, Потехин 1957: 164–165).

Резюмируя впечатления советских делегатов об американской этнографии, Потехин выделял чрезмерное увлечение теоретическими обобщениями и преобладание «идеалистических реакционных взглядов». Тем не менее в ней идет процесс «переоценки старых ценностей» и отхода «психологической школы» на второй план: «Если несколько лет тому назад господствующее положение занимала наиболее реакционная психологическая школа, то сейчас, на Конгрессе ее представители занимали весьма скромное место. Маргарита (sic) Мид – “специалистка” по характеру русского народа – была совершенно незаметна на Конгрессе и скоро уехала. Так же мало был заметен Клюкхон. Еще на Нью-Йоркском съезде этнографов в 1952 г. эта школа подверглась острой критике как со стороны ряда американских, так и особенно со стороны зарубежных ученых. Сейчас на первый план выдвигаются теория культурного релятивизма и связанная с ней теория value. При всех недостатках этих теорий, они представляют собой шаг вперед по сравнению с концепцией психологической школы. Они анти-расистские. <...> Сейчас, когда психологическая школа отошла на второй план, мы уже не можем рубить с плеча. обстоятельная, научная критика и хорошо поставленная информация о советской этнографии окажут существенную помощь прогрессивному крылу американской этнографии» (АРАН Ф. 142. Оп. 1. Д. 784. Л. 60–61).

Делегаты делали выводы и относительно корректировки развития советской науки. Дебец указывал на отличия в интересах советских и американских физических антропологов: если первые изучают в основном этническую антропологию и этногенез, вторые – в основном морфологию человека и медицинские проблемы. «Советскому делегату, не

удалось создать впечатление, что советская антропологическая наука занимает первое место в мире», писал ученый, рекомендуя при подготовке докладов на следующий съезд обратить внимание на «забытые отрасли» – изучение крови, дерматоглифики и физического развития (АРАН Ф. 142. Оп. 1. Д. 784. Л. 63–65).

Президент конгресса Фройлих Рейни, организовавший для советских гостей не только комфортные условия на конгрессе, но и поездку по стране, экскурсии в музеи и обеды в домах С. Такса и М. Херсковица, в следующем году был приглашен в СССР. В июне 1957 г. он посетил Ленинград и Москву, был принят в МАЭ и ИЭ и прочитал две лекции (Рейни 1957, 1958). Во время визита Рейни предложил «обменяться учеными»: Дебец будет командирован на два месяца в Музей Пенсильванского университета для изучения остеологической коллекции из стоянки Ипиутак на Аляске. Он ознакомился с этой коллекцией во время конгресса 1956 г. и пришел к выводу, что скелеты имеют «сибирский тип» и сходны с юкагирскими. В обмен в СССР приедет специалист по шумерам С.Н. Крамер для работы с шумерскими табличками из Эрмитажа (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 893. Л. 9).

В мае 1958 г. советская делегация в лице С.П. Толстова, Г.Ф. Дебца, М.Г. Левина и А.П. Окладникова посетила международную конференцию по антропологии и археологии Арктики в Копенгагене. В отчете об этой конференции Толстов писал: «Глава американской делегации д-р Ф. Рейни неофициально довел до сведения главы советской делегации С.П. Толстова, что он имеет полномочия от правительства США для заключения соглашения о взаимном посещении советскими учеными Аляски и американскими учеными – Советской Арктики. Предвидя возможность предложений о совместных экспедициях, я перед отъездом из Москвы запросил руководство АН СССР по этому вопросу. Получив инструкцию избегать обсуждения этой темы и принимать решения о совместных экспедициях, я не упомянул об этой форме совместной работы в своем приветственном слове... В дальнейшем этот вопрос не поднимался и в резолюции, которая была составлена на основе нашего проекта, вопрос об экспедициях не фигурирует в числе форм совместной работы» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 988. Л. 29). Выводы, однако, были сделаны и на этот раз: «с полной очевидностью выявилось, что исследования советских ученых играют важную роль в антропологическом, археологическом и этнографическом изучении Арктики. Однако в настоящее время, когда американские, датские и канадские исследователи развернули широкие археологические работы на севере Америки, необходимо усилить темпы и интенсивность исследований в советской Арктике и Субарктике. <...> Необходимо разработать программы исследований в Советской Арктике на ближайшие годы и предусмотреть ассигнования для этой цели» (Там же: 33; см. также Корсун 2009).

В августе 1956 г. А.П. Окладников, Ю.В. Кнорозов и И.А. Золотаревская побывали на XXXII Конгрессе американистов в Копенгагене, где представили доклады Е.А. Бломквист, Э.В. Зиберт и М.Г. Левина. Доклад Окладникова о древних истоках эскимосской культуры вызвал большой интерес и потребовал дополнительного времени на обсуждение (Золотаревская Окладников 1957: 158). На этом же конгрессе Окладников познакомился с учеником Хрдлички Вильямом Лафлином (William S. Laughlin), сотрудничество и совместные экспедиции с которым в 1970–1980-е гг. стали продолжением давней традиции совместного изучения азиатско-американских связей (Laughlin 1985).

План научных командировок и приглашений на 1957 г. свидетельствует о том, что советские этнографы «входили во вкус» международного общения. Были отправлены приглашения знаменитому американисту Полю Риве, директору Музея человека Анри Валуа (уже приехавшему на Всесоюзное совещание этнографов в 1956 г.), Каю Биркет-Смиту, Максу Глакмену, приглашение которого «облегчило бы организацию советской экспедиции в Африку» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 893. Л. 40–41), и ряду ученых из социалистических стран. Жена Глакмена Мери была членом Коммунистической партии, однако вышла из нее в начале 1950-х гг. Глакмены также покинули Общество культурных связей с СССР после разоблачения культа личности в 1956 г. В 1957 г. ученый, сочувствовавший социализму, посетил США, однако его жене было отказано в визе из-за ее коммунистического прошлого (Gordon 2018: 180). Глакмен был приглашен и в 1959 г. Была разработана программа месячного визита с посещением Москвы, Ленинграда и Средней Азии, чтением лекций и беседой в Советской ассоциации дружбы с народами Африки. Он был аттестован как возглавляющий в современной «буржуазной» африканистике «насколько возможно прогрессивное направление» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1095. Л. 60–61). Визит, судя по всему, не состоялся, однако статья манчестерского африканиста была опубликована в «Советской этнографии» (Глакмен 1960).

Отношение к другому знаменитому антропологу из Старого Света, Клоду Леви-Строссу, со стороны ИЭ было гораздо более прохладным. В 1958 г. на запрос о целесообразности его визита в СССР С.П. Толстов ответил: «В теоретическом отношении его работы не представляют для нас интереса, т. к. Леви-Штраусс является сторонником реакционных течений в этнографии, в первую очередь психорасизма. По своей инициативе за счет института мы пригласить Леви-Штраусса не считаем возможным. Но если он приедет за счет другой организации, Институт согласен его принять: он бывал в Южной Америке и собрал большой конкретный материал по этнографии индейцев Амазонки, литература о которых очень скудна» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 983. Л. 58). Тем не менее со второй половины 1950-х гг. был организован регулярный обмен визитами, некото-

рые сотрудники ИЭ получили возможность постепенно налаживать научные связи и получать личные впечатления от посещения Америки.

Трансатлантические встречи

В 1958 г. в США поехала этнограф-американист и ученый секретарь ИЭ И.А. Золотаревская, в СССР – археолог Мэри Вормингтон (Hannah Marie Wormington, 1914–1994). За два месяца Золотаревская успела побывать в Нью-Йорке, Филадельфии, Колорадо, Денвере и на конференции Американской ассоциации антропологов в Вашингтоне. В письме коллегам она рассказывала: «Передо мной дилемма <...> – или выключиться из жизни и засесть в библиотеках, ничего не видя, или в ущерб “академическим” занятиям постараться увидеть больше людей, живую жизнь. <...> Встречают меня приветливо, стараются помочь увидеть как можно больше» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 986. Л. 124). Она упомянула о встречах с Ирвингом Хелловеллом (Alfred Irving Hallowell) и Маргарет Мид, «которая имеет при музее маленькое помещение, состоящее из двух комнат, заваленных книгами. <...> Она была со мной очень любезна, о науке не разговаривала <...> Популярностью она не пользуется» (Там же. Л. 8). Большую часть поездки, судя по докладу, Золотаревская провела в знакомстве с музеями и в индейской резервации в штате Оклахома. Относительно музеев она отметила, что экспозиции об индейцах дают представление о традиционном быте, но «останавливаются в XIX веке». Сами индейцы в Оклахоме «выглядят как мы с вами, только несколько полнее, лица темнее, говорят по-английски». Описав ряд встреч и экскурсий, Золотаревская подытожила: «...как бы они не были американизированы, они все-таки остаются индейцами». Среди негативных впечатлений докладчица упомянула об «ужасной» прессе, которая писала о ее внешности и «мейкапе», и раздражение от того, что американские журналисты «очень расхваливали Пастернака» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1072. Л. 2–30; см. также: Золотаревская 1959, 1960).

31 декабря 1958 г. состоялась встреча американского антрополога (и сына выходцев из России) Сола Такса (Sol Tax) с руководителями и сотрудниками ИЭ. В начале 1950-х Такс вместе с распорядителем фонда Веннер-Грена (Wenner-Gren Foundation) провели серию конференций и публикаций. Идеей этого проекта было создание «мировой антропологии», объединившей усилия ученых всех континентов. Летом 1958 г. Такс посетил антропологов шести европейских стран и организовал встречу, результатом которой была идея создания журнала «*Surgent Anthropology*». Его главной миссией была организация взаимного общения антропологов всего мира (Stocking 2000: 203–206). На встрече в Москве Такс рассказал коллегам о системе филантропических фондов и фонде Веннер-Грена, подчеркнув, что ученые «свободны в использо-

вании этих средств». Он изложил концепцию журнала «Каррент Антрополоджи», закончив следующими словами: «Я верю в то, что мир един и, прежде всего, я верю в то, что мир един для антропологов. И когда мы говорим об изучении человека, может быть, мы можем связать воедино мысли и деятельность людей, хотя бы, по крайней мере, тех людей, которые занимаются наукой о человеке» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 985. Л. 18). Концепция журнала не встретила возражений у советских коллег. Потехин выразил пожелание, чтобы журнал представлял «ученых с различными мировоззрениями и идеологическими концепциями», а также печатал больше статей по современности. Он также согласился с идеей Такса о преодолении евроцентризма антропологии: «Я приветствую ваше заявление, что надо отдавать предпочтение тем авторам, которые пишут о своих народах. Надо, действительно, положить конец претензиям европейских и американских этнографов писать о всех народах мира» (Там же. Л. 26).

Устанавливались и более долговечные научные контакты. Элеонор Берк Ликок (Eleanor Burke Leacock) была одним из немногих антропологов, открыто исповедовавших марксистские и феминистские взгляды (Moore 2009: 217–226). В своей диссертации «Охотничьи территории монтанье и пушная торговля» (The Montagnais “Hunting Territory” and the Fur Trade) (Leacock 1954) она показывала, что права отдельных семей на охотничьи территории сложились лишь в XVIII в. под влиянием колониальных отношений и торговли мехом. Исторически этому предшествовала общинная собственность, что согласовывалось с теорией «первобытного коммунизма». В своих воспоминаниях Ликок рассказывала, что прежде чем начать полевую работу среди инну (монтаньенаскапи), она рассматривала возможность изучать юкагиров, однако «вскоре холодная война сделала полевую работу в Сибири неосуществимой, и я остановилась на Лабрадоре» (Leacock 1993: 15). К сожалению, неизвестно с кем и когда именно (очевидно, до начала полевой работы на Лабрадоре в 1950 г.) вела переписку Ликок, однако в 1959 г. она, возможно, думала вернуться к этой идее. В письме, направленном в ИЭ на имя Потехина, Ликок подробно рассказывала о своих исследованиях среди инну. Она интересовалась изучением отношений собственности в Сибири, прежде всего среди юкагиров, которые имели схожую с инну историю общества охотников и собирателей, вовлеченного в торговлю мехом. Она также сообщала о возрождении интереса к эволюционизму в американской антропологии и публикации работ организованного ею симпозиума по социальной стратификации и эволюционной теории в журнале «Ethnohistory» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1097. Л. 68–70). В ответ ИЭ отправил шестистраничное эссе Б.О. Долгих, в котором он подробно описывал земельные отношения среди сибирских охотников. Ученый полностью поддерживал точку зрения американского антропо-

лога: несмотря на то что отношения использования территории возникли в результате пушной торговли и приводили порой к конфликтам, в целом охота допускалась везде, где это не влияло отрицательно на потребности соседних групп (Там же: Л. 134–139).

Аверкиева, скорее всего, знала о работах Ликок и до переписки последней с ИЭ. В ее архиве сохранились конспекты работ этого антрополога (АИЭА. Ф. 16. Д. 49, 561). Возможно, данное письмо послужило дополнительным стимулом для пристального интереса советских американистов к этноисторическому направлению в антропологии США. В 1961 г. Аверкиева опубликовала статью «Проблема собственности в современной американской этнографии», в которой проанализировала дискуссию вокруг тезисов Фрэнка Спекса о семейной собственности патрилинейных групп на охотничьи участки. Основное внимание в статье Аверкиевой было уделено работам Ликок, нанесших, по ее оценке, «сокрушительный удар по теориям Спекса» (Аверкиева 1961: 205–210). В том же году Золотаревская опубликовала пространный обзор журнала «Ethnohistory», оценивая факт его возникновения как свидетельство стремления «вернуть американскую этнографию в лоно исторических дисциплин» (Золотаревская 1961: 163, 167). Аверкиева и в дальнейшем будет позитивно отзываться о работах Ликок и журнале «Ethnohistory» (Аверкиева 1963б: 19–22). В 1964 г. Ликок, а также другие герои данной статьи, включая Мид, встретились на Седьмом Международном конгрессе антропологических и этнологических наук в Москве. Для Аверкиевой и Ликок это знакомство было продолжено дальнейшим сотрудничеством, результатом которого стала книга «Североамериканские индейцы в исторической перспективе», изданная в США и СССР и посвященная памяти И.А. Золотаревской (Аверкиева 1978). Для советской этнографии в целом этот конгресс стал результатом долгой работы по налаживанию связей и выстраиванию полемических приемов, позволивших ей определить свою позицию в контексте мировой антропологии.

Заключение: накануне VII МКАЭН в Москве

Если на пятом МКАЭН в 1956 г. трое советских делегатов чувствовали себя первопроходцами, отчеты о Шестом МКАЭН в Париже в 1960 г. рисуют иную картину. В Рим прибыла делегация из пяти официальных гостей из 13 ученых, приехавших по туристической визе. Два пленарных заседания с докладами «на общие темы» было предложено сделать представителям американской и советской делегаций. Г.Ф. Дебец выбрал надежную антирасистскую тему, главный тезис его доклада сводился к тому, что антропологические признаки исторически изменчивы, а признаки «северной расы» «объяснены на основе общих закономерностей изменения черепа» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1215. Л. 4). Доклад М. Херсковица «Гуманизм в науках о человеке» отстаивал позиции «культурного релятивизма». Авторы отчета не отказали себе в

удовольствию констатировать: доклад «повторил известные положения <...> доклад, даже по отзывам англичан, был мало понятен» (Там же). Доклад Толстова «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии» в значительной степени подытоживал его представления о важности историзма и «твердой хронологической базы» в изучении истории даже бесписьменных народов (Толстов 1960: 16; см. также: Толстов 1961). «Доклад, – писали авторы отчета, – собравший большое количество слушателей и продолжавшийся вместе с прениями два часа (вместо 30 мин. по регламенту), сопровождался демонстрацией книжной продукции Института этнографии, вызвал очень большое количество вопросов и оживленные прения» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1215. Л. 6). «Внимание к советской делегации и успех советских докладов в значительной степени объясняется тем, что методологическая сторона этнографии в буржуазных странах находится в состоянии теоретического разброда, тогда как советские ученые смогли противопоставить этому четкие методологические установки и теоретические положения, основанные на новом обильном материале» – таков был вывод членов делегации (Дебец, Левин, Ольдерогге 1961: 160). Тезис о «разброде» Толстов будет не раз повторять в ходе подготовки следующего, московского конгресса, решение о месте проведения которого «было встречено такой бурей аплодисментов, что было принято без обсуждения» (160).

Подготовка VII МКАЭН включала процесс подбора теоретических и идеологических аргументов, тем и авторов, способных противостоять «буржуазной» науке. Уже в 1961 г. философ С.Н. Артановский опубликовал в «Советской этнографии» критический разбор аргументов культурного релятивизма Херсковича. Автор утверждал, что, деля человечество на ряд полностью уникальных и неповторимых культур, релятивизм тем самым отрицает то общее, что есть между ними, а также прогресс, очевидно, имевший место в истории с точки зрения обеспечения «господства человека над природой». «Конкретно-исторический анализ раскрывает то общее, что свойственно различным национальным культурам. Положение о полной неповторимости каждой культуры, объединяющее в данном случае Шпенглера, Бенедикт и Херсковича, совершенно неверно» (Артановский 1961: 116). Философская дискуссия, в которой советская сторона выступала на стороне «прогресса» и единых законов истории, начатая в Филадельфии в 1956 г., продолжилась и на московском конгрессе.

1960 г. был отмечен активным развитием «научного туризма»: в зарубежные страны было направлено более шести тысяч сотрудников АН СССР и республиканских академий (Орлов, Попов 2016: 140). В журнале «Советская этнография» также произошло едва заметное, но показательное событие: в 1961 г. впервые был опубликован материал «Научные связи Института этнографии АН СССР с зарубежными странами». Институт составлял такие справки с 1957 г. За последние годы, говорилось в отчете, «Советская

этнография» печатала статьи ученых Болгарии, Чехословакии, Польши, ГДР, Румынии, КНР, КНДР, Индии, США, Боливии, Чили, Англии, Финляндии, Норвегии, что свидетельствовало о «большой международной значимости» журнала (Журавлев 1961: 188). В 1962 г. в США стал выходить журнал переводов «Soviet Anthropology and Archaeology», годом раньше в Канаде начинает выходить книжная серия «Anthropology of the North: Translations from Russian Sources» (Arzyutov 2021).

Рассмотренный период в советско-американском антропологическом диалоге можно разделить на следующие этапы. Краткий послевоенный период 1945–1947 гг. характеризовался академическим стилем рецензий и общим настроением на возможность сотрудничества с коллегами из стран-союзниц. Кампания по борьбе с космополитизмом сказалась на восприятии американской науки в 1948–1953 гг. – периоде резкой идеологической критики, в центре которой находились антропологи школы «культура и личность». В эти же годы в США происходило становление антропологической советологии, публикации о русском и советском характере сыграли большую роль в обострении критического пафоса со стороны СССР. Период 1956 – начала 1960-х гг. был отмечен расширением контактов и установлением личных связей между антропологами двух сверхдержав. Советские авторы в этот период отказались от огульной критики, стали выделять во «враждебном лагере» дружественных прогрессивных ученых и сотрудничать с ними. К началу 1960-х гг. советская этнография чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы претендовать на роль альтернативного центра мировой антропологии, ассоциируемого с марксистской философией, социальным оптимизмом и антиколониальной политикой. Именно такая повестка была реализована на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964), ставшем своего рода звездным часом советской этнографии на международной арене.

Источники

Архив Российской академии наук

- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 19. Переписка с ВОКС и ТАСС о публикации статьи австралийских ученых Джолли и Роуз. 1943 г. 188 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 595. Переписка по установлению международных научных связей. 1954 г. 12 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 784. Устав, списки участников, отчеты и другие материалы по подготовке V МКАЭН в г. Филадельфия. 1956 г. 100 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 893. Докладные записки, планы, переписка по приему иностранных ученых. 1957 г. 44 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 983. Отчеты, справки, докладные записки и другие материалы о посещении института иностранными учеными. 1958 г. 70 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 985. Стенограмма беседы на встрече с проф. С. Таксом (США) от 31.12.1958. 63 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 986. Переписка по установлению международных научных связей. 1958 г. 131 л.

- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 988. Отчеты о поездках советских ученых в зарубежные страны. 1958 г. 50 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1072. Стенограмма заседания Ученого совета от 03.03.1959 по сообщению И.А. Золотаревской о поездке в США и другим вопросам. 49 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1095. Планы, отчеты, докладные записки и другие материалы приема иностранных ученых. 1959 г. 125 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1097. Переписка по установлению международных научных связей. 1959 г. 237 л.
- АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1215. Отчет советской делегации об участии в работе VI МКАЭН в Париже. 1960 г. 75 л.

Архив Института этнологии и антропологии РАН

- АИЭА. Ф. 16. Д. 49. Ю.П. Аверкиева «Заметки о статье E. Leacock Status among the Montagnais-Naskapi of Labrador». 1958. 3 л.
- АИЭА. Ф. 16. Д. 40. Ю.П. Аверкиева: «О съезде американских этнографов». 1953 г. (?) 75 л.

Литература

- Аверкиева Ю.* Материалы Нью-йоркского съезда этнографов // Советская этнография. 1955. № 4. С. 148–155.
- Аверкиева Ю.* Предисловие // Североамериканские индейцы. М.: Прогресс, 1978. С. 5–6.
- Аверкиева Ю.* Психологическое направление в современной американской этнографии // Советская этнография. 1947. № 1. С. 218–221.
- Аверкиева Ю.* Современная американская этнография // Советская этнография. 1932. № 2. С. 97–102.
- Аверкиева Ю.П.* О некоторых этнопсихологических исследованиях в США // Современная американская этнография / отв. ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Издательство АН СССР, 1963а. С. 64–96.
- Аверкиева Ю.П.* Проблема собственности в современной американской этнографии // Советская этнография. 1961. № 4. С. 200–213.
- Аверкиева Ю.П.* Современные тенденции в развитии этнографии США // Современная американская этнография / отв. ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Издательство АН СССР, 1963б. С. 3–49.
- Аверкиева Ю.П.* Франс Боас (1858–1942) // Краткие сообщения ИЭ. М.: Издательство АН СССР, 1946. Вып. 1. С. 101–111.
- Артановский С.* Проблема сравнительной ценности культур и теория «культурного релятивизма» // Советская этнография. 1961. № 3. С. 110–117.
- Артемова О.Ю.* Десять лет «первобытности» в постсоветской России: анализ некоторых, преимущественно учебно-методических, публикаций // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 139–156.
- Баскин М.П.* Англо-американская этнография на службе империализма // Советская этнография. 1952. № 1. С. 212–215.
- Бутинов Н.* Рец. на: Abram Kardiner, with the collaboration of Ralph Linton, Cora Du Bois, James West. The Psychological Frontiers of Society, New York, 1946 // Советская этнография. 1948. № 3. С. 186–191.
- Бутинов Н.А.* Современная американская «теоретическая» этнография // Советская этнография. 1949. № 1. С. 212–218.
- Вахтин Н.Б.* Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241–274.
- Глукман М.* Племенной уклад в современной Центральной Африке // Советская этнография. 1960. № 6. С. 57–69.
- Дебец Г.Ф., Ольдерогге Д.А., Потехин И.И.* 5-й международный конгресс этнографов и антропологов // Советская этнография. 1957. № 1. С. 159–166.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Ольдерогге Д.А.* Шестой международный конгресс антропологов и этнографов // Советская этнография. 1961. № 1. С. 156–161.

- Джолли А., Роуз Ф. Значение табу в первобытном обществе // Советская этнография. Сборник статей. М.; Л.: 1947. Т. VI–VII. С. 210–215.
- Джолли А., Роуз Ф. Место туземцев Австралии в эволюции общества // Советская этнография. Сборник статей. М.; Л.: 1947. Т. VI–VII. С. 192–209.
- Журавлев Ю.И. Научные связи Института этнографии АН СССР с зарубежными странами // Советская этнография. 1961. № 4. С. 187–189.
- Золотаревская И. Обсуждение работ М.О. Косвена // Советская этнография. 1949. № 1. С. 183–187.
- Золотаревская И.А. Некоторые материалы об ассимиляции индейцев Оклахомы // Краткие сообщения Института этнографии. 1960. Т. XXXIII. С. 84–89.
- Золотаревская И.А. Новый американский этнографический журнал // Советская этнография. 1961. № 5. С. 162–167.
- Золотаревская И.А., Окладников А.П. 32-й международный конгресс американистов // Советская этнография. 1957. № 1. С. 157–159.
- Золотаревская И.А. Поездка к индейцам США // Советская этнография. 1959. № 6. С. 162–172.
- Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. № 62. 14 марта. С. 1.
- Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191–230.
- Кан С.А. Юлия Аверкиева и Франц Боас: взаимная симпатия и идеологические разногласия // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 70–79.
- Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: НЛЮ, 2018.
- Корбе О., Стратанович Г. Обсуждение доклада И.И. Потехина «Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии» // Советская этнография. 1949. № 2. С. 170–177.
- Корзун В.П., Груздинская В.С. 220-й юбилей АН СССР в победном 1945-м: сценарий празднования в социокультурном контексте эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19, № 2. С. 374–392. DOI: [10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392](https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392).
- Корсун С.А. Международное сотрудничество по изучению этногенеза эскимосов: 20–50-е годы XX века // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Вып. 9. С. 213–229.
- Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб.: Кунсткамера, 2015.
- Косвен М. Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала (работы Маргарет Мид) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 227–232.
- Кузнецов И.В. «Последняя экспедиция» (из истории русско-американского сотрудничества в изучении коренных малочисленных народов) // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 53–69. DOI: [10.7868/S0869541518030053](https://doi.org/10.7868/S0869541518030053)
- Левин М.Г. Алеш Грдличка (жизнь и деятельность) // Краткие сообщения ИЭ. М.: Издательство АН СССР, 1946. Вып. 1. С. 88–101.
- Левин М.Г. История, эволюция, диффузия (по поводу одной дискуссии) // Советская этнография. 1947. № 2. С. 235–240.
- Маторин Н.М. Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 3–38.
- Орлов В. Клеветники и пленки // Известия. 1952. № 42. С. 4.
- Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.
- Потехин И.И. Задачи борьбы с космополитизмом в этнографии // Советская этнография. 1949. № 2. С. 7–26.
- Рейни Ф. Археология американской Арктики // Советская этнография. 1958. № 2. С. 55–63.
- Рейни Ф. Проблемы американской археологии // Советская этнография. 1957. № 6. С. 31–37.

- Соколовский С. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. 2009. № 1 (63). С. 45–64.
- Соколовский С.В. В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. 2011. № 2. С. 70–89.
- Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов // Этнографического обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
- Станюкович М.В. Необычная биография (Рой Фрэнклин Бартон, 1883–1947) // Советская этнография. 1979. № 1. С. 76–83.
- Токарев С.А. Новые материалы по этнографии Австралии // Советская этнография. Сборник статей. М.; Л., 1947. Т. VI–VII. С. 191.
- Толстов С.П. Кризис буржуазной этнографии // Англо-американская этнография на службе империализма / отв. ред. И.И. Потехин. М.: Издательство АН СССР, 1951.
- Толстов С.П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии // Вопросы истории. 1961. № 11. С. 107–118.
- Толстов С.П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // Советская этнография. 1960. № 6. С. 10–23.
- Толстов С.П. Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
- Толстов С.П. Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.
- Тумаркин Д.Д. Фредерик Роуз (1915–1991). Жизнь и труды на фоне эпохи // Вестник антропологии. 2015. № 4 (32). С. 179–200. URL: http://static.iea.ras.ru/books/VA_4_32_sayt.pdf.
- Arzyutov D.V. Reading Traces and Writing Indigenous Ethnohistories in the Russian North // Histories of Anthropology Annual. 2021. № 15 (in print).
- Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. New York: Oxford University Press, 2009.
- Gordon R.J. The Enigma of Max Gluckman: The Ethnographic Life of a «Luckyman» in Africa. Lincoln: University of Nebraska Press, 2018.
- Gorer G. The Psychology of Great Russians // Mead M., Gorer G., Rickman J. Russian Culture. New York; Oxford, 2001. P. 71–134.
- Kan S.A., Arzyutov D.V. The Saga of the L.H. Morgan Archive or How an American Marxist Helped Make a Bourgeois Anthropologist the Cornerstone of Soviet Ethnography // Local Knowledge, Global Stage. Vol. 10: Histories of Anthropology Annual / eds by Regna Darnell, Fredrick W Gleach. Nebraska: University of Nebraska Press, 2016. P. 149–220.
- Krementsov N. Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Kuznetsov I. Archie Phinney, A Soviet Ethnographer // Ab Imperio. 2020. № 1. P. 59–74.
- Laughlin W.S. Russian-American Bering Sea Relations: Research and Reciprocity // American Anthropologist. 1985. № 4 (87). P. 775–792.
- Leacock E. Being an Anthropologist // From Labrador to Samoa: The Theory and Practice of Eleanor Burke Leacock / ed. by C.R. Sutton. Arlington: Association for Feminist Anthropology / American Anthropological Association, 1993. P. 1–32.
- Leacock E.B. The Montagnais «hunting territory» and the fur trade. Menasha, Wis.: American Anthropological Association, 1954.
- Mandler P. One World, Many Cultures: Margaret Mead and the Limits to Cold War Anthropology // History Workshop Journal. 2009. № 68. P. 149–172. DOI: 10.1093/hwj/dbp008.
- Mandler P. Return from the Natives: How Margaret Mead Won the Second World War and Lost the Cold War. New Haven; London: Yale University Press, 2013.
- Mead M. Soviet Attitudes toward Authority. New York: McGraw-Hill, 1951.
- Mead M. Anthropological Contributions to the Development of Rational Dietary Practices // Труды VIII МКАЭН. М.: Наука, 1970. Т. 8. С. 147–153.
- Moore J.D. Visions of Culture: an introduction to anthropological theories and theorists. Lanham: AltaMira Press, 2009.
- Peace W.J. Leslie A. White: Evolution and Revolution in Anthropology. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2004.

- Peace W.J.* Vere Gordon Childe and American Anthropology // Journal of Anthropological Research. 1988. № 4 (44). P. 417–433.
- Price D.H.* Threatening Anthropology. McCarthyism and the FBI's Surveillance of Activist Anthropologists. Durham, NC: Duke University Press, 2004.
- Price D.H.* Anthropological Intelligence: The Deployment and Neglect of American Anthropology in the Second World War. Durham; London: Duke University Press, 2008.
- Shimkin D., DeWitt N.* Union of Soviet Socialist Republics // International Directory of Anthropological Institutions / ed. by Jr. Thomas, S. William, A.M. Pikelis. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1953. P. 253–266.
- Shimkin D.B., Sanjuan P.* Culture and World View: A Method of Analysis Applied to Rural Russia // American Anthropologist. 1953. № 3 (55). P. 329–348.
- Stocking Jr. G.W.* «Do Good, Young Man» Sol Tax and the World Mission of Liberal Democratic Anthropology // Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays Toward a More Inclusive History of Anthropology / ed. by Richard Handler. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000.
- Tolstoy P.* Morgan and Soviet Anthropological Thought // American Anthropologist. 1952. № 1 (54). P. 8–17.
- Vucinich A.* Review of: Anglo-Amerikanskaia etnografiia na sluzhbe imperiazma / ed. by I.I. Potekhin // American Anthropologist. 1953. № 55 (1). P. 110.
- Zhuk S.* «Academic Détente»: IREX Files, Academic Reports, and “American” Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era // Cahiers du monde Russe. 2013. № 1–2 (54). P. 1–32.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2020 г.

‘Imperialist spies’ or colleagues? Soviet-American anthropological dialogue during the early Cold War*

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/5

Sergey S. Alymov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: alymovs@mail.ru

Abstract. The article explores contacts between Soviet ethnography and American anthropology from the late 1940s to the early 1960s. The author claims that it was a period when the isolationism of Soviet ethnographers and their harsh ideological critique of America gave way to dialogue between the two disciplines. However, by the 7th ICAES that took place in Moscow in 1964, Soviet anthropologists had already set themselves the task of becoming the worldwide Marxist alternative to the ‘bourgeois’ American science. At the same time, American anthropology-oriented Sovietology started to develop and American leftist anthropologists sought to establish contacts with their Soviet counterparts. The article also analyzes the dynamics of academic exchange which promoted the scientific dialogue between the opposing Cold War camps.

Keywords: history of anthropology, international research contacts, Soviet ethnography, Cold War, ethnography-based American Studies

*Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Averk'ieva Iu. Materialy N'iu-iorskogo s"ezda etnografov [The New-York Meeting of Ethnographers: Proceedings]. *Sovetskaia etnografiia*. 1955. № 4. S. 148-155.
- Averk'ieva Iu. Predislovie [Foreword]. In: *Severoamerikanskii indeitsy* [North American Indians]. Moscow: Progress, 1978, pp. 5-6.

- Averk'ieva Iu. Psikhologicheskoe napravlenie v sovremennoi amerikanskoj etnografii [Psychological research in contemporary American ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1947, no. 1, pp. 218-221.
- Averk'ieva Iu. Sovremennaia amerikanskaia etnografiia [Contemporary American ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1932, no. 2, pp. 97-102.
- Averk'ieva Iu.P. O nekotorykh etnopsikhologicheskikh issledovaniiah v SShA [On some ethno-psychological studies in the USA]. In: *Sovremennaia amerikanskaia etnografiia* [Contemporary American ethnography]. Eds. A.V. Efimov, Iu.P. Averk'ieva. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963a, pp. 64-96.
- Averk'ieva Iu.P. Problema sobstvennosti v sovremennoi amerikanskoj etnografii [The issue of ownership in contemporary American ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1961, no. 4, pp. 200-213.
- Averk'ieva Iu.P. Sovremennye tendentsii v razvitii etnografii SShA [Current trends in the development of US ethnography]. In: *Sovremennaia amerikanskaia etnografiia* [Contemporary American ethnography]. Eds. A.V. Efimov, Iu.P. Averk'ieva. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963b. S. 3-49.
- Averk'ieva Iu.P. Frans Boas (1858–1942). In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnology]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946, Vol. 1, pp. 101-111.
- Artanovskii S. Problema sravnitel'noi tsnnosti kul'tur i teoriia «kul'turnogo relativizma» [The issue of the comparative value of cultures and the theory of 'cultural relativism']. *Sovetskaia etnografiia*, 1961, no. 3, pp. 110-117.
- Artemova O.Iu. Desiat' let «pervobytnosti» v postsovetskoj Rossii: analiz nekotorykh, preimushchestvenno uchebno-metodicheskikh, publikatsii [10 years of the study of 'primitive times' in post-Soviet Russia: Analysis of some study materials and methodology publications]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, no. 2, pp. 139-156.
- Baskin M.P. Anglo-amerikanskaia etnografiia na sluzhbe imperializma [Anglo-American ethnography in the service of imperialism]. *Sovetskaia etnografiia*, 1952, no. 1, pp. 212-215.
- Butinov N. Review of Abram Kardiner, with the collaboration of Ralph Linton, Cora Du Vois, James West. The Psychological Frontiers of Society, New York, 1946. *Sovetskaia etnografiia*, 1948, no. 3, pp. 186-191.
- Butinov N.A. Sovremennaia amerikanskaia «teoreticheskaia» etnografiia [Contemporary American 'theoretical' ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1949, no. 1, pp. 212-218.
- Vakhtin N.B. Tikhookeanskaia ekspeditsiia Dzhesupa i ee russkie uchastniki [The Jesup North Pacific Expedition and its Russian participants]. *Antropologicheskii forum*, 2005, no. 2, pp. 241-274.
- Gluckman M. Plemennoi ukklad v sovremennoi Tsentral'noi Afrike [Tribalism in modern Central Africa]. *Sovetskaia etnografiia*, 1960, no. 6, pp. 57–69.
- Debets G.F., Ol'derogge D.A., Potekhin I.I. 5-i mezhdunarodnyi kongress etnografov i antropologov [5th International Congress of Ethnographers and Anthropologists]. *Sovetskaia etnografiia*, 1957, no. 1, pp. 159-166.
- Debets G.F., Levin M.G., Ol'derogge D.A. Shestoi mezhdunarodnyi kongress antropologov i etnografov [6th International Congress of Anthropologists and Ethnographers]. *Sovetskaia etnografiia*, 1961, no. 1, pp. 156-161.
- Dzholli A., Rouz F. Znachenie tabu v pervobytnom obshchestve [The meaning of taboo in prehistoric societies]. In: *Sovetskaia etnografiia. Sbornik statei* [Soviet ethnography. A collection of papers]. Vol. VI-VII. Moscow, Leningrad: 1947, pp. 210-215.
- Dzholli A., Rouz F. Mesto tuzemtsev Avstralii v evoliutsii obshchestva [The place of Australian aboriginals in the evolution of society]. In: *Sovetskaia etnografiia. Sbornik statei* [Soviet ethnography. A collection of papers]. Vol. VI-VII. Moscow, Leningrad: 1947, pp. 192-209.
- Zhuravlev Iu.I. Nauchnye sviazi Instituta etnografii AN SSSR s zarubezhnymi stranami [International research ties of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1961, no. 4, pp. 187-189.

- Zolotarevskaia I. Obsuzhdenie rabot M.O. Kosvena [Discussing the works of M.O. Kosnev]. *Sovetskaia etnografiia*, 1949, no. 1, pp. 183-187.
- Zolotarevskaia I.A. Nekotorye materialy ob assimiliatsii indeitsev Oklakhomy [Some materials on the assimilation of the Oklahoma Indians]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography]. Moscow, 1960. Vol. XXXIII, pp. 84-89.
- Zolotarevskaia I.A. Novyi amerikanskii etnograficheskii zhurnal [New American ethnography journal]. *Sovetskaia etnografiia*, 1961, no. 5, pp. 162-167.
- Zolotarevskaia I.A., Okladnikov A.P. 32-i mezhdunarodnyi kongress amerikanistov [32nd International Congress of Researchers of America]. *Sovetskaia etnografiia*, 1957, no. 1, pp. 157-159.
- Zolotarevskaia I.A. Poezdka k indeitsam SSHA [A trip to the Indians of the USA]. *Sovetskaia etnografiia*, 1959, no. 6, pp. 162-172.
- Interv'iu tov. I.V. Stalina s korrespondentom «Pravdy» otnositel'no rechi g. Cherkhillia [Interview with the comrade Iosif V. Stalin for *Pravda*, with regard to Sir Churchill's speech]. *Pravda*, 1946, no. 62, 14 March, pp. 1.
- Kan S. «Moi drug v tupike empirizma i skepsisa»: Vladimir Bogoraz, Frants Boas i politicheskii kontekst sovetskoi etnologii v kontse 1920-x – nachale 1930-kh gg. [My old friend in a dead-end of empiricism and skepticism: Bogoraz, Boas, and the politics of Soviet anthropology of the late 1920s and the early 1930s]. *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 191-230.
- Kan S.A. Iuliia Averkieva i Frants Boas: vzaimnaia simpatii i ideologicheskie raznoglasiia [Yulia Averkieva and Franz Boas: Mutual affection and ideological disagreements]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 70-79.
- Clark K. *Moskva, chetvnyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evoliutsiia sovetskoi kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome. Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931-1941]. Moscow: NLO, 2018.
- Korbe O., Stratanovich G. Obsuzhdenie doklada I.I. Potekhina «Zadachi bor'by s kosmopolitizmom v etnografii» [Discussion of the report by I.I. Potekhin, entitled 'The objectives of the struggle against cosmopolitanism']. *Sovetskaia etnografiia*, 1949, no. 2, pp. 170-177.
- Korzun V.P., Gruzdinskaia V.S. 220-i iubilei AN SSSR v pobedom 1945-m: stsenerii prazdnovaniia v sotsiokul'turnom kontekste epokhi [The 220th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR in the victorious 1945: A scenario of celebration in the sociocultural context of the era]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Istorii Rossii*, 2020, Vol. 19, no. 2, pp. 374–392. DOI 10.22363/2312-8674-2020-19-2-374-392.
- Korsun S.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po izucheniiu etnogeneza eskimosov: 20–50-e gody XX veka [International cooperation on the study of ethno-genesis of the Eskimo: The 1920s to the 1950s]. In: *Materialy polevykh issledovaniu MAE RAN* [MAE RAN field research materials]. Vol. 9. St. Petersburg: MAE RAN, 2009, pp. 213–229.
- Korsun S.A. *Amerikanistika v Kunstkamere (1714–2014)* [American Studies in the Kunstkamera (1714-2014)]. St. Petersburg: Kunstkamera, 2015.
- Kosven M. Problemy vospitaniia i psikhologii rebenka v svete etnograficheskogo materiala (raboty Margaret Mid) [Issues in child education and psychology in the light of ethnographic material (The works of Margaret Mead)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1946, no. 2, pp. 227-232.
- Kuznetsov I.V. «Posledniaia ekspeditsiia» (iz istorii rusko-amerikanskogo sotrudnichestva v izuchenii korennykh malochislennykh narodov) [The 'Last Expedition' (from the history of US-Russian collaboration in the study of indigenous peoples)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 53-69. DOI: 10.7868/S0869541518030053
- Levin M.G. Alesh Grdlichka (zhizn' i deiatel'nost') [Alesh Grdlichka (Life and Works)]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* [Brief reports of the Institute of Ethnography]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946, Vol. 1, pp. 88-101.

- Levin M.G. Istoriia, evoliutsiia, diffuziia (po povodu odnoi diskussii) [History, evolution, diffusion: A discussion]. *Sovetskaia etnografiia*, 1947, no. 2, pp. 235-240.
- Matorin N.M. Sovremennii etap i zadachi sovetskoï etnografii [The current stage and objectives of Soviet ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1931, no. 1-2, pp. 3-38.
- Orlov I.B., Popov A.D. *Skvoz' «zheleznyi zhanaves»*. *Russo turista: sovetskii vyezdnoi turizm, 1955–1991* [Through the 'Iron Curtain'. *Russo turista: Soviet external tourism, 1955 to 1991*]. Moscow: Izdatel'skii dom VShE, 2016.
- Orlov V. Klevetniki i pelenki [Slanderers and swaddles]. *Izvestiia*, 1952, no. 42, pp. 4.
- Potekhin I.I. Zadachi bor'by s kosmopolitizmom v etnografii [The objectives of the struggle against cosmopolitanism in ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1949, no. 2, pp. 7-26.
- Reini F. Arkeologiiia amerikanskoi Arktiki [The archaeology of the American Arctic]. *Sovetskaia etnografiia*, 1958, no. 2, pp. 55-63.
- Reini F. Problemy amerikanskoi arkeologii [Issues in American Archaeology]. *Sovetskaia etnografiia*, 1957, no. 6, pp. 31-37.
- Sokolovskii S. Rossiiskaia antropologiiia: illiuziia blagopoluchiiia [Russian Anthropology: the Illusion of Well-being]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2009, no. 1 (63), pp. 45-64.
- Sokolovskii S.V. V tseitnote: zametki o sostoianii rossiiskoi antropologii [In the state of zeitnot: Notes on Russian anthropology]. *Laboratorium*, 2011, no. 2, pp. 70–89.
- Solovei T.D. «Korennoi perelom» v otechestvennoi etnografii (diskussiia o predmete etnologicheskoi nauki: konets 1920-kh – nachalo 1930-kh godov [A 'turning point' in Russian ethnography: Discussion on the subject of ethnology in the late 1920s and the early 1930s]. *Etnograficheskogo obozrenie*, 2001, no. 3, pp. 101-121.
- Staniukovich M.V. Neobychnaia biografiiia (Roi Frenklin Barton, 1883-1947) [Unusual Biography (Roy Franklin Barton, 1883-1947)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1979, no. 1, pp. 76-83.
- Tokarev S.A. Novye materialy po etnografii Avstralii [New materials on the ethnography of Australia]. In: *Sovetskaia etnografiia. Sbornik statei* [Soviet ethnography. A collection of papers]. Vol. VI-VII. Moscow, Leningrad: 1947, pp. 191.
- Tolstov S.P. Krizis burzhuaznoi etnografii [The crisis of bourgeois ethnography]. In: Potekhin I.I. (ed.) *Anglo-amerikanskaia etnografiia na sluzhbe imperializma* [Anglo-American ethnography in the service of imperialism]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.
- Tolstov S.P. Nekotorye problemy vseмирnoi istorii v svete dannykh sovremennoi istoricheskoi etnografii [Some issues of the world's history in the light of contemporary historical ethnography data]. *Voprosy istorii*, 1961, no. 11, pp. 107-118.
- Tolstov S.P. Osnovnye teoreticheskie problemy sovremennoi sovetskoï etnografii [Main theoretical issues of contemporary Soviet ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1960, no. 6, pp. 10-23.
- Tolstov S.P. Sovetskaia shkola v etnografii [The Soviet school in ethnography]. *Sovetskaia etnografiia*, 1947, no. 4, pp. 8-28.
- Tolstov S.P. Etnografiia i sovremennost' [Ethnography and the present]. *Sovetskaia etnografiia*, 1946, no. 1, pp. 3-11.
- Tumarkin D.D. Frederik Rouz (1915–1991). Zhizn' i trudy na fone epokhi [Frederick Rose (1915–1991). His life and Work against the Background of his Time]. *Vestnik antropologii*, 2015, no. 4 (32), pp. 179-200. Available at: http://static.iea.ras.ru/books/VA_4_32_sayt.pdf
- Arzyutov D.V. Reading Traces and Writing Indigenous Ethnohistories in the Russian North. *Histories of Anthropology Annual*, 2021, no. 15 (in print)
- Engerman D.C. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press, 2009.
- Gordon R.J. *The Enigma of Max Gluckman: The Ethnographic Life of a "Luckyman" in Africa*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2018.

- Gorer G. The Psychology of Great Russians. In: Mead M., Gorer G., Rickman J. *Russian Culture*. New York-Oxford, 2001, pp. 71-134.
- Kan, Sergei A., Arzyutov, Dmitry V. The Saga of the L.H. Morgan Archive or How an American Marxist Helped Make a Bourgeois Anthropologist the Cornerstone of Soviet Ethnography. In: Regna Darnell & Fredrick W Gleach (eds), *Local Knowledge, Global Stage*. Vol. 10, Histories of Anthropology Annual, University of Nebraska Press, Nebraska, 2016. P. 149–220.
- Krementsov N. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Kuznetsov I. Archie Phinney, A Soviet Ethnographer. *Ab Imperio*, 2020, no. 1, pp. 59-74.
- Laughlin W.S. Russian-American Bering Sea Relations: Research and Reciprocity. *American Anthropologist*, 1985, no. 4 (87), pp. 775-792.
- Leacock E. Being an Anthropologist. In: *From Labrador to Samoa: The Theory and Practice of Eleanor Burke Leacock* / Ed. by C.R. Sutton. Arlington: Association for Feminist Anthropology / American Anthropological Association, 1993, pp. 1–32.
- Leacock E.B. *The Montagnais "hunting territory" and the fur trade*. Menasha, Wis.: American Anthropological Association, 1954.
- Mandler P. One World, Many Cultures: Margaret Mead and the Limits to Cold War Anthropology. *History Workshop Journal*, 2009, no. 68, pp. 149-172. DOI:10.1093/hwj/dbp008.
- Mandler P. *Return from the Natives: How Margaret Mead Won the Second World War and Lost the Cold War*. New Haven-London: Yale University Press, 2013.
- Mead M. *Soviet Attitudes toward Authority*. New York: McGraw-Hill, 1951.
- Mead M. Anthropological Contributions to the Development of Rational Dietary Practices. In: *Trudy VIII MKAEN* [VIII MKAEN Proceedings]. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1970, pp. 147-153.
- Moore J.D. *Visions of Culture: an introduction to anthropological theories and theorists*. Lanham: AltaMira Press: 2009.
- Peace W.J. *Leslie A. White: Evolution and Revolution in Anthropology*. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2004.
- Peace W.J. Vere Gordon Childe and American Anthropology. *Journal of Anthropological Research*, 1988, no. 4 (44), pp. 417-433.
- Price D.H. *Threatening Anthropology. McCarthyism and the FBI's Surveillance of Activist Anthropologists*. Durham, NC: Duke University Press, 2004.
- Price D.H. *Anthropological Intelligence: The Deployment and Neglect of American Anthropology in the Second World War*. Durham and London: Duke University Press, 2008.
- Shimkin D., DeWitt N. Union of Soviet Socialist Republics. In: *International Directory of Anthropological Institutions*. Ed. by Thomas Jr., William S., Pikelis, Anna M. New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1953, pp. 253-266.
- Shimkin D.B., Sanjuan, P. Culture and World View: A Method of Analysis Applied to Rural Russia. *American Anthropologist*, 1953, no. 3 (55), pp. 329-348.
- Stocking, Jr. G.W. "Do Good, Young Man" Sol Tax and the World Mission of Liberal Democratic Anthropology. In: *Excluded Ancestors, Inventible Traditions: Essays Toward a More Inclusive History of Anthropology* / Ed. by Richard Handler. Madison: The University of Wisconsin Press, 2000.
- Tolstoy P. Morgan and Soviet Anthropological Thought. *American Anthropologist*, 1952, no. 1 (54), pp. 8-17.
- Vucinich A. Review of: Anglo-Amerikanskaia etnografiia na sluzhbe imperializma. Ed. by I.I. Potekhin. *American Anthropologist*, 1953, no. 55 (1), p. 110.
- Zhuk S. "Academic Détente": IREX Files, Academic Reports, and "American" Adventures of Soviet Americanists during the Brezhnev Era. *Cahiers du monde Russe*, 2013, no. 1-2 (54), pp. 1-32.

УДК 94:930.253"1950/1960"
DOI: 10.17223/2312461X/31/6

А.В. ЕФИМОВ И СОВЕТСКАЯ «ЭТНОАМЕРИКАНИСТИКА»: ОТТЕПЕЛЬ И ЗАМОРОЗКИ*

Роман Николаевич Игнатьев

Аннотация. Рассмотрено формирование концепции этнографического изучения Америки в СССР в 1950–1960-е гг. Ключевую роль здесь сыграли усилия московской части Института этнографии АН СССР по продвижению марксистско-ленинского подхода к анализу американских реалий. Цель статьи состоит в анализе архивной документации академического взаимодействия (протоколы заседаний Отдела Америки, стенограммы Ученого совета ИЭ АН СССР) в контексте общественных отношений того времени. Сделан вывод о том, что коллектив московских этнографов-американистов во главе с А.В. Ефимовым, отражая сложную систему ценностей и идеологических ограничений советского общества, проделал большую научно-организационную работу и обеспечил развитие отечественной этнографической американистики на десятилетия вперед. Модель «советской этноамериканистики», удачно использовавшая идеологемы для доступа к ресурсам «закрытого общества», не сумела преодолеть внутренние противоречия в условиях постепенного сворачивания холодной войны.

Ключевые слова: А.В. Ефимов, этнография, Америка, Институт этнографии, Академия наук СССР

Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше.

Дверь выбили. «Александр Иванович, Александр Иванович!» –
заревело несколько голосов.
Но никакого Александра Ивановича не было.

1967 год. СССР. Страна готовится встретить 50-летие Октябрьской революции. Самое время подвести итоги. Каждая отрасль и специалисты делают это. Не исключение советские «этноамериканисты»¹.

Забракованный проект

Олицетворение советской «этноамериканистики», т.е. этнографического исследования Америк с марксистско-ленинских позиций, выдающийся историк-американист и педагог, член-корреспондент АН СССР, заведующий (с 1956 г.) Сектором Америки Института этнографии АН СССР Алексей Владимирович Ефимов составляет справку, датированную 28 июля 1967 г., об основных проблемах и направлениях

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

работ по этноамериканистике за последние 50 лет. В ней отмечалось следующее:

«Изучение народов Америки до Октябрьской революции велось в крайне ограниченных масштабах. Изучались «уходящие в прошлое» народы – индейцы, эскимосы, алеуты. Материалы по Аляске и Калифорнии собирались служащими Российско-Американской компании (до 1867 г.), миссионерами, моряками, участниками кругосветных экспедиций. Собирались вещевые этнографические материалы по народам Северной Америки, Бразилии. Специалисты-этнографы давали работы в описательном плане – В.И. Йохельсон, Л.Я. Штернберг, В.Г. Тан-Богораз. Эти авторы разделяли народническое мировоззрение. В советский период изучение народов Америки коренным образом изменилось» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 34. Л. 1).

Как именно изменилось это изучение? Во-первых, силами ответственных этнографов-американистов подготовлены два тома «Народы Америки» (Народы Америки 1959):

«Основные вопросы томов “Народы Америки” – этногенез и этническая характеристика коренного населения Америки, но в то же время и новые этнические образования, нации обоих континентов Америки. При разработке новых для советской этнографии методологических проблем возникла необходимость специальных исследований об истории и современном положении американских наций, особенно учитывая важнейший новый фактор в истории Америки – социалистическую революцию 1959 г. на Кубе и начало формирования первой на Американском континенте социалистической нации» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–2).

Во-вторых, выросло количество публикаций по этнографии Америк, включая тексты на острые и актуальные темы:

«При наличии около полутора десятка научных сотрудников Сектор Америки мобилизовал для... работ свыше ста авторов не только в научных учреждениях СССР, но и в Латинской Америке – этнографов, в частности специалистов по культуре, географов, историков. При этом делались попытки теоретической разработки вопросов национального развития... Сектор Америки ведет работу по борьбе против расизма, изучая расовое угнетение в ряде стран и выступая против теоретических извращений в вопросах о расе как социальной категории» (Там же. Л. 4).

Далее в справке мы обнаруживаем перечисление осваиваемых тем согласно планам работы московской и ленинградской частей Сектора Америки: «творческие достижения индейских народов в области культуры»; борьба против «фальсификаций методологии этнографии и изучение прогрессивных течений среди американских этнографов»; сюжеты по

истории первобытного общества; археологические работы на Чукотке (Уэлен); история географических открытий в Сибири и Северной Америке; расшифровка письменности древних майя и публикация древних текстов; изучение американской коллекции МАЭ. «Основной задачей Сектора Америки в настоящее время является исследование этнических общностей и в частности наций в Америке» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 34. Л. 4–6).

В расширенном варианте этого документа констатировалось: «Теперь в СССР вырос отряд специалистов по истории, культуре, языкам, экономике стран американского континента. Этнографы-американисты в этом отряде составляют немалую часть» (Там же. Л. 19). При этом, благодаря работе, начатой в 1910-е гг. в Санкт-Петербурге,

«в результате были подготовлены специалисты по Южной Америке (Н.Г. Шпринцин) и по Северной Америке Е.Э. Бломквист, М.В. Степанова, С.А. Ратнер-Штернберг, Ю.П. Аверкиева, Э.В. Зиберт. В 1929 г. был произведен обмен студентами между СССР и США. Этнограф Ю.П. Аверкиева прошла аспирантскую [зачеркнуто «американистскую»] подготовку в Колумбийском университете под руководством Франца Боаса и собрала материал для исследования рабства у индейцев северо-западного побережья Северной Америки... Кадры этноамериканистов-этнографов, географов, историков, археологов, лингвистов подготовили МГУ, ЛГУ и Институт этнографии АН СССР. Среди них Ю.В. Кнорозов, Л.А. Файнберг, И.А. Золотаревская, И.Ф. Хорошаева, Р.В. Кинжалов, Д.А. Сергеев, И.К. Федорова, Р.Г. Ляпунова и др.» (Там же. Л. 19, 22).

Подчеркивалось, что «в настоящее время главным направлением в изучении этноамериканистики является проблема развития наций, национальные процессы» (Там же. Л. 22). Важным представлялось то, что «в работах сектора Америки стали принимать активное участие ученые смежных дисциплин – историки, географы, литературоведы. Кроме того, к участию в этих работах были привлечены многие видные латиноамериканские, в частности прогрессивные кубинские этнографы» (Там же. Л. 26). «Нельзя, однако, не отметить, что в плодотворной в целом работе советских этноамериканистов имеется один весьма тревожный минус, а именно: советские этнографы не подготовили себе замены. Этот недостаток следует в ближайшие годы устранить» (Там же. Л. 34).

В январе 1968 г. на банкете по случаю выхода в свет сборника статей американистов «От Аляски до Огненной Земли», посвященного А.В. Ефимову в связи с 70-летием со дня его рождения и 45-летием научно-педагогической деятельности (От Аляски 1967), юбиляр произнес следующую речь:

«Сборник от льдов Аляски, переступая через знойный экватор и до льдов Огненной Земли, мне особенно приятен не только потому, что им меня почтил большой коллектив ученых-американистов, в котором пред-

ставлены родственные науки: история, этнография, философия, лингвистика, история географических открытий. Меня весьма радует и то, что статьи сборника свидетельствуют о высоком уровне исследований в этих областях. Эти статьи боевые, направленные против буржуазных концепций – они боевые и потому, что вовлекают много нового ценного материала из источников... В качестве воинствующих американистов выступили Семен Александрович Гонионский, Эдгар Львович Нитобург...

Настоящий сборник как солнце в маленькой капле отражает большой подъем в гуманитарных науках к пятидесятилетию социалистического государства. Это результат политики партии, следующей бессмертным ленинским заветам. Моя здравица: за марксизм-ленинизм, творческий по природе, и творчески развивающийся у нас! За нашу Академию, за ее институты – этнографии, истории и другие. За дружбу марксистов-ленинцев-гуманитариев» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–2).

Прошел 1968 г. – год массового убийства в Сонгми и продолжения бомбардировок Вьетнама, убийства Мартина Лютера Kinga и Роберта Кеннеди, майских событий в Париже, Пражской весны, продолжения «культурной революции» в Китае. В воздухе повсюду разлита мобилизационная риторика. И в характеристике А.В. Ефимова, подписанной тогда директором Института этнографии Ю.В. Бромлеем, мы встречаем фразу: «за это время им подготовлен большой отряд ученых-американистов»² (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 122. Л. 35).

В документе 1969 г. под названием «Основные направления работы сектора Америки в 1964–1970 гг.» основная задача, стоящая перед сектором, сформулирована так: «изучение этнических обществ Америки от их возникновения до наших дней в целях лучшего понимания сложных современных национальных и расовых отношений в их тесном переплетении с отношениями классовыми». Важнейшими методологическими задачами представляется «изучение вопроса о заселении Америки, о хозяйстве и общественном строе Америки до появления в ней европейцев, в частности высоких культур ацтеков, майя, киче и инков, уделяя особое внимание письменности майя с использованием счетно-решающих устройств». Сектор планирует продолжить участие в археологической экспедиции на Чукотке, организовать лингвистическую экспедицию на о-в Итуруп, а также работу по изучению заселения Аляски русскими (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 1).

«В центре внимания сектора остается вопрос о нациях и этнографических группах в Америке» (Там же. Л. 2). «Коллективный труд “Индейцы Америки” в 5 томах, переходящий на 1970-й год, посвящен одной из величайших трагедий в истории человечества – гибели двух третей индейских народов и племен под влиянием колонизации и капитализма и о положении индейцев в капиталистических странах в наши дни (Там же. Л. 2).

В том же году составляется справка «Работа сектора народов Америки за последние десять лет (1959–1969)», в которой дается внуши-

тельный список осуществленных и планируемых публикаций, разделенных на группы: 1) монографии, в том числе коллективные; 2) публикация источников; 3) методологические работы; 4) историко-этнографические сборники; цикл работ против расизма (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 13–15).

И наконец, укажем в этом разделе последний документ, представленный в личном архиве ученого не полностью, на первом листе которого стоит пометка рукой Ефимова: «Проект забракован». Очевидно, этот проект относится к 1969 или 1970 г.:

«Сектор народов Америки изучает широкий круг вопросов, связанных с этнографией стран Америки. В тематике работ Сектора можно выделить три основных направления: 1) методологические проблемы этноамериканистики; 2) проблемы формирования и развития наций в странах Америки; 3) русские источники по этнографии стран Америки...

За последние десять лет Сектор подготовил большое количество работ, посвященных этим проблемам, часть из которых были переведены на иностранные языки и вышли в США и странах Латинской Америки. Работы Сектора систематически рецензируются в зарубежных научных журналах.

Сектор народов Америки – единственный в Советском Союзе центр этноамериканистики. Однако малочисленность сектора не позволяет вести работы достаточно широким фронтом, не позволяет проводить планомерные научные исследования по некоторым вопросам... привлечение авторов со стороны не всегда возможно.

Наличный состав сотрудников Сектора не может ввиду перегрузки полностью обеспечить выполнение предварительных наметок плана работ на 1971–1975 гг.; не говоря уже о необходимости расширения научно-исследовательских работ с тем, чтобы советская этноамериканистика занимала достойное место в мировой науке» (Там же. Л. 7–8).

Особо отмечается, что «необходимо усилить исследование проблем», входящих в указанные три направления: подготовить двухтомный труд «Современная этнография в странах Америки»; подготовить серию работ, посвященных современному населению Латинской Америки, США и Канады, каждый том которой был бы посвящен стране (Аргентина, Бразилия, Венесуэла и т.д.); «необходимо начать планомерное выявление и публикацию материалов из советских архивов по этнографии стран Америки», так как там находятся материалы, «являющиеся ценнейшим источником по этнографии» (Там же. Л. 8).

Далее рассуждения обрываются и мы не имеем возможности ознакомиться с практическими предложениями по реализации этих далекоидущих планов.

Прошел 1969 г., ознаменовавшийся в том числе военным конфликтом СССР и Китая, высадкой человека на Луну, рождением интернета. Прошел 1970 г. – год сделки века «газ–трубы», первого угона самолета

из СССР, вступления Сальвадора Альенде в должность президента Чили, запуска первого лунного самоходного аппарата.

А.В. Ефимов умер 11 ноября 1971 г. (А.В. Ефимов 1972). Куда он собирался вести свой «отряд»? И почему проект оказался забракован? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к истории формирования кадров и задач московской части Сектора Америки в Институте этнографии АН СССР.

Двадцатью годами ранее

Этнография Америки пользовалась особым вниманием директора Института этнографии АН СССР (с конца 1942 г.) С.П. Толстова, понимавшего логику разворачивающегося идеологического противостояния США и СССР. В первом выпуске «Кратких сообщений Института этнографии» (1946) наряду с блоком «Хроника», содержащим своеобразный «манифест» нового, московского, руководства, представлен автореферат доклада Ю.П. Аверкиевой «К вопросу о потлаче у индейцев северо-западной Америки», прочитанного в июне 1944 г. на заседании сектора Австралии, Океании и Америки, а раздел «Критика и библиография» состоит исключительно из сообщений о вышедших в США книгах этнографической тематики (Краткие сообщения... 1946).

Одной из важнейших целей, стоявших после войны перед Институтом этнографии под руководством С.П. Толстова, было издание в сжатые сроки серии «Народы мира». Сектор Австралии, Океании и Америки в двух своих ипостасях – ленинградской и московской, – занят во главе с С.А. Токаревым работой как над томом «Австралия и Океания», так и над томом «Америка».

Еще в конце 1930-х гг. в ленинградском Институте этнографии готовился к печати коллективный сборник «Очерки по этнографии народов зарубежных стран» (в 4 т. под ред. Д.А. Ольдерогге) (Корсун 2019: 347). В марте 1949 г. на заседании московской части сектора принимается предложенный С.А. Токаревым и Г.Ф. Дебецем новый план тома «Америка» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 272. Л. 2). В апреле Толстов признает, что сектор проделал большую работу над новой структурой тома, но видит большую опасность «со сроками выполнения статей к этому тому» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 220. Л. 107). В сентябре на заседании Ученого совета М.Г. Левин отмечает: «Том “Америка” не закончен и потребует еще огромных сил, в том числе антропологов» (Там же. Л. 118).

Несмотря на это, в отчете сектора за 1949 г. сдача тома «Народы Америки» намечена на первое полугодие 1950 г. В тот момент авторами его разделов с разной степенью готовности выступали С.А. Токарев (народы Мексики, калифорнийцы, участие в коллективной статье о народах Центрально-американских республик), Э.В. Зиберт (огнезе-

мельцы, арауканы, чилийцы), Н.Г. Шпринцин (история конкисты Центральной и Южной Америки, народы Парагвая, лесные охотники и земледельцы, первобытные собиратели и охотники, лингвистическая классификация туземных племен Америки), Е.Э. Бломквист (колонизация Северной Америки, ирокезы, население Канады, лесные и охотничьи племена, канадские эскимосы, современное положение эскимосов (сведений нет)), Б.А. Липшиц (эскимосы, кадьякцы, кенайцы, современное население Аляски и Алеутских островов, Аляска и Алеутские острова под властью России), И.А. Золотаревская (современное положение индейцев в США, племена юго-восточной части Северной Америки, племена юго-западной части Северной Америки, современное население США) (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 271. Л. 1–2).

Окончился 1949 г. – год вступления Гарри Трумэна в должность президента США на новый срок, начала Ленинградского дела, подписания Североатлантического договора, образования КНР и ГДР, 70-летия И.В. Сталина.

Том был представлен в срок (к 1 июля 1950 г.), но в связи с замечаниями рецензентов подвергся дополнительному редактированию. Задача тома формулируется так: «дать полное историко-этнографическое описание и характеристику народов Северной и Южной Америки в прошлом и настоящем» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 336. Л. 2). В сентябре 1950 г. проходит заседание сектора, посвященное состоянию редакционной работы над томом «Народы Америки» с участием внешних редакторов из МГИМО: Л.И. Зубока (Козенко 2000) и С.А. Гонионского (С.А. Гонионский 1975). Как отмечает Зубок, «наша задача – внести исправления и дополнения политического и фактического характера» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 337. Л. 16).

К концу 1950 г. была принята необходимость «политического введения» к тому. «В вводной статье необходимо поставить вопрос о критике современной американской этнографической литературы», – высказывается С.А. Токарев (Там же. Л. 21). Влиятельный заместитель директора Института этнографии И.И. Потехин (Давидсон 2003) видит важной задачей здесь «разоблачение реакционной сущности буржуазной американской этнографии» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 337. Л. 22). Не менее важным этнографам кажется внесение, согласно замечанию С.П. Толстова, в соответствующие главы исправления в духе лингвистических работ И.В. Сталина – был устранен «марризм» (Там же. Л. 22–23). Заодно был изъят термин «туземцы», так как, по мнению Потехина, «недопустимо в этнографическом труде употреблять этот термин, в который колонизаторы вкладывают определенный смысл. Мы пишем о народах, которые имеют свое название» (Там же. Л. 25).

Прошел 1950 год – когда предложен тест Тьюринга, начался маккартизм, СССР заявил об имеющейся атомной бомбе, состоялась «резня на высоте 303» в Корее, а в США принят закон Маккарена-Вуда.

Неизбежная при этом «мобилизация» советской этнографии делает американистику острием копья, нацеленного советской наукой на науку буржуазную – «служанку» американского империализма. Программные статьи С.П. Толстова («Кризис буржуазной этнографии») и И.И. Потехина («Космополитизм в американской этнографии»)³ были больше, чем тексты, как и в свое время печально известная коллективная статья «О методах вредительства в археологии и этнографии» (1937). Взлет подобных идей в самой крайней их форме прервался, и в мае 1954 г. перед ленинградско-московскими этнографами-американистами снова возникает вопрос: какими предстанут «Народы Америки», какой будет их структура?

Ниже представлен диалог коллег на заседаниях сектора.

Н.А. Бутинов:

«При обсуждении статей тома в Ленинграде было внесено предложение разработать новую структуру тома, разделив его на 3 части: 1) народы Америки до колонизации, 2) история завоевания, колонизации, 3) формирование наций, современное население. Специалисты по Латинской Америке не согласны с новой структурой... новая структура не меняет существа» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 628. Л. 8).

Л. И. Зубок:

«Идея нового плана правильна» (Там же. Л. 9).

И.И. Потехин:

«В прежнем варианте не было историзма. В новом плане историзм выдержан полностью» (Там же. Л. 11).

С.А. Токарев:

«Недостатки нового плана – опасность повторений и трудность в разграничении материала... Нельзя делить народ на 3 части. Народ надо давать целиком. Не нужно перешагивать неизбежных пределов» (Там же. Л. 13).

С.А. Токарев:

«Вы говорите, Иван Зосимович, что существуют 3 этапа истории. Но как найти рубежи, они очень расплывчаты, их не установишь. История колонизации – одна. А мы ее делим» (Там же. Л. 13–14).

При обсуждении статьи «Белое население США» (И.А. Золотаревская) состоялась дискуссия:

Н.А. Бутинов:

«В статье слишком подчеркиваются моменты отрицательного характера, много говорится о реакционных настроениях. Нужно учитывать, что американский народ не одно и то же, что правительство США... Автор взял американский народ на определенный момент – насилие реакции. Нужно взять Америку прогрессивную, старых демократических традиций» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 628. Л. 16–17).

И.И. Потехин:

«Автор не забыл ленинского указания и показывает демократическую струю в американской нации... Нельзя обходить славные традиции американского народа – борьбы за независимость, рабочего движения, культуры. Отвратительные нравы, насаждаемые политической верхушкой и растленной частью буржуазной интеллигенции, получили широкое распространение» (Там же. Л. 21).

С.А. Токарев:

«Удовлетворяет ход и стиль обсуждения. Основной вопрос, в какой мере правильно удалось уловить специфику американской культуры. Как надо описывать культуру? Особенно когда народ недоступен нашему непосредственному наблюдению. Американский народ насчитывает 150 000 000 чел. В его культуре насчитываются и прогрессивные, и реакционные элементы. Их надо умело препарировать... Элементы реакционные не так уж подавляют в статье элементы прогрессивные. Вообще вопрос очень сложен. На золотой середине, на правильной линии удержаться очень трудно» (Там же. Л. 23).

Ю.А. Зубрицкий:

«Меня удивляет защита положительных сторон американского быта. Найти пропорцию между прогрессивным и реакционным не так уж важно. Важно найти истоки американской реакционности. Прогрессивные традиции сейчас, возможно, уже исчезли под атакой реакционных сил. К этому привели социально-экономические условия империализма» (Там же. Л. 24).

Прошел 1954 г. – год сражения при Дьенбьенфу, утверждения стронизма в Парагвае, попадания фрагмента метеорита Силакога в Энн Элизабет Ходжес в Алабаме, возвращения Ю.П. Аверкиевой в Институт этнографии АН СССР из ссылки.

В январе 1955 г. на заседании сектора в Ленинграде состоялось следующее обсуждение.

И.И. Потехин:

«С.П. Толстов решил сократить срок сдачи тома на полгода – сдать в июле 1956 г. Том “Народы Америки” нужно как можно раньше. Считаю, что решение это правильное. Нам надо обсудить, как можно выполнить это решение. В первом варианте том готов, но он насчитывает

100 п.л. текста + иллюстрации. Должно быть 60... Прошло много времени с тех пор, как писались эти статьи, – требуется освежить материал... Мы тогда решили разделить на 3 части: “доколумбова” Америка, колонизация, современность. Я предлагаю разбить как бы на 2 полутома» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 745. Л. 3).

Е.Э. Бломквист:

«...должна сказать, что статьи по Северной Америке меня никогда не удовлетворяли. Все эти статьи – первоначальный вариант, основной материал, на основании которого должны быть написаны новые статьи» (Там же. Л. 4).

Ю.В. Кнорозов:

«Я не берусь исправлять старые статьи, ибо имею совершенно иную точку зрения на ряд вопросов. Статьи писались очень давно и устарели, я считаю, их надо писать заново. Что касается индейцев майя, то мне это сделать несложно» (Там же. Л. 5).

Потехин положительно оценил предложение И.А. Золотаревской поручить статью по «Индейцам прерий» «старому автору Ю.П. Аверкиевой», к тому времени снова ставшей сотрудницей Института этнографии⁴ (Там же. Л. 6). А вот «по Центральной Америке – придется дать статьи специалистам вне Института», – считал он. Как и то, что «будем искать для “Колумбии” автора... Будем искать автора по национально-освободительному движению в Северной и Латинской Америке на стороне» (Там же. Л. 7).

Переработкой отдельных глав «Народов Америки» в связи с новой структурой тома занимались весь 1955 г.: Ю.П. Аверкиева – «Современное население Канады»; Э.В. Зиберт – «Население Чили», «Огнеземельцы», «Арауканы»; Б.И. Шаревская – «Современные народы Колумбии», «Древние народности народов Анд», «Современные народы Перу, Боливии и Эквадора»; И.А. Золотаревская – «Юго-восточные племена Северной Америки», частично «О современном населении США» и т.д. (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 744. Л. 2).

Определенной вехой здесь стал выход сборника «Индейцы Америки» (Индейцы Америки 1955), который, безусловно, следовало обсудить в связи с подготавливаемыми «Народами Америки», что и было сделано в мае 1955 г. в Москве.

Ю.А. Зубрицкий (упомянув С.А. Гонионского):

«Я спрашивал мнение товарищей практиков о “Сборнике”. Один из них был в Колумбии в качестве пресс-атташе. Его мнение – большая диспропорция материалов по племенам Северной и Южной Америки» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 745. Л. 18).

Б.И. Шаревская:

«Вышедший сборник имеет некоторые недочеты, но в целом положительные стороны преобладают. Непонятно, почему, как пишет Э.В. Зиберт, он в Ленинграде «служит притчей во языцех» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 745. Л. 20).

И.И. Потехин:

«Относительно уровня – Ленинградские товарищи считают, что “Сборник” не наука, а в томе должна быть наука. Но тома “Народы мира” – научно-популярная серия. Считаю, что статьи сборника могут быть взяты за основу.

Призываю товарищей заняться больше современным положением, которое представлено плохо, поверхностно. Необходимо подбирать литературу о современном положении – в художественной литературе, в журналах, газетах и пр. Нужно организовать консультации с приезжающими из других стран товарищами.

В томе “Народы мира” мы должны сосредоточиться на этнической истории, осветить этнические изменения.

Вопрос о нации – необходимо иметь в виду: 1. В книге не должно быть ничего оскорбляющего народы; 2. Национальное самосознание в Латинской и Центральной Америке невероятно выросло, оно обгоняет сложение других признаков нации, нужно описывать нации, но обязательно ставить точки над “и”, обязательно писать категорически, сложилась или не сложилась та или иная нация. Наши предположения о том, что нация еще не сложилась, могут в политической борьбе сослужить плохую службу местным народам» (Там же. Л. 20–21).

А в начале июня 1955 г. на совещании в Ленинграде Е.Э. Бломквист изложила историю создания сборника:

«Многие статьи были написаны до войны для двухтомника “Очерки по истории первобытнообщинного строя”. Затем работа была законсервирована. После войны, когда оживилась работа по написанию томов серии “Народы мира”, статьи для сборника использовались для тома «Народы Америки». В 1953 г. решено было сделать выборку из статей тома и выпустить сборник “Индейцы Америки” в серии “Труды Института этнографии”. От участия в редакции этого сборника, в оформлении и т.п. мы, Ленинградская часть, были устранены.

От других номеров этой серии сборник «Индейцы Америки» резко отличается. Это не “Труды Института Этнографии” в научном плане, а научно-популярное издание» (Там же. Л. 24–25).

Н.А. Бутинов, считая выпуск сборника «отрадным явлением», считал нужным указать «на недостатки сборника с тем, чтобы авторы могли их учесть при издании тома “Народы Америки”»: не вполне учтена русская литература (но есть Майн Рид, Фенимор Купер), не представлено

хозяйство в целом, требуется этнографическая карта доколумбовой Америки, нет антропологических данных об индейцах, «нечеткость, неисторичность» без периодизации, «отсутствие этнографической проблематики» (заселение, мана, аренда и пр.), «нет полемики с современной буржуазной этнографией» и нет библиографии. Однако «это первый труд с марксистских позиций об индейцах Америки... Только здесь в нашей литературе дается очерк современного положения индейцев Америки... Здесь дается очерк истории колонизации индейцев Америки (впервые на русском языке)... Дается лингвистическая классификация (хотя и неудачно)» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 745. Л. 26–28).

Со своей стороны, М.К. Кудрявцев подчеркнул, что «сборник об индейцах Америки необходимо было выпустить, ибо в нашей литературе до сих пор ничего подобного не было издано» (Там же. Л. 28).

Е.Э. Бломквист подвела итог:

«Главные обвинения должны быть отнесены не к авторам, а к редакторам. Они совершенно безответственно и легкомысленно отнеслись к материалу, представленному авторами. Этот сборник – наш первый опыт. Научит ли он чему-нибудь? Нам предстоит выпустить том. Том охватит больше народов и вопросов, но подробнее не будет, так как листаж ограничен» (Там же. Л. 31).

Кончился 1955 г. – год Бандунгской конференции, смерти Эйнштейна, образования Организации Варшавского договора, создания космодрома Байконур, открытия Диснейленда, бегства президента Хуана Перона из Аргентины, публикации «Лолиты» и «Властелина колец». Прошел 1956 г., когда состоялся XX съезд КПСС, визит Тито в Москву, Венгерское восстание, Суэцкий кризис, высадка Фиделя Кастро и его соратников с яхты «Гранма» на землю Кубы.

1 марта 1956 г. из сектора методики истории и Конституции СССР Научно-исследовательского Института методов обучения Академии педагогических наук СССР в сектор Америки, Австралии, Океании Института этнографии АН СССР зачисляется член-корреспондент АН СССР и АПН СССР А.В. Ефимов (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 122. Л. 29)⁵. Это начало его руководства сектором. Разумеется, московские этнографы-американисты снова собираются, чтобы обсудить «Народы Америки» – в феврале 1957 г.

А.В. Ефимов:

«1. Каждую главу надо начинать с описания политического строя, краткой характеристики исторических сведений. 2. Избегать подробностей, деталей при описании орудий труда и т.д. Надо дать так, чтобы была ясна жизнь народа. Надо бороться против стандарта. В главах о современных народах надо давать разделы: город, деревню, быт, а не описания домов, одежды. Необходимо найти людей, которые были в этих странах, связаться с журналистами. Не нужно так много справочного материала» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 933. Л. 15).

И.И. Потехин:

«Не читал статей в новых вариантах. Сейчас просмотрел статьи. У меня серьезные опасения как читатель примет книгу. Мы всегда должны думать о читателе. Нашу книгу будут читать не только этнографы, да и рассчитана книга на учителя истории, географии, докладчиков, студентов, на нашу интеллигенцию, следовательно, на массового читателя. Книга должна их заинтересовать. Мы должны дать читателю определенную сумму последних сведений, которые должны вызвать у него симпатии к народу, ненависть к их угнетателям. Подходя с этой точки зрения к книге, у меня сразу сомнения. Автор увлекается деталями, желанием всунуть все, что он знает о народе в эту главу. Это же не энциклопедия, а книга определенного назначения. Нужно дать то, что в основном характеризует народ... Мы пишем о современных народах, это не том “Народы Австралии и Океании”. Здесь у нас другое дело, здесь мы идем иначе. Книга – не описание древней культуры индейцев. Соотношение между новым и старым должно быть иначе. Мы должны преследовать этой книгой – задачу разоблачения агрессивного американского империализма как главного душителя народов. Поддача материала должна быть дана так, чтобы читатель видел, что Южная Америка – невидимая империя США. Сейчас главный враг мира и социализма американский империализм. Надо это научно показать в книге» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 933. Л. 16–17).

С.А. Токарев:

«В июне нам сдавать том, а мы говорим о том, как надо писать... Наша задача вызвать симпатии к угнетенным народам, это правда, но не все. Научная книга должна вызвать у читателя не только симпатию, но и большой познавательный материал. Надо и справочный материал, потому что мы очень мало выпускаем книг.

Популярность должна быть в изложении, но не снижении научного уровня. Мы должны показать лицо нашей науки, показать, что она выше американской. В том “Народы Америки” надо дать больше материала по современному положению, но надо дать и прошлое, все в соответствующих пропорциях» (Там же. Л. 17–18).

И.И. Потехин:

«Часто задаюсь вопросом: чем будет отличаться наш том от американских изданий по индейцам, ведь фактических материалов у нас нет. Новое – иная политическая трактовка. Но не это привлечет американского читателя-интеллигента. Его привлечет группа новых проблем, которая перед ним никогда не вставала: проблема национального развития, иная постановка проблем культурного наследия и т.д. Во введении к книге надо будет сформулировать – что нового мы вносим в американистику.

В том “Народы Америки” надо подчеркнуть, показать индейскую доколониаторскую культуру так, чтобы она заблестела. Мы собираемся ставить вопрос о национальной автономии для некоторых индейских народов Латинской Америки» (Там же. Л. 23).

Прошел 1957 год – Джон Леннон познакомился с Полом Маккартни, произошла Кыштымская авария, спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин».

В 1958 г. в работе над «Народами Америки» в Москве заняты Ефимов, Золотаревская, Петрова-Аверкиева, Хорошаева, Файнберг, Новицкая. Полугом «Северная Америка» подписан к печати, полугом «Южная Америка» будет сдан в производство в декабре (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1030. Л. 1).

С.А. Токарев критикует рукопись: «В томе нет постановки этнографических проблем. Америка была и остается трамплином для этнографических проблем. Нужно осветить проблему связи Старого и Нового света» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 26). При этом он не отступает от отмеченного им еще в 1953 г.: «Том “Народы Америки” популярная работа» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 559. Л. 10).

Перебивают эти возражения политические формулировки: в 1958 г.: «Народы Америки» – «первая обобщающая марксистская работа о народах Америки в прошлом и в настоящее время» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 2); в 1959 г.: «Настоящий том является первой в мировой литературе попыткой дать сводную, обобщающую марксистскую работу о народах Центральной и Южной Америки» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 1), это «первая в мировой литературе попытка дать сводный, обобщающий труд о народах Америки. В зарубежной литературе можно найти справочники и монографии о народах Америки, но издания, аналогичного данному, не имеется. Мы получили предварительные весьма положительные отклики о значении труда “Народы Америки” от прогрессивных историков, видных деятелей компартии Канады и США» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 6).

Советская «этноамериканистика» обрела законченную форму:

«Важнейшим итогом исследований советских ученых по американистике являются два тома «Народы Америки», опубликованные Институтом в 1958 г., в которых дается характеристика традиционной культуры коренного населения Америки, история колонизации. В томах впервые сделана попытка показать быт современных народов Америки (североамериканцев, канадцев, мексиканцев и т.д.)» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 12).

В 1959 г. заочный аспирант сектора Ю.А. Зубрицкий (Ю.А. Зубрицкий 2007), участвовавший в работе советской выставки в Мехико, наносит визит в Мексиканский институт антропологии и истории:

«Я передал им от имени дирекции второй том «Народов Америки» и через два дня получил письмо, в котором они слезно умоляли прислать все тома этой серии, чтобы познакомиться с теми исследованиями, которые ведутся в Советском Союзе по истории культуры всех народов мира» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1190. Л. 9).

На выставке не было представлено материалов по общественным наукам.

Ю.А. Зубрицкий:

«Я имел разговор с директором выставки, и он странно объяснил это так: поскольку Мексика и Куба стремятся вперед, то нечего касаться истории... Я воспользовался наличием у меня второго тома “Народов Америки” и выставил его в разделе культуры. Он был раскрыт на той странице, где помещен портрет Сапаты. И я видел однажды, как старик подошел, стоит и плачет, глядя на этот том. Оказалось, что он участник движения Сапаты, и он говорит: в одной корриде поется, что Сапата вернется. “И вот он вернулся”, – добавил он, – “с вашей выставкой”» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1190. Л. 27).

Кончился 1959 г. – год, когда Аляска стала 49-м штатом США, СССР признал революционное правительство Кубы, утвержден новый Устав Академии наук СССР, содержащий положение о том, что Академия «активно участвует в построении коммунистического общества в СССР, помогает делу защиты социалистических завоеваний трудящихся», а в Москве, в Сокольниках, прошла первая Американская промышленная выставка, которую открыли лидер СССР Н.С. Хрущев и вице-президент США Р. Никсон.

Вопрос о переиздании «Народов Америки» встал в октябре 1962 г. Среди причин А.В. Ефимов указывал: 1) издание разошлось, а потребность весьма большая; 2) «за истекший период сектором разработан ряд новых вопросов, собран новый материал»; 3) «за истекший период вышел ряд новых работ, особенно по Латинской Америке, и кроме того, произошли значительные события, которые нужно отразить в новом издании (в частности в Кубе, Бразилии, Венесуэле)»; 4) «при значительном авторском коллективе возможно в течение полугодия завершить авторскую переработку текста, а во второй половине года провести редакционную работу, обсуждение, пересмотр иллюстративного материала, карт, библиографии, индексов»; 5) «в новом издании необходимо расширить раздел современности»; 6) «переиздать тома с увеличением объема на 10–15%» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 184. Л. 47).

Однако уже в январе 1963 г. Ефимов признал: «Мне представляется, что в этом году переиздавать том “Народы Америки” не стоит. В условиях подготовки к конгрессу [VII МКАЭН] это было бы очень трудно». Л.А. Файнберг был согласен: «Предложение о переносе переиздания “Народы Америки” совершенно разумно» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 284. Л. 1).

Итак, нам более или менее ясна история создания и «идеологического триумфа» «Народов Америки» – отправной точки советской «этноамериканистики». Обратим свое внимание на структурную единицу Института этнографии АН СССР, сделавшую это возможным.

Сектор Америки[, Австралии и Океании]: определение курса

В первое послевоенное десятилетие сектор, объединивший специалистов по Америке, Австралии и Океании в Москве и Ленинграде, был немногочисленным. В 1950–1951 г. он насчитывал 7 человек: (заведующий С.А. Токарев, Н.А. Бутинов, Е.Э. Бломквист, Э.В. Зиберт, И.А. Золотаревская, Б.А. Липшиц, Ю.М. Лихтенберг) (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 336. Л. 1; Д. 427. Л. 1); в 1952 г. – 6 (сектор покидает Липшиц) (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 497. Л. 1); в 1953–1954 гг. – 8 (в сектор приходит Р.Г. Ляпунова) (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 558. Л. 1; Д. 627. Л. 1). Расширение состава мы видим в 1955 г.: в секторе 13 человек (С.А. Токарев, Ю.В. Кнорозов, Н.А. Бутинов, Е.Э. Бломквист, Ю.П. Аверкиева, Б.И. Шаревская, И.А. Золотаревская, Ю.М. Лихтенберг, Э.В. Зиберт, И.Ф. Хорошаева, А.П. Новицкая, Р.Г. Ляпунова, Л.Г. Розина), из них в Москве 6, а в Ленинграде 7 (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 744. Л. 1).

В отношении подготовки этнографов-американистов С.А. Токарев, очевидно, придерживался соблюдения паритета Северная Америка – Латинская Америка. Окончившая в 1945 г. кафедру этнографии МГУ И.А. Золотаревская была принята в аспирантуру Института этнографии по специальности «этнография народов Северной Америки», в 1948 г. была зачислена в штат (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 103. Л. 8), а в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «История конфедерации криков»⁶. И.Ф. Хорошаева⁷, также после кафедры этнографии МГУ, в 1952 г. поступила в аспирантуру Института, специализируясь на этнографии народов Центральной Америки, с конца 1955 г. находилась в штате (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. б/н X. Л. 238), защитившись в 1961 г. на тему «Современное индейское население Мексики» (Там же. Л. 224). Сочетавший интерес как к Северной, так и Южной Америке выпускник кафедры этнографии МГУ Л.А. Файнберг (Л.А. Файнберг 1993) стал аспирантом Института в 1953 г., сотрудником Института в 1956 г., а защита его кандидатской диссертации «Общественный строй индейцев бассейна Амазонки» состоялась в 1958 г. (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 325. Л. 175 об.).

С появления А.В. Ефимова наблюдается тенденция роста числа сотрудников. В 1957 г. в сектор приходит в качестве референта Ефимова и сотрудника, ведущего самостоятельную научную работу, Ш.А. Богина (Список 1992), которая защищает кандидатскую диссертацию «Имиграция в США в эпоху гражданской войны» в 1963 г.

Если в 1959 г. в секторе занимается Америкой 11 человек (А.В. Ефимов, Ю.В. Кнорозов, Ю.П. Аверкиева, И.А. Золотаревская, Р.В. Кинжалов, Л.А. Файнберг, И.Ф. Хорошаева, Д.А. Сергеев, Э.В. Зиберт, Ю.А. Зубрицкий, Р.Г. Ляпунова) с привлечением Г.Ф. Дебеца, М.Г. Левина, С.А. Токарева, Б.И. Шаревской (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 12), то в 1969 г. – 18, из них 11 в Москве: А.В. Ефи-

мов, Ю.П. Аверкиева, И.Р. Григулевич, С.А. Гонионский, Э.Л. Нитобург, Ш.А. Богина, С.Г. Федорова, И.Ф. Хорошаева, Л.А. Шур, Л.Н. Фурсова и Л.С. Шейнбаум, и 7 в Ленинграде: Ю.В. Кнорозов, А.Д. Дридзо, Р.В. Кинжалов, И.К. Федорова, Э.В. Зиберт, Р.Г. Ляпунова, Г.И. Дзенискевич (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 15).

Это стало результатом планомерной работы и укрепления престижа американских исследований. А.В. Ефимов и его коллеги занимаются энергичным продвижением интересов сектора в получении новых мест. Так, в 1958 г. сектор просит дирекцию о предоставлении 2 вакансий в аспирантуру для лингвистов по индейским языкам под научным руководством Ю.В. Кнорозова (в Ленинграде) и 2 вакансий в аспирантуру в Москве со специализацией по современным американским нациям (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 36–37). В 1959 г. «сектор считает, что необходимо расширение штата сектора для работы по Латинской Америке – на 3 единицы (в Москве)» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 6). В 1963 и 1964 гг. просьба сектора касается 4 новых ставок, а также создания аспирантской группы, в которую были бы приняты 4 аспиранта по этнографии Латинской Америки и 2 аспиранта по Северной Америке (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 283. Л. 12) с последующей коррекцией: нужно 6 новых ставок и 2 места в аспирантуре по этнографии Латинской Америки (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 394. Л. 9). Все потому, что «в настоящее время личный состав сектора этнографии народов Америки несоразмерен объему и характеру предстоящих работ» (Там же).

В 1958 г. в связи с обсуждением возможности экспедиции сектора в Океанию С.А. Токарев подчеркивал: «...нужно решить вопрос о кадрах. Специалистов готовит кафедра этнографии МГУ, но сотрудники кафедры не знают – каких специалистов выпускать». А.В. Ефимов согласен с ним: «Нужно подготовить кадры по Австралии и Океании, Америке. Вопрос о кадрах надо поставить на Дирекции» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 49). Но только в 1963 г. И.Р. Григулевич поднимает вопрос о подготовке кадров американистов на кафедре этнографии МГУ, и на заседание сектора приглашают заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ С.А. Токарева (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 284. Л. 42).

На этом заседании Токарев обрисовывает ситуацию: студенты получают представление об Америке с 1-го курса. В рамках курса «этнография зарубежных стран» слушают этнографию Америки. На 3-м курсе специально слушают этнографию Америки. Проводится языковая подготовка, (физико-)антропологическая осуществляется недостаточно. Спецкурса по Латинской Америке не читают.

С.А. Токарев:

«Неблагополучие подготовки заключается в плохом распределении. Это не значит, что кадры этнографов не нужны в стране. Наоборот. Эт-

нографов слишком мало, а потребность в них велика. При кафедре готовится много аспирантов, но все это – случайные люди, часто иностранцы» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 284. Л. 43–44).

И.Р. Григулевич:

«Сейчас чувствуется очень большая нехватка специалистов по Латинской Америке. Такая проблема возникла в отношении специалистов по Кубе. По всей вероятности, надо ориентироваться на злободневные темы при подготовке специалистов. Нужно нам самим проявить инициативу, может написать в ЦК, идти к начальникам кадров соответствующих министерств» (Там же. Л. 44–45).

Можно не сомневаться в том, что заявленные шаги делались и привели к положительным результатам.

С именем А.В. Ефимова связана инициатива выделения Сектора Америки в структуре Института этнографии (завершено к 1963 г.), прозвучавшая в декабре 1958 г.:

«Сейчас сектор включает занимающихся Америкой, Австралией и Океанией. Соединение Австралии, Океании и Америки – искусственное. Общее у народов Австралии, Океании с Индонезией, Юго-Восточной Азией. Необходимо разделить сектор на два сектора. Есть два варианта – выделение отдельного сектора Австралии и Океании и второе – присоединение Австралии и Океании к сектору Юго-Восточной Азии под руководством Н.Н. Чебоксарова» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 46).

Инициатива была поддержана ленинградцами (Ю.В. Кнорозов, Н.А. Бутинов) (Там же. Л. 47).

Путь к определению миссии Сектора Америки был непростым. В апреле 1950 г. при обсуждении пятилетнего плана работы сектора Австралии, Океании, Америки на 1951–1955 гг. С.А. Токарев сообщал: «На дирекции были предложены два основных стержня работ сектора: 1) по вопросу консолидации народов колоний, 2) участие в обработке и научной публикации коллекций МАЭ» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 337. Л. 1).

Требовались публикации на заданные темы, и одной из них оказался уже упомянутый сборник «Индейцы Америки» (1955). В 1952 г. на заседании сектора Америки, Австралии и Океании в Ленинграде, посвященном обсуждению плана сборника, И.А. Золотаревская подчеркивает: «Сборник должен показать гнусную роль империализма в судьбе индейцев. Надо выбрать наиболее яркие группы. Важно отметить истребление калифорнийцев во время “золотой горячки”» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 498. Л. 9).

В 1954 г. коллективный план работы сектора выглядит так: «могут быть три группы проблем: 1) вопросы этнического состава и нацио-

нальной консолидации, 2) проблемы первобытнообщинного строя, 3) вопросы этногенеза зарубежных народов» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 628. Л. 46). Ю.П. Аверкиева предлагает: «Необходимо поставить вопрос о написании монографий. Необходимо напечатать монографию “Крики” [И.А. Золотаревской]. Необходимо перевести монографию Краузе “Индейцы-глинкиты”. Нужно заслушать план работы Бломквист “Глинкиты”» (Там же). Мнение Токарева: «Согласен, монографии писать необходимо. К работе Бломквист «Глинкиты» нужно отнестись бережно... На переиздание книг сил у нас мало. Необходимо подумать и об издании “Криков” И.А. Золотаревской» (Там же. Л. 47). При обсуждении плана И.Ф. Хорошаевой сектор выступает за сокращение широкой темы («Вопрос консолидации народов Мексики на этнографическом материале») (Хорошаева 1960). По мнению Токарева, «работы широкого масштаба чаще всего сводятся к компиляции, а не исследованию. Работа должна быть исследованием, а не компиляцией» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 628. Л. 47).

В отчете сектора за 1955 г. фиксировалось, что

«в 1951–1955 гг. помимо работы над томами [“Народы Австралии и Океании” и “Народы Америки”]... (переработка структуры томов и в связи с этим переработка отдельных глав, дополнение новыми материалами, редактирование, составление приложения, работа с издательством) сектор занимался проблемами: 1) Особенности формирования национальностей в условиях капиталистических, колониальных и зависимых стран Америки, Австралии и Океании [Б.И. Шаревская с темой «Формирование наций у народов Андских стран»]... 2) Проблема первобытнообщинного строя [Ю.П. Аверкиева о потлаче]... 3) Проблема этнографического изучения современных наций (американцев, канадцев, латино-американских наций...), критика современной зарубежной этнографии [И.А. Золотаревская, Ю.П. Аверкиева]» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 744. Л. 7–9).

И сообщалось о «помехах в работе»:

«1) слишком большая занятость организационно-научной работой, 2) Не хватает зарубежной литературы... 3) отсутствие возможности полевой работы, 4) недостаточно дискуссий, причина – как недостаток времени, так и недостаток смелости у научных работников в постановке вопросов, 5) недостаточная связь между ленинградскими и московскими учеными» (Там же. Л. 11).

Декабрьское предложение 1958 г. А.В. Ефимова сделать самостоятельным Сектор Америки имело колоссальное значение, заставив коллег начать движение к переосмыслению ответственности и перспектив развития советской этнографической американистики. Ю.П. Аверкиева выступает бескомпромиссно:

«В отношении разделения – согласна... Остро надо поставить вопрос о положении сектора Америки. Надо четко распределить обязанности сотрудников, распределить время на работу в музее и на работу по отделу. Сейчас мы не знаем, кто отвечает за музейную работу, за составление описей, за библиографию, за выставки по библиографии» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 50).

Н.А. Бутинов мягко возражает:

«У меня нет впечатления, что в секторе Америки анархия. Недостатки же в работе есть. Чтобы исправить недостатки – нужно взять ряд обязанностей Ю.В. Кнорозову. Дело другое – нам надо укрепить сектор, у нас нет специалистов по Северной и Южной Америке. По-моему, работа в секторе Америки идет хорошо» (Там же. Л. 50–51).

Со своей стороны, Ю.В. Кнорозов признает: в Ленинграде «Северной Америкой фактически никто не занимается. Это положение нужно изменить» (Там же. Л. 48).

В плане работы сектора на 1959–1965 г. стоит следующее: проблемы первобытно-общинного строя – Ю.П. Аверкиева (проблема распада материнского рода) (Аверкиева 1961); формирование и развитие народов и наций в XVIII–XIX вв. – А.В. Ефимов (формирование и развитие американской нации (нации США)) (Богина 1965; Ефимов 1969), И.А. Золотаревская («5 цивилизованных племен» и попытки самоопределения индейцев Юго-Востока США), Ю.П. Аверкиева (общественный строй индейцев Северной Америки к началу эпохи империализма) (Аверкиева 1960, 1970, 1974), Р.В. Кинжалов (современное население горных районов Гватемалы), «предполагается» Ю.А. Зубрицкий (кечуа, аймара, индеанистское движение), «формирование наций в Латинской Америке» (2–3 страны, для чего следует пригласить 2–3 сотрудников); культура и искусство – А.В. Ефимов (завершение многолетней работы над атласом географических открытий в Сибири и на Дальнем Востоке) (Атлас 1964), Ю.В. Кнорозов (письменность о. Пасхи), В.П. Мурат, которую «надо зачислить» (фольклор негритянского населения США), «тема исполнителем не обеспечена» – культура кубинцев, Р.В. Кинжалов (искусство древних народов Центральной Америки и Мексики) (Кинжалов 1962); методологические проблемы этнографии – подготовка сборника «Современная американская этнография» (Современная... 1963; АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1151. Л. 1–3).

Далеко не все удалось выполнить, по крайней мере, в рамках сектора и заданного временного интервала. Главным же было неуклонное смещение центра тяжести исследований к латиноамериканской тематике: «перед специалистами по странам Америки поставлена проблема формирования наций в странах Латинской Америки» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 15). В 1959 г., обсуждая направление Л.А. Файнберга,

А.В. Ефимов подчеркивает: «По поводу темы надо поговорить с С.П. Толстовым. Нам нужны специалисты по Южной Америке. Надо взять тему по Латинской Америке». В ответ Файнберг предлагает тему по современному населению Бразилии (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1154. Л. 8)⁸.

При этом «общее направление проводимых исследований заключается в восстановлении подлинной истории этих народов, в выявлении прогрессивных тенденций их этнического развития, разоблачении реакционных теорий в современной американской этнографии и историографии» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 12).

В июне 1960 г. из Госкомитета Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами в сектор приходит канд. ист. наук И.Р. Григулевич (Козлов 2003), и ориентация на изучение реалий Латинской Америки становится очевидной. В ноябре 1960 г. констатируется:

«Сектор, имея небольшой состав научных сотрудников, проделал большую работу, в значительной мере переключившись на современную тематику. Теоретический орган канадской компартии в рецензии на первый том издания “Народы Америки” рекомендует перевести на английский язык и издать в Канаде главу о Канаде... В связи с большой актуальностью изучения национального вопроса в Латинской Америке сектор развертывает работу по этой проблематике и кроме институтских сотрудников привлекает для этого значительное число внеинститутских научных работников» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1257. Л. 6).

В декабре 1960 г. к коллективу сектора присоединяется латиноамериканист, канд. ист. наук Э.Л. Нитобург (Козлов 2009), в декабре 1962 г. – профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений МИД СССР, д-р ист. наук С.А. Гонионский (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 143. Л. 34; Гонионский 1973). В августе 1962 г. старшим научно-техническим сотрудником сектора становится выпускница кафедры экономической географии МГУ Л.С. Шейнбаум, специализировавшаяся по Латинской Америке и защитившая кандидатскую диссертацию «Формирование аргентинского этноса» в 1979 г. (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 397. Л. 126)⁹. В 1969 г. в аспирантуру Института приходит С.Я. Серов (Арутюнов, Минц 1993), защитивший кандидатскую диссертацию «Проблемы этнической истории кечуа (вторая половина XVI в.)» в 1972 г.

В 1961–1964 гг. направления сектора остаются неизменными в своей формулировке: «1) формирование наций в Латинской Америке, 2) проблемы коренного населения Америки, 3) критика теоретических позиций буржуазной американистики» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 394. Л. 1).

Одной из важнейших проблем на этом этапе стала организация международного сотрудничества и полевой работы. Какими возможностями для этого располагали советские «этноамериканисты»?

«Перестройка мозгов»: от спутника к луннику

В первое послевоенное десятилетие советским этнографам остро не хватало непосредственных наблюдений и новейших научных данных по населению Америк, поэтому они пользовались любой возможностью стать немного ближе к изучаемым реалиям. Так, в 1955 г. и.о. директора Института этнографии И.И. Потехин обращается к министру сельского хозяйства СССР В.В. Мацкевичу с просьбой об организации встречи с участниками сельскохозяйственной делегации в США и Канаду. «Силам Института подготавливается к печати том «Народы Америки», в связи с чем впечатления советских делегатов, побывавших в этих странах, имеют для нас исключительное значение» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 703. Л. 97).

С укреплением хрущевской «оттепели» распространились инициативы по налаживанию взаимовыгодного академического обмена и иного научно-культурного сотрудничества между СССР и капиталистическим миром.

В августе 1956 г. на 32-м Международном конгрессе американистов в Копенгагене принимает участие И.А. Золотаревская и Ю.В. Кнорозов. В августе 1958 г. на 33-м Международном конгрессе американистов в Коста-Рике без очного присутствия советских специалистов были зачитаны доклады Ю.П. Аверкиевой, И.Ф. Хорошаевой и Л.А. Файнберга (соавт. Б.О. Долгих) (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 6). В 1956 г. аспирант сектора Ю.А. Зубрицкий предлагает пригласить в СССР боливийского «прогрессивного ученого» Лео Пучера де Кролля, археолога, декана факультета археологии Университета Томаса Фриаса в Потоси с тем, чтобы установить связи с учеными Боливии (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 843. Л. 14).

Не все идеи осуществлялись, но, тем не менее, образовался жанр редких академических встреч с приехавшими иностранными учеными и коллегами, вернувшимися из заграничной поездки. Драматургия этих встреч была канонической: искреннее и горячее приветствие «прогрессивных ученых», «прием экзамена», впрочем, доброжелательный, по «правильному» поведению советского ученого за рубежом.

В марте 1958 г. на заседании Ученого совета Института этнографии в Москве состоялось сообщение Г.Ф. Дебеца о поездке в США, связанной с двухмесячной работой в Музее естествознания в Нью-Йорке с ипиутакской коллекцией. Он побывал также в Чикаго на съезде Американской антропологической ассоциации. Дебец отмечал: «Тот круг людей, с которым я встречался, – исключительно научные работники – характеризуется, по-видимому, очень искренним стремлением к сближению с советскими учеными. О поездке в СССР мне говорили буквально десятки раз. Большое стремление к совместной работе» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 964. Л. 17).

Выводя чисто научные вопросы вследствие их недостаточной проработки за рамки доклада, Дебец с иронией рассказывает о впечатлениях от встреч с американцами:

«Вопросы были, например, такие: “В последнем Спутнике была отправлена собака. Будет ли, по вашему мнению, отправлен когда-нибудь человек?” Я ответил, что это не моя специальность, я антрополог и техническими вопросами не занимаюсь. Но корреспонденты не смутились и сказали, что им интересно знать мнение именно не специалиста, потому что мнение специалистов уже известно. На это я ответил, что лично я надеюсь дожить до того времени, когда человек полетит в межпланетное путешествие. Записали и напечатали – “Русский ученый предсказывает, что человек полетит в межпланетное путешествие!”...

Вообще впечатление от запуска Спутника было колоссальным. Еще в Цюрихе командир самолета встретил меня на лесенке на площадке и сказал, что для него большая честь везти представителя такой нации и что он выбрал для меня место, которое ему представляется самым удобным...

Когда я в Нью-Йорке, начав работать, расставил на столе инструменты, ко мне пришел археолог Эйхгольц, работающий по Южной Америке. Показав на инструменты, он сказал: какой замечательный инструмент, сразу видно, что из России (инструмент, правда, был швейцарский) (смех)...

Служитель Филадельфийского музея негр Тит Лафайет сказал: нам говорят, что русских следует опасаться. Это неправильно. Тот русский, который был у нас, имеет, мне кажется, доброе сердце» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 964. Л. 20–22).

С.П. Толстов с удовлетворением подытоживает:

«Это показывает, с одной стороны, что наша наука, в частности, наша антропологическая наука пользуются в Америке достаточным авторитетом; с другой стороны, мы сейчас воочию наблюдаем некоторый процесс перестройки мозгов многих американских деятелей, который тесно связан со спутником, с другими вещами, которые заставили в последнее время американцев пересмотреть свои взгляды на развитие нашей советской науки» (Там же. Л. 32).

Осенью 1958 г. И.А. Золотаревская провела два месяца в США по соглашению между Институтом этнографии и Денверским Музеем естественной истории (Золотаревская 1959.). В марте 1959 г. на Ученом совете Золотаревская сообщала о задачах поездки:

«В Соединенных Штатах я знакомилась с крупнейшими музеями страны в Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии, со специальными музеями штата Оклахома, в Нормане... и др., с музеями, посвященными истории и современному положению индейцев в этой части США. Кроме того, работала в библиотеках» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1072. Л. 3).

Золотаревская подробно характеризует принципы, которыми в своей работе руководствуются музеи США, необычные для советской действительности:

«Все экспозиции, касающиеся индейцев, не доводятся до настоящего времени, почти все они останавливаются на XIX веке, и те изменения, которые произошли в быту индейцев, в этих музеях совершенно не показывают. Это выглядит тем более странно, что именно сейчас музеи, как мне, во всяком случае, говорили этнографы, отличающиеся прогрессивными взглядами и болеющие за американскую науку, именно сейчас являются центрами научной и популяризационной деятельности, теми центрами, которые с большой любовью, с большим тщанием несут широким массам американцев, посещающим музеи довольно охотно, простым людям (посещение музеев там бесплатное) представление об индейцах, которые веками изображались буржуазной прессой как кроваваджные, дикие, сниматели скальпов и т.д....

Кроме того, музеи делают на первый взгляд, может быть, смешные вещи, но они тоже приносят пользу, – слепки с тех вещей, которые у них есть. Это, конечно, коммерческое дело... продают довольно недорого. В Чикагском музее издают для детей книжки для раскрашивания и, таким образом, они более детально знакомятся с бытом индейцев. В Пенсильванском музее имеются специальные летние классы для детей, куда ребята приходят и помогают реставрировать вещи, а также знакомятся со всеми предметами быта индейцев...

Все музеи зависят от частных дарителей... И музеи в своей популяризации, в своих публикациях большое место уделяют разъяснению, почему музеи нуждаются в деньгах» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1072. Л. 6–7).

Отдельные замечания, тем не менее, оказываются близки аудитории:

«В крупных музеях, как правило, этнографов довольно мало. Все ищут приработку – кто в женском колледже, кто еще где-нибудь. С работой у них плохо, и все стремятся получить степень. (Смех)» (Там же. Л. 9).

Докладчица щедро делится подмеченными деталями быта индейцев: о чероки – «по внешнему виду это – американцы», «чорокские вещи сохраняются в основном для показа или у любителей старины» (Там же. Л. 12), о знакомстве с женщиной из племени семинолов: «это совершенная блондинка в нормальном американском костюме» (Там же. Л. 14) и т.д. А вот «еще одна маленькая черта, характерная для индейцев»: одна женщина

«познакомила нас со своим сыном, огромным парнем 17 лет. Когда я спросила, кто у нее муж, она спокойно ответила: у меня нет мужа. Никакая американка никогда не сказала бы такую вещь, потому что по пуританской морали это совершенно неслыханно; хотя муж, может быть, и не один, тем не менее сознаться в этом невозможно... Она ответила: я

живу со своими братьями, они меня кормят, а я на них работаю. А это мой сын, которого они кормят» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1072. Л. 15).

На празднике индейцев сауки в честь ветеранов, куда была приглашена Золотаревская, старейшая женщина племени «страшно испугалась, что мы из Редрайше. Она спросила: знает ли Госдепартамент, что вы здесь? Но ее успокоили и мы могли присутствовать на празднике» (Там же. Л. 17).

На вопрос С.А. Токарева о том, «знают ли индейцы о Советском Союзе», докладчица дает резюме имеющихся случаев «народной дипломатии»:

«Советский Союз они знают, но не все... Получают они информацию, как все американцы, из газет, – индейцы при этом особенно плохо информированы... Мы знаем несколько случаев, когда индейцы совершенно правильно реагировали. Первый случай, когда ирокезы обратились в Вашингтон с жалобой, что их не рассматривали как нацию. Второй случай – обращение к товарищу Сталину¹⁰. И третий случай, когда Никите Сергеевичу Хрущеву собравшиеся индейцы Анадарко прислали письмо и трубку мира» (Там же. Л. 23).

В общении с вернувшимся «оттуда» коллегой аудиторию интересовали возможные «провокации», включавшие в себя неприятные вопросы о жизни в СССР:

«Вообще пресса там ужасная, нет ничего страшнее американской прессы. Я попала как раз в тот момент, когда там подняли на щит Пастернака. Прихожу в магазин... Смотрю – Пастернак. Говорю: у нас тоже есть Пастернак, но он пишет стихи... Потом, когда я приехала в Оклахому, я узнала, что это наш писатель. Прибегает ко мне один молодой человек, преподаватель русского языка. 12-ти лет его папаша-невозвращенец вывез в Америку. Человек без почвы, не знает, кто он, что он. Прибегает он ко мне и спрашивает: что мы сделаем с Пастернаком. Я говорю: ничего, но причем тут вы? – Я русский. – Нет, вы американец. – А все-таки что там с ним сделают? Я говорю: ничего не сделают, и со злостью добавила: а вообще кому он нужен? – потому что уж очень расхваливали там Пастернака, писали, что это Лев Толстой и даже лучше» (Там же. Л. 30).

Отчет о поездке И.А. Золотаревской был опубликован ВИНТИ с грифом «Для служебного пользования». В нем чернилами вымарано упоминание об инициативе оклахомского Музея Стовалла: «Дирекция музея выражала... пожелание организовать обмен с Музеем антропологии и этнографии АН СССР» (Золотаревская 1959: 10–11). Иначе складывалось с пожеланиями коллег из Латинской Америки.

В апреле 1960 г. на Ученом совете состоялось сообщение аспиранта сектора Ю.А. Зубрицкого о его поездке в Мексику и на Кубу. Он рабо-

тал на Выставке достижений СССР в области науки, техники и культуры, открытой в Мехико в ноябре 1959 г., поэтому честно предупредил: «Я ездил в Мексику и на Кубу не как этнограф. У меня была совершенно другая задача, и поэтому то, что мне удалось сделать как этнографу, весьма немного» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1190. Л. 3). Контраст между его восприятием США и Латинской Америки здесь подан ярко:

«Нью-Йорк – это весьма серый город. Впечатление от него осталось, как от города холодного, расчетливого, материалистичного в плохом смысле слова, где многое, в том числе и отношение к нам, измерялось на доллары. В Нью-Йорке я увидел людей, называющихся “тинэйдж”, т.е. “те, кому до 20 лет”, но этим “тинэйдж” бывает по 30 по 40 лет. Они безобразно себя ведут на улицах и одеваются совершенно отвратительно...

Только в Мексике мы почувствовали теплое отношение к людям... Таксист сказал, что “мексиканский народ – друг советского народа”» (Там же. Л. 3–4).

Но и в Мексике влияние США чувствуется, особенно в рекламе. Зубрицкий цитирует Маяковского: «Прошла годов трехзначная сумма / Героика нынче не тема / Пивною маркой стал Монтесума, пивною маркой – Куаутемок» (Там же. Л. 5).

Тем не менее «люди хотят знать, но не знают правды о Советском Союзе» (Там же. Л. 6). На выставке звучали и «провокационные» вопросы: «Бывало так: берешь микрофон и видишь, что стоят 20 человек, и все провокаторы, а затем собирался народ и помогал нам расправляться с этими провокаторами» (Там же. Л. 7). В записях книг отзывов доминирует мнение: «Раньше я не сочувствовал Советскому Союзу, теперь я поклонник вашей системы» (Там же. Л. 11).

В ответ на приглашение Зубрицкий наносит визит в мексиканский Институт антропологии и истории. Там известны труды Г.Ф. Дебеца, В.В. Бунака, С.П. Толстова, С.А. Токарева, также знают «из американистов Хорошаеву, Кнорозова, который пользуется большим авторитетом у мексиканцев». Поэтому, по мнению Зубрицкого, следует продолжать работы по расшифровке майянской письменности: «Если работа Кнорозова явилась своего рода спутником, то необходим уже лунник. Без этого наш престиж расти не будет» (Там же. Л. 9).

Зубрицкий рисует картину идеологического противостояния Востока и Запада, на арене которого и мексиканские этнографы, как правило, стоящие

«на прогрессивных позициях, хотя американцы всячески пытаются проникнуть в их антропологические учреждения...

Американцы проникают во все отрасли культуры Мексики, и идеологическая экспансия американцев принимает все больший и больший размах, но имеет все меньше и меньше успеха...

Возникает вопрос, как нам идти на сближение с такими научными учреждениями Мексики. Всегда стоит вопрос, какого профиля это учреждение – реакционного или прогрессивного... И я думаю, что мы не ошибемся, если пойдем на усиление связей с любым научным учреждением Мексики, и связь с нами будет сама по себе в значительной мере определять профиль данного учреждения. Связь с нами – это большой фактор» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1190. Л. 13, 10).

Переведенная из Мексики на Кубу выставка имела «гораздо больший успех, чем в США и даже Мексике» (Там же. Л. 14):

«Если выставка в Мексике и в США была крупным событием, то на Кубе советская выставка была просто переломным событием. Кубинский народ испытывает непрестанный нажим со стороны США. Куба бомбится каждый день, и кубинцы со все большей симпатией относятся к Советскому Союзу и все меньше с каждым днем верили антикоммунистическим бредням, хотя эти бредни сильно распространялись во время диктатуры Батиста... К нашему приезду это наследие прошлого уже исчезало. А после нашей выставки коренным образом изменилось отношение к Советскому Союзу, произошел перелом. Советский человек на Кубе – это желанный гость в каждом доме» (Там же. Л. 15).

Не был обойден вниманием взрыв грузового судна «Ля Кувр» в порту Гаваны 4 марта 1960 г., свидетелем чего стал Зубрицкий. На следующий день состоялась многолюдная манифестация, на которой выступил Фидель Кастро (Там же. Л. 18–19). На этом митинге было сделано каноническое фото Че Гевары: «Guerrillero Heroico».

Важнейшим моментом в выступлении Ю.А. Зубрицкого можно считать следующий вывод: «Сейчас на Кубе ощущается в целом революционный подъем и революционный энтузиазм. Кубинская революция идет, она не закончилась. Революция – это локомотив истории» (Там же. Л. 22).

И когда в декабре 1960 г. на Ученом совете выступил Фернандо Гамбоа, вице-директор Мексиканского Национального музея изящных искусств и директор выставки «Искусство Мексики» в Москве (Хорошаева 1961), вероятно, особое звучание приобретала его фраза, в переводе И.Р. Григулевича: «Искусство и археология как бы возродились в Мексике после революции 1910 г., – это, можно сказать, лучший продукт революции» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1206. Л. 9).

Еще одним направлением в международном распространении результатов советской этнографии, в частности американистики, было издание работ отечественных авторов на иностранных языках. В 1959 г. на секторе ставится вопрос «о переводе работ наших ученых на иностранные языки» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1154. Л. 24). Вопрос был предварен визитом в Институт этнографии в конце 1958 г. американского антрополога

Сола Такса с предложением активного привлечения советских ученых к участию в создаваемом международном журнале «Current Anthropology», на встрече с которым на заседании Ученого совета А.В. Ефимов дал ответ: «...профессор Такс говорил о том, что мир един. Конечно, он един в географическом смысле. Но в социальном смысле он не един» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 985. Л. 35–36). Тем не менее сектор в 1959 г. был готов поставить вопрос перед дирекцией и Отделением исторических наук АН СССР об участии отечественных ученых в этом предприятии (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1154. Л. 28).

Ясность наступила, когда на заседании сектора в декабре 1962 г. Григулевич сообщил о создании в США журнала «Советская этнография» тиражом в 10 000 экз. и предложил проявить сектору инициативу и организовать группу товарищей, которая давала бы рекомендации для агентства печати и новостей. Ефимов решил «весьма важным участвовать в предложенных публикациях и уполномочить И.Р. Григулевича от нашего сектора поговорить об этом с дирекцией» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 184. Л. 47)¹¹.



Фотография фотографа ТАСС Василия Егорова (1971): во время обеда, который давал в честь А.Н. Косыгина премьер-министр провинции Альберта Э.П. Логхид. Справа от Косыгина премьер-министр провинции Альберта Э.П. Логхид, слева – советский переводчик Виктор Суходрев

К поиску сотрудничества с американскими учеными подталкивали растущие амбиции советской «этноамериканистики». Одним из ее проектов, неосуществленным, было создание «Всеобщей истории индей-

цев». В 1962 г. в секторе обсуждаются планы труда по истории индейцев и эскимосов Америки. Для руководства этой темой решено привлечь А.В. Ефимова, Ю.П. Аверкиеву, И.А. Золотаревскую, И.Р. Григулевича, Э.Л. Нитобурга. В основу издания, с точки зрения А.В. Ефимова, должен быть положен принцип историзма, «который неизбежен». Решено вести библиографическую работу по общим работам по индейцам, добиться получения подборок иностранных газет. Согласно И.Р. Григулевичу, «Всеобщая история индейцев» составил бы 5 томов: том 1 – от заселения Нового Света до Колумба, том 2 – от завоевания Америки до краха колониализма, том 3 – XIX в. (неоколониализм), том 4 – современные индейцы, том 5 – историография, вклад индейцев в мировую культуру (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 184. Л. 25–26).

Отчасти «подступом» к реализации проекта можно рассматривать сборник сектора «Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру» (Культура... 1963). Отвергая идею переиздания «Народов Америки» из-за нагрузки по подготовке к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук, А.В. Ефимов в то же время (август 1963 г.) решает, что параллельно с подготовкой и участием в конгрессе будет вестись работа над «Всеобщей историей индейцев» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 284. Л. 1). В июне 1964 г. на заседании «О необходимости расширения научных связей Сектора с учеными латиноамериканских стран» было подтверждено, что «на текущее пятилетие Сектор планирует написание «Всеобщей истории индейцев». Для изучения современных условий крайне необходимы командировки сотрудников Сектора в страны Латинской Америки, целесообразно также привлечь к участию в написании этого труда ученых Латинской Америки» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 395. Л. 10).

VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (МКАЭН), прошедший в Москве в августе 1964 г., стал крупным и ярким событием для отечественной этнографии и ее международных связей. В подготовке конгресса и его работе активно участвовали советские «этноамериканисты»¹². Секция «Арктика и Субарктика» заслушала 32 доклада, секция «Северная Америка» – 17, секция «Южная Америка» на 6 заседаниях – 24 (Гурвич 1964). Знаковым было участие выдающегося исследователя П. Боска-Жимперы (Мексика). Со стороны сектора доклады были сделаны А.В. Ефимовым, Ю.П. Аверкиевой, Э.Л. Нитобургом, И.Р. Григулевичем, Ш.А. Богиной, Л.А. Файнбергом. Как сообщала секретарь секции «Южная Америка» И.Ф. Хорошаева, по окончании работы секции состоялась встреча латиноамериканистов СССР и Латинской Америки, на которой было принято решение об организации совместного заочного семинара по индеанистике. А.В. Ефимов, зачитавший отчет о ходе работы секции Северной Америки, предложил привлечь американских ученых к работе над «Всеобщей историей ин-

дейцев». Было решено опубликовать на испанском языке «Народы Америки», а также статьи сборника «Современная американская этнография», поместив их в журнале «Новая и новейшая история», издающемся в Москве (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 395. Л. 22).

Можно сказать, что VII МКАЭН открыл советских «этноамериканистов»:

«Конгресс подтвердил необходимость дальнейшего расширения исследований в области этнографии и истории американских народов. Намечился целый ряд новых форм сотрудничества между советскими и прогрессивными иностранными учеными-американистами. По предложению мексиканских ученых предполагается организовать заочный семинар для обсуждения проблем национального развития в странах Латинской Америки. Было высказано предложение организовать совместные экспедиции в странах Латинской Америки для сбора полевых материалов и для пополнения музейных коллекций, также предполагается широкое сотрудничество в ряде научных журналов, издаваемых в Латинской Америке» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 394. Л. 9).

И в 1965 г. формулируется «кредо» сектора:

«Сектором начата разработка в теоретическом плане основных проблем национального развития стран Латинской и Северной Америки. В отличие от зарубежной американистики советские этнографы считают своей задачей изучение индейских племен и народов, а также эскимосов не как объектов, а как субъектов исторического процесса. Первоочередной задачей сектор считает изучение негритянской проблемы в США, начатая работа по этому вопросу легла в основу подготовленного сборника “Против расизма”. Кроме того, в секторе с марксистских позиций изучаются малоразработанные проблемы формирования наций в США и Канаде и изучалась колониальная политика США в отношении Кубы, причем впервые привлекались материалы архивов СССР» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 503. Л. 1).

Важным звеном в интернационализации «этноамериканистики» было выявление в советских архивах и введение в оборот неизвестных источников по этнографии и истории Америки, что вызывало огромный интерес за рубежом. В 1964 г. А.В. Ефимов с гордостью отмечал, что его «Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке» – плод двенадцатилетней работы – вышел в день открытия VII МКАЭН (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 21). В 1963 г. в аспирантуру Института этнографии по специальности «Народы Северной Америки» приходит С.Г. Федорова, успешно разрабатывавшая темы Русской Америки в Государственном Историческом музее. В 1968 г. она становится старшим научно-техническим сотрудником сектора, а в 1969 г. защищает под руководством А.В. Ефимова кандидатскую дис-

сертацию «Население Аляски и Калифорнии, конец XVIII в. – 1867 г. (опыт историко-этнографической характеристики)», основанную на неопубликованных архивных материалах¹³. Разворачивается совместная работа А.В. Ефимова и С.Г. Федоровой над «Атласом-альбомом карт и историко-этнографических зарисовок Аляски и Калифорнии (XVIII–XIX вв.)» объемом 30 а.л. с окончанием в 1971 г. (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 85. Л. 39). В 1968 г. в секторе начинает работать канд. филол. наук Л.А. Шур, перешедший из Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, имевший опыт сотрудничества с сектором и активно работавший в архивах (Шур 1971)¹⁴.

Отдельной задачей стояла консолидация сил американистов в рамках соцлагеря. В 1959 г. А.В. Ефимов отмечал: «Очень плохо, что у нас отрыв от американистов стран народной демократии» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1154. Л. 35). В том же году со стороны сектора внесено предложение в дирекцию «выяснить наличие кадров американистов в странах Народной Демократии и в СССР для возможной организации конференции» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1153. Л. 6). В планы научного сотрудничества с Академиями наук социалистических стран на 1968 г. А.В. Ефимов просит включить проведение конференции этнографов-американистов по тематике: 1) национальные процессы в Америке; 2) изучение индейцев; 3) изучение негритянского населения. При этом предлагалось пригласить в СССР в 1968 г. ряд ученых социалистических стран: Т. Липковского, «виднейшего польского латиноамериканиста»; Е. Липс, этнографа из ГДР, специалиста по индейцам Канады, выступавшую на МКАЭН в 1964 г.; Ч. Лоукотку из Чехословакии, специалиста по языкам индейцев; М. Стингла (вписано); А. Леона, директора Института этнологии Кубы, участника МКАЭН; К. Гитерас, одного из старейших кубинских этнографов (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 3–4).

Требовалось также укрепить статус этнографических американистских исследований внутри СССР. В октябре 1969 г. А.В. Ефимов направляет докладную записку Ю.В. Бромлею «Об издании “Латиноамериканского ежегодника”». В записке Ефимов подчеркивает массовость интереса к Латинской Америке в стране и рост числа ученых-латиноамериканистов. Так как выходящей в Союзе литературы о Латинской Америке явно недостаточно, «было бы целесообразно совместными усилиями сектора народов Америки (включая Ленинградскую часть) Института этнографии и сектора Латинской Америки Института всеобщей истории приступить к изданию с 1971 г. «Латиноамериканского ежегодника» объемом в среднем около 20 п.л.». «В этом издании могли бы сотрудничать как советские, так и зарубежные прогрессивные ученые». Ответственным редактором ежегодника Ефимов видит И.Р. Григулевича (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 5–6).

Одновременно фактически предлагается решение проблемы привлечения и формирования кадров. Здесь ключевую роль играл С.А. Гони-

онский, на протяжении 1960-х гг. руководитель Постоянного Латинско-американского семинара студентов в СССР – «интернационального научного объединения» (Там же. Л. 21). В 1969 г. в докладной записке от сектора Америки академику-секретарю Отделения исторических наук АН СССР, академику Е.М. Жукову за подписью А.В. Ефимова, Ю.П. Аверкиевой, С.А. Гонионского, Л.А. Файнберга, И.Ф. Хорошаевой, Ш.А. Богиной, Л.Н. Фурсовой и И.Р. Григулевича сказано:

«По нашему мнению, назрела необходимость создать межинститутский методологический семинар по истории и этнографии стран Америки. Такой семинар можно организовать на базе сектора Америки Института этнографии с привлечением представителей заинтересованных институтов и учреждений. В состав основного ядра семинара могли бы быть привлечены представители институтов: Истории, Мировой экономики и международных отношений, Проблем США, Института Латинской Америки, Института международных отношений, Семинара по изучению стран Северной Америки при ЛГУ, МГУ и др.» (Там же. Л. 9).

Таким, образом, не будет преувеличением сказать, что к концу 1960-х гг. сформировались контуры «забракowanego проекта» советской «этноамериканистики»: мощный объединительный центр (сектор Америки Института этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде), издающий индивидуальные / коллективные монографии и публикующий источники, с постоянно действующим всесоюзным семинаром по истории и этнографии стран Америки; с периодическими конференциями американистов соцлагеря; с посвященным Латинской Америке заочным семинаром в содружестве с латиноамериканскими коллегами; с собственным ежегодным печатным изданием.

Как же обстояли дела с планированием полевых исследований советских «этноамериканистов»?

Экспедиции или командировки?

В начале пути к формуле полевых исследований этнографов-американистов, как и в случае реализации проекта «Народы Америки», оказались ленинградцы, прежде всего Ю.В. Кнорозов (Ершова 2019).

На следующий день после беседы президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова с сотрудниками Посольства Мексики, состоявшейся 17 февраля 1955 г., начальник Иностранного отдела АН СССР В.Д. Бобков отправил письмо С.П. Толстову:

«Во время беседы атташе Посольства г-н Мадеро заявил, что он читал в советской прессе о том, что один из ленинградских ученых нашел способ расшифровки иероглифов племени майя. Это сообщение вызвало большой интерес у мексиканской общественности, т.к. ученые Мек-

стики в течение длительного периода времени безуспешно пытаются расшифровать письма маяя. По мнению Мадеро, поездка советских ученых в Мексику представила бы значительный интерес как для ученых Советского Союза, так и для научных кругов Мексики. В связи с вышеизложенным, просим Вас рассмотреть вопрос о целесообразности направления в Мексику группы научных сотрудников с целью изучения древней культуры маяя и сообщить свое мнение в Иностраннный отдел АН СССР» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 703. Л. 50).

С.П. Толстов дает незамедлительный ответ:

«Речь, конечно, идет о работах молодого советского ученого, сотрудника Института этнографии Ю.В. Кнорозова... Мы считаем весьма целесообразной посылку в Мексику группы советских этнографов в следующем составе: д.и.н., профессор С.А. Токарев (заведующий сектором Америки, Австралии, Океании), к.и.н. Ю.В. Кнорозов (сотрудник сектора Америки, Австралии, Океании) и аспирантка И.Ф. Хорошаева, которая специализируется в области этнографии Мексики» (Там же. Л. 51).

В июле 1955 г. С.П. Толстов пишет академику-секретарю Президиума АН СССР академику А.В. Топчиеву: «До настоящего времени мы не имеем ответа на наше письмо. Между тем командировка такого рода явилась бы большим вкладом в дело налаживания научных связей с учеными Мексики и сильно повысила бы авторитет советской науки» (Там же. Л. 58). А в августе обращается к заведующему Отделом стран Америки МИД СССР А.А. Солдатову: «Насколько нам известно, посылка делегации сейчас задерживается из-за отсутствия официального приглашения от мексиканских учреждений. В связи с приближением начала учебного года в вузах желательнее направить наших ученых в Мексику в ближайшее время» (Там же. Л. 62–63). Замысел не был реализован.

Осенью 1958 г. в секторе начинается обсуждение идеи, поданной Д.Д. Тумаркиным¹⁵, – об организации Полинезийской комплексной экспедиции летом 1959 г. на судне «Витязь», принадлежавшем Институту океанологии АН СССР (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 84. Л. 1). Высказывается А.В. Ефимов:

«Вопрос о полевой работе наших сотрудников. У нас очень редки научные командировки. Для Австралии и Океании вопрос идет об организации экспедиции в Океанию (на о-в Пасхи). Идет вопрос об использовании кораблей Института океанологии АН СССР. Но раньше 1965 г. корабли Института океанологии не будут плавать в этих широтах. Можно просить правительство Чили взять наших сотрудников на транспортное судно, которое 2 раза в год посещает о-в Пасхи, и оставить наших сотрудников на о-ве до прихода очередного транспортного судна. К экспедиции надо тщательно готовиться. Необходимо до экспедиции – прово-

дить научные командировки, знакомиться с местными научными учреждениями, музеями» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 46–47).

Берет слово Ю.В. Кнорозов:

«В апреле этого года было поручено составить докладную записку об экспедиции по линии Юнеско. Экспедиция должна быть крупной, с преобладанием археологической работы. Предварительная командировка не нужна. Остров не велик, прекрасно разведан археологами. Необходим наем 15–20 рабочих, экспедиция должна бы иметь 2 археологических отряда и 1 этнографический, в крайнем случае, 2 археологических. Этнографам там делать нечего. Каждый отряд – 2–3 человека. В худшем случае можно ограничиться одним отрядом. Это связано со сроками. В последнем случае экспедиция серьезных результатов не даст. Экспедиция нужна для основательной работы, без сенсаций, для археологического изучения периода до, например, XVIII в. Следовало бы направить опытных археологов из Хорезмской экспедиции – или со стороны. Нужна тщательная подготовка. Посылать маленькую, неоснащенную экспедицию даже вредно с точки зрения престижа нашей науки. Прошу меня не включать в командировки такого рода на о-в Пасхи, особенно с неопределенными заданиями. С точки зрения научной лучше всего экспедиция в контакте с чилийскими учеными. С ними есть контакт. Если есть материальные затруднения, почему бы не устроить совместную большую экспедицию, тем более что чилийцы недовольны работами Хейердала... Целесообразна предварительная поездка в Чили с широкими целями. Спешить с этим не следует. Экспедиция на о-в Пасхи должна быть хорошо оснащена, иметь квалифицированных сотрудников и материальные возможности, чтобы получить научный отклик и опровергнуть исследования Хейердала. В чисто научном смысле о-в Пасхи большого интереса не представляет, это скорее вопрос научно-дипломатический и может быть целесообразно исследовать другие острова. С письмом это не связано, изучение письменности – чисто кабинетная работа. Вряд ли удастся найти на о-ве Пасхи новые памятники письменности» (Там же. Л. 48–49).

Н.А. Бутинов возражает:

«Ю.В. Кнорозов высказал свое мнение, но у сотрудников в Ленинграде другое мнение. Нужно послать одного-двух сотрудников на о-в Пасхи для дальнейшей работы по письменности о-ва Пасхи. Помимо изучения языка и письма, надо изучать современную культуру жителей острова Пасхи» (Там же. Л. 51).

Ю.В. Кнорозов резюмирует:

«Вряд ли целесообразно обсуждать сейчас, кто прав, и кто неправ по вопросу об экспедиции на о-в Пасхи. Я говорю о себе: я не берусь за

решение этого вопроса. Я убежден, что ничего не выйдет из этой поездки, а если Н.А. Бутинов хочет ехать, то я не возражаю» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1031. Л. 51).

Ю.П. Аверкиева ставит вопрос о том, «нельзя ли организовать поездку наших сотрудников на северо-западное побережье [Северной Америки]. Я бы с удовольствием поехала» (Там же. Л. 50). И в решениях сектора учтено «предложение Ю.П. Аверкиевой – о сочетании океанографической экспедиции с этнографической экспедицией к атапаскам. Здесь нет транспортных трудностей» (Там же. Л. 52).

В 1959 г. в планах сектора стоит подготовка к 1963 г. комплексной экспедиции на «Витязе» в Океанию, а также «организация, при возможности, совместной с этнографами США и Канады полевой экспедиции к индейским племенам» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1151. Л. 3). При этом А.В. Ефимов признает: «Недостатки – наши этнографы не ведут полевой работы. Нужно второй раз послать в США И.А. Золотаревскую» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1154. Л. 35). Шесть лет спустя, в 1965 г., звучит то же: «Сектор считает необходимым командировку сотрудников И.А. Золотаревской и Э.Л. Нитобурга в США» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 503. Л. 1). Безрезультатно.

К тому времени «характерной особенностью работы сектора является тесное сотрудничество с учеными Кубы по ряду вопросов» (Там же. Л. 1). Тема Кубы и Кубинской революции занимало привилегированную нишу в информационном пространстве СССР. Пример Кубы подкреплял актуальность исследований этнографов-американистов. Так, в 1960 г. при обсуждении плана работы по изучению формирования наций Латинской Америки И.Р. Григулевич заявлял о том, что подобное исследование должно вызвать большой интерес: «О важности разработки этих вопросов свидетельствует также недавний съезд историков Кубы, принявший решение об исследовании проблем образования наций в Латинской Америке» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1258. Л. 50–52).

Когда в апреле 1961 г. произошла попытка интервенции США на Кубу, сектор Америки в лице А.В. Ефимова посчитал нужным поставить вопрос: «Что может сделать сектор в связи с начавшимся вторжением на Кубу?» Было решено сделать выступление на Ученом совете Института о положении на Кубе, дать в ТАСС сообщение о подготовленном кубинском сборнике¹⁶, поручить И.Р. Григулевичу и Э.Л. Нитобургу выступить с докладами о кубинской революции в Доме дружбы, а также организовать кубинскую выставку в Институте (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 86. Л. 24–25).

На заседании сектора «О необходимости расширения научных связей Сектора с учеными латиноамериканских стран» в 1964 г. И.Р. Григулевич обозначает возможные направления: «В соответствии с современной политической обстановкой сейчас можно ехать в такие страны, как Куба, Мексика, Чили. По линии “Всеобщей истории индейцев”

можно ехать в ту же Боливию и другие страны» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 395. Л. 10). И решение сектора:

«Намечена большая работа по изучению формирования и развития наций Латинской Америки («Нации Латинской Америки» уже вышел из печати в 1964 г.), для участия в которой Сектор привлечет передовых ученых стран этого континента. Очень полезными были бы научные командировки сотрудников Сектора на 2–3 месяца в латиноамериканские страны для изучения современных национальных и этнических процессов в этих странах» (Там же. Л. 10).

Самыми полезными оказались командировки на Кубу. И.Р. Григулевич отправляется туда в 1964 г. на 3 недели, в 1967 г. – на 4 недели, в 1970 г. – на 2 недели, а в 1971 г. – на 1 месяц (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. б/н Г. Л. 1 об.); Ю.П. Аверкиева с целью подготовки кадров кубинских этнографов – в 1964 г. на 3 месяца (впрочем, также в Канаду в 1967 г. на 1 неделю) (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. б/н П. Л. 67 об.). Э.Л. Нитобург в 1964 г. едет на Кубу на 3 месяца (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. б/н Н. Л. 1 об.) – его научная деятельность напрямую касалась острова (Нитобург 1965; Нитобург 1968).

Время коллективного труда

Создание текстов, умножение их, – неотъемлемая черта представителей гуманитарных наук. Кажется, для советских «этноамериканистов» этот факт имел особенное значение. Трудно представить себе, каким образом, пусть с привлечением сторонних специалистов, сектору Америки удалось в сжатый срок реализовать полномасштабные коллективные монографии. Обратимся ли мы к работам по проблеме формирования наций в Америках (Нации... 1964; Национальные проблемы... 1972; Национальные процессы в США 1973; Национальные процессы в Центральной... 1974), по освещению истории и актуальностей латиноамериканских стран (Бразилия 1963; Эквадор 1963; Чили 1965; Венесуэла 1967), мы встречаем сшибающий с ног напор, который, вероятно, сам по себе становился аргументом в пользу московского извода этнографической американистики. Создается впечатление, что тройка энтузиастов (Ефимов, Григулевич, Гонионский) совершали свою революцию в американистике с такой же беззаветностью, как это делали большевики пятьюдесятью годами ранее¹⁷.

Например, сильно загруженный работой над указанными выше проектами С.А. Гонионский разрабатывает «детальный проспект трехтомного исследования «Национальные процессы в Латинской Америке», рассчитанный на 10-летний срок (1967–1977)» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 20). И.Р. Григулевич «мобилизует» наследие Б. Лас-Касаса, чтобы показать корни борьбы за справедливость на американском кон-

тиненте (Бартоломе 1966). Сектор выступает за бескомпромиссную борьбу против расизма, и «в конце 1963 г., учитывая исключительную политическую актуальность проблемы и необходимость активного участия в ее разработке, сектор приступил к работе над сборником статей “Против расизма”. Сектором этнографии народов Америки установлена тесная связь с Институтом Латинской Америки АН СССР» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 283. Л. 12). Рождается серия сборников, посвященных этой теме (Против расизма 1966; Документы 1968; «Нет!»... 1969; Народы против 1970).

Расизм представлялся «ахиллесовой пятой» капитализма. Еще в 1959 г. А.В. Ефимов рассуждал о негритянской проблеме: «Если поставить вопрос, что негры самостоятельная нация, то это может усилить расизм, если же совсем снять вопрос о негритянской нации, то этим будет снят вопрос о помощи негритянскому населению как таковому. В условиях буржуазного строя эта нация разрывается. В социалистической Америке вопрос о нации снова встанет» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1154. Л. 7).

Участие сектора Америки в этой борьбе способствовало укреплению престижа отечественной американистики. В 1967 г. на заседании Ученого совета Института А.В. Ефимов заявил: «На днях из ЮНЕСКО приехала в Москву мистрис Глин, дочь одного из негритянских народов Африки. Мы с И.Р. Григулевичем встретились с ней в советской комиссии ЮНЕСКО. Цель приезда Глин – установление действий для борьбы против расизма» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 90. Л. 12). Согласно выписке из решения заседания Комитета по социальным наукам при комиссии СССР по делам ЮНЕСКО от 26 октября 1967 г. на заседании, посвященном 50-летию Октября, заслушав предложение члена комитета А.В. Ефимова об издании сборника статей «Против расизма», было вынесено постановление: рекомендовать издание антирасистского сборника на нескольких иностранных языках (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 82. Л. 27).

Удостоенный, наряду с Е.В. Тарле, В.П. Потемкиным, А.Л. Нарочницким и другими, в 1942 г. Сталинской премией I степени за участие в написании 1-го тома «Истории дипломатии» (1941), А.В. Ефимов умел обращаться со словом¹⁸, как, например, в докладе «Когда же была открыта Америка», произнесенном на заседании Ученого совета Института в 1966 г.:

«Небольшой народ Вьетнама не смогут победить ни 220 тысяч гибнущих под тяжестью вооружения американцев, ни зверские бомбардировки, ни бактериологическая и газовая война, ни седьмой американский флот, ни 440, ни 880, ни миллион 700 тысяч войск империалистов, а бесконечно наращивать армии – занятие опасное.

Любимым словом американских политиков стала эскалация от французского слова *escalader*, английского *escalade*, что означает штур-

мовать крепостную стену при помощи лестниц. Но взлезание по лестницам на крепостные стены – крайне рискованное занятие, и по лестницам можно двигаться не только вверх, но и вниз. Пожелаем этого второго вида эскалации американским горе-политикам и стратегам» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 30. Л. 42).

Успехи советской «этноамериканистики» были столь очевидны и весомы, что в определенный момент предводитель «большого отряда ученых-американистов» А.В. Ефимов выступил с предложением о переименовании журнала «Советская этнография»: «целесообразно назвать журнал “Народы мира” и давать теоретические исследования на основе разнообразного фактического материала о [развитии?] народов и их закономерностях». Ефимов отмечал, что название «Советская этнография» не способствует популяризации этого журнала, имеющего крайне малый тираж. Кроме того, «термин этнография устарел. Он подчеркнуто ориентирует на описательство» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 95. Л. 1). Более того, «целесообразно также переименование Института этнографии в “Институт народов мира”» (Там же. Л. 2).

Защита Григулевича

26 октября 1965 г. состоялась защита докторской диссертации И.Р. Григулевича «Культурная революция на Кубе» (1965).

Оппонентами выступили д-р ист. наук А.Н. Глинкин, д-р ист. наук А.И. Клибанов, д-р филос. наук И.А. Крывелев. Поприсутствуем на этой защите.

И.Р. Григулевич:

«В наше время социальная революция перестала быть исключительным явлением. И все же кубинская революция приковала к себе внимание всего человечества. И это естественно. Ведь мужественный кубинский народ бросил вызов самой могущественной империалистической державе – и победил» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 452. Л. 3).

А.Н. Глинкин отмечает, что вместо доклада Григулевич может перефразировать строки одного известного советского поэта: «Явившись в ВАК текущих светлых лет, / Я предъявлю как докторский сюжет / Все 25 томов моих латиноамериканских книжек» (АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 452. Л. 15).

А.И. Клибанов:

«И мне кажется, что для нашего соискателя этот сюжет особенно дорог потому, что здесь и общественные, и личные мотивы, – т.е. он не только свидетель, но и в известной мере участник кубинского революционного движения. Ведь Иосиф Ромуальдович связан узами тесной

дружбы со многими выдающимися деятелями революционного движения Кубы – еще со времен гражданской войны в Испании; ему приходилось сражаться и на фронтах этой войны бок о бок с кубинскими добровольцами – героическими участниками интернациональных бригад. И уже после победы кубинской революции Иосиф Ромуальдович посещает Кубу отнюдь не как турист и даже не только как научный работник, который собирает материал для своей диссертации, но как деятель советского культурного фронта, который стремится передать свой опыт кубинским товарищам. Вот почему я думаю, что Иосифа Ромуальдовича можно с полным правом назвать участником кубинской революции» (Там же. Л. 30–31).

И.Р. Григулевич:

«Мой ответ будет кратким. Что касается того, как был использован кубинскими товарищами опыт советских специалистов, – я умышленно на эту тему не распространялся, и вот почему: мне кажется, что об этом когда-нибудь напишут сами кубинские товарищи. Хвалить наших специалистов я не хотел, – мне это не полагается, как советскому товарищу, – хвалить самих себя, а хулить у меня не было оснований. Поэтому мне показалось, что на эту тему кубинские товарищи скажут и они уже сказали свое веское слово, в частности Фидель Кастро, который положительно оценил опыт наших товарищей, которые там работали, – и еще скажут» (Там же. Л. 37).

Вице-президент Кубинской академии наук Хулио Ле Риверенд:

«Вероятно, у парашютистов есть какая-то своя особая психология, но я себя сейчас чувствую, мне кажется, как парашютист. Мое внезапное появление на этом собрании обязано тому, что мы, кубинцы, очень заинтересованы в теме, которая обсуждается» (Там же. Л. 56).

Выступил также Ю.П. Симаков, мастер спорта СССР, из Центрального института физической культуры (Там же. Л. 61).

Советник по делам культуры Посольства Кубы в СССР Оскар Мас:

«От имени всех кубинцев я хочу выразить благодарность Советскому Союзу, стране, которая в состоянии создавать такие учреждения, как этот Институт, и выращивать таких ученых, как т. Григулевич, борец за свободу Латинской Америки и наш искренний друг. От имени Кубы большое спасибо» (Там же. Л. 67).

Заключительное слово И.Р. Григулевича:

«Я хотел бы принести мою сердечную благодарность, во-первых, нашему Институту. Я сравнительно молодой ученый. В Институт я пришел в 1960 году, и если я за эти пять лет смог что-то сделать, то в

первую очередь я обязан нашему коллективу сектора, руководителю сектора А.В. Ефимову, – я очень жалею, что он болен и не смог здесь присутствовать...

Здесь было высказано много интересных идей. Осилить эту чрезвычайно большую тему не под силу одному человеку. Это вопрос, над которым мы все дружно будем работать – все те, кто считает своим долгом изучать опыт кубинской революции, которая так близка тем латиноамериканистам, которые долгие годы изучали Латинскую Америку и верили, что настанет час, когда там тоже взвоет знамя социализма» (Там же. Л. 74).

Согласно протоколу счетной комиссии из 25 членов Ученого совета проголосовало 22 «за», 2 – «против», 1 – «недействительный» (Там же. Л. 75).

До дня 50-летия Октября оставалось два года.

26 декабря 1991 г. Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию, согласно которой СССР как государство и субъект международного права прекратил свое существование.

По прошествии лет усилия А.В. Ефимова и его товарищей оправдались, хотя бы в отношении масштабной советско-кубинской экспедиции (Александренков 2017). При всей сложности ситуации московские «этноамериканисты» при поддержке государства сумели удержать приоритетным изучение «обеих Америк».

У истоков послевоенной советской этнографической американистики стояли принципиальные люди и серьезные ученые. Возможно, их силы ушли на координацию актуальных идеологических исследований. «Забракованность» сформированного ими проекта, вероятно, можно усмотреть в том, что нашей стране не оказался востребованным мощный центр «этноамериканистики». Осуществлялось вполне разумное распределение ресурсов: Институт Латинской Америки, Институт США и Канады, Институт всеобщей истории Академии наук, МГИМО.

Яркие, страстные и противоречивые фигуры сталинского и хрущевского времени сходили со сцены, уступая место типажам брежневской поры. Это не было ни плохо, ни хорошо. Перевалив через свое пятидесятилетие, русская революция постепенно, но неуклонно двигалась к исходной точке – отрезвляющей действительности и «контрактам века».

Важный вопрос состоит в следующем: подводили ли тогда те люди итог 50 годам российской антропологической американистики или в самом деле определили ее развитие на 50 лет вперед до наших дней таким образом, что и сегодня трудно обнаружить изъян в предложенном ими «забракованном» проекте?

По крайней мере, образы А.В. Ефимова и его коллег останутся навсегда в истории российской американистики.

Примечания

¹ Речь идет об общем и особенном в «эпохе Ефимова» (1956–1971) в московской этнографической американистике, или «этноамериканистике». Очерк о московской части Сектора Америки Института этнографии АН СССР см. (Истомин 2003). Анализ развития послевоенной американистики в ленинградской части Института содержится в: (Корсун 2019).

² Справедливости ради отметим, что «большой отряд ученых-американистов» появляется в характеристике Ефимова уже в 1965 г. (ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 1л. Д. 122. Л. 34). А среди поздравлений, направленных Ефимову в связи с семидесятилетием (1966), было и такое: «Примите самые сердечные поздравления от рядового на фронте американистики Петрова», старшего преподавателя Института общественных наук при ЦК КПСС (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 98. Л. 134).

³ См. подробнее: Англо-американская этнография 1951.

⁴ См. подробнее: Нитгобург 2003.

⁵ См. подробнее о жизненных обстоятельствах и достижениях ученого блок статей «Научно-педагогическая деятельность А.В. Ефимова» (с. 6–32) в сборнике, посвященном памяти А.В. Ефимова (Проблемы истории 1979; Иванов 2000; Zhuk 2017).

⁶ Автореферат диссертации см.: Золотаревская 1953.

⁷ URL: http://ethnographica.kunstkamera.ru/w/index.php?title=Хорошаева_Ирина_Федоровна (дата консультации: 01.10.2020).

⁸ Верный себе, Файнберг сохранил «дуализм» (Файнберг 1964, 1975).

⁹ См. подробнее: Кожановская И.Ж., Кожановский А.Н. Шейнбаум Лина Соломоновна (1940–2014). URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Afisha&in=view&id=3>

¹⁰ Имеется в виду широко освещавшееся в свое время в печати избрание И.В. Сталина «почетным вождем индейских племен» с вручением головного убора индейского военного вождя: «Великий Джо»: как Иосиф Сталин стал вождем американских индейцев. URL: <https://ria.ru/20190930/1558797681.html>

¹¹ В этом журнале, редактируемом американским антропологом С. Данном, были опубликованы, например (Knogozov 1962; Fainberg 1965; Ginzburg 1966).

¹² Секции «Северная Америка» и «Южная и Центральная Америка» см. (VII Международный 1971). Секция «Арктика и Субарктика» см. (VII Международный 1970).

¹³ См.: Федорова 1971. Книга была переведена на английский язык и издана в Канаде: Fedorova 1973.

¹⁴ См. также: Истомин 2019.

¹⁵ См. подробнее: Тумаркин 2018.

¹⁶ Сборник с участием общественно-политических и научных деятелей Кубы (Э. Че Гевара, М. Риверо де ла Калье и др.) вышел в 1961 г. двумя тиражами (Куба 1961).

¹⁷ С другой стороны, в этом нет ничего удивительного. А.В. Ефимов писал: «Я начал свою научно-педагогическую и политическую деятельность в незабываемые ленинские годы. Тот, кто пережил их, знает, какой подъем, энтузиазм двигал всех нас. Этот священный пламень ленинских дел...» (АРАН. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 79. Л. 1).

¹⁸ Эта черта навлекала подозрения. Так, инициатор Совещания историков 1944 г., чл.-кор. (впоследствии академик) АН СССР А.М. Панкратова полагаала, что у «Ефимова зрелая и продуманная, а главное, активная антимарксистская позиция вообще и при этом тщательно маскируемая. Я была потрясена тем искусством эквилибристики и жонглирования, которую Ефимов проявил в своей речи. Это была речь виртуоза маскировки. По внешности это архиортодоксальная позиция, скрепленная массой цитат и правильных общих положений. Но как только Вы подойдете к его конкретным вопросам, а главное, к его выводам, то получается нечто прямо противоположное тем цитатам, которые он сам же приводит» (Письма... 1988: 64).

Источники**Архив Российской академии наук (РАН):**

- Ф. 142. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Оп. 1. (1942–1960). Управленческая документация Института этнографии.
- Д. 220. Протоколы заседаний Ученого совета института. 1949 г.
- Д. 271. Отчет о работе за 1949 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 272. Протоколы заседаний сектора Америки, Австралии и Океании. 1949 г.
- Д. 336. Отчет о работе сектора за 1950 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 337. Протоколы заседаний сектора. 1950 г.
- Д. 427. Отчет о работе сектора за 1951 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 497. Отчет о работе сектора за 1952 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 498. Протоколы заседаний сектора. 1952 г.
- Д. 558. Отчет сектора о работе за 1953 г.
- Д. 559. Протоколы заседаний сектора. 1953 г.
- Д. 627. Отчет сектора о работе за 1954 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 628. Протоколы заседаний сектора. 1954 г.
- Д. 703. Переписка с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными по установлению научных связей. 1955 г.
- Д. 744. Отчет сектора о работе за 1955 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 745. Протоколы заседаний сектора. 1955 г.
- Д. 843. Протоколы заседаний сектора. 1956 г.
- Д. 933. Протоколы заседаний сектора. 1957 г.
- Д. 964. Стенограмма заседания от 13.03.58 Ученого совета института по сообщению Г.Ф. Дебеца о поездке в США.
- Д. 985. Стенограмма беседы на встрече с проф. С. Таксом (США) от 31.12.58.
- Д. 1030. Отчет сектора о работе за 1958 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 1031. Протоколы заседаний сектора. 1958 г.
- Д. 1151. План работы сектора на 1959–1965 гг.
- Д. 1153. Отчет сектора о работе за 1959 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 1154. Протоколы заседаний сектора. 1959 г.
- Д. 1072. Стенограмма заседания от 3.03.59 Ученого совета института по сообщению И.А. Золотаревской о поездке в США.
- Д. 1190. Стенограмма заседания от 5.04.60 Ученого совета института по сообщению Ю.А. Зубрицкого о поездке в Мексику, на Кубу.
- Д. 1206. Стенограмма заседания от 21.12.60 Ученого совета института по сообщению вице-директора Мексиканского национального музея изящных искусств и директора выставки «Искусство Мексики» Ф. Гамбоа.
- Д. 1257. Отчет сектора о работе за 1960 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 1258. Протоколы заседаний сектора. 1960 г.
- Ф. 142. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Оп. 10 (1961–1970). Управленческая документация Института этнографии.
- Д. 30. «Когда же была открыта Америка». Доклад. 1966 г.
- Д. 34. «Советская этноамериканистика» за 50 лет. Справки. 1967–1968 гг.
- Д. 79. Заметки к автобиографии. 1968.
- Д. 82. Докладные записки и переписка. 1939–1969.
- Д. 84. Переписка с Н.А. Бутиновым и др. 1958–1959.
- Д. 85. Отчеты чл.-корр. АН СССР о работе за 1958–1960, 1962–1965, 1967–1970 гг.
- Д. 86. Протоколы заседаний сектора. 1961 г.
- Д. 90. Справки по работе сектора народов Америки за последние 10 лет. 1967–1969 гг.
- Д. 92. Речь на банкете по случаю выхода в свет сборника статей американистов, посвященного А.В. Ефимову. 1968 г.

- Д. 98. Поздравительные адреса и телеграммы в связи с 70-летием и 45-летием научной деятельности. 1966 г.
- Д. 184. Протоколы заседаний сектора. 1962 г.
- Д. 283. Отчет сектора о работе за 1963 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 284. Протоколы заседаний сектора. 1963 г.
- Д. 394. Отчет сектора о работе за 1964 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Д. 395. Протоколы заседаний сектора. 1964 г.
- Д. 452. Стенограмма заседания Ученого совета института по защите диссертации И.Р. Григулевичем. 1965.
- Д. 503. Отчет сектора о работе за 1965 г. и индивидуальные отчеты сотрудников.
- Ф. 1520. Ефимов Алексей Владимирович (1896–1971). Оп. 1.

Архив Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН):

- Ф. 142. Оп. 1л. Личные дела сотрудников.
- Д. 103. Личное дело Золотаревской И.А.
- Д. 122. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1971 г. Личное дело Ефимова А.В. Л. 25–39.
- Д. 143. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1974 г. Личное дело Гонионского С.А. Л. 1–57.
- Д. 325. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1993 г. (Г–Ф). Т. 3. Личное дело Файнберга Л.А. Л. 163–212.
- Д. 397. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 2002 г. Личное дело Шейнбаум Л.С.
- Д. б/н Г. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1988 г. (Г–К). Личное дело Григулевича И.Р. Л. 1–134.
- Д. б/н Н. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1998 г. (Н). Т. 5. Личное дело Нитобурга Э.Л.
- Д. б/н П. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1980 г. (Г–П). Т. 1. Личное дело Петровой-Аверкиевой Ю.П. Л. 67–151.
- Д. б/н Х. Личные дела сотрудников Института с учеными степенями, уволенных в 1986 г. (Л–Х). Личное дело Хорошаевой И.Ф. Л. 212–257.

Литература

- Аверкиева Ю.П.* Из истории общественного строя индейцев Северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиян к середине XIX в.) // Американский этнографический сборник I // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. LVIII / отв. ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 5–126.
- Аверкиева Ю.П.* Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1970.
- Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М.: Наука, 1974.
- Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 70.
- А.В. Ефимов // Советская этнография. 1972. № 1. С. 195–197.
- Александренков Э.Г.* Работы на Кубе в 1980-е – 1990-е гг. по составлению Этнографического атласа: достижения и недостатки // Источники и историография по антропологии народов Америки / отв. ред. М.Ю. Мартынова, Е.С. Питерская, Д.В. Воробьев. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 337–343.
- Англо-американская этнография на службе империализма (Сборник статей) / отв. ред. И.И. Потехин // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. XII.

- Арутюнов С., Минц Л. С.Я. Серов (1940–1992) // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 171–173.
- Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке / под ред. и с введением А.В. Ефимова. М.: Наука, 1964.
- Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки / отв. ред. И.Р. Григулевич. М.: Наука, 1966.
- Богина Ш.А. Иммиграция в США накануне и в период Гражданской войны (1850–1865 гг.). М.: Наука, 1965.
- Бразилия. Экономика. Политика. Культура / ред. кол.: А.В. Ефимов, И.Р. Григулевич и др. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Венесуэла. Экономика. Политика. Культура / отв. ред. С.А. Гонионский. М.: Наука, 1967.
- Григулевич И.Р. Культурная революция на Кубе. М.: Наука, 1965.
- Гонионский С.А. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1973.
- Гурвич И.С. О работе секций VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук // Советская этнография. 1964. № 6. С. 153–168.
- Давидсон А.Б. Основатель Института Африки // Становление отечественной африканистики (1920-е – начало 1960-х гг.) / отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2003. С. 116–135.
- Документы обличают расизм / ред. кол.: И.Р. Григулевич, А.В. Ефимов, Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 1968.
- Ершова Г.Г. Последний гений XX века: Юрий Кнорозов: судьба ученого. М.: РГГУ, 2019.
- Ефимов А.В. США: Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М.: Наука, 1969.
- Золотаревская И.А. История конфедерации криков // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 19. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 94–102.
- Золотаревская И.А. Отчет о поездке в США. М., 1959.
- Иванов Р.Ф. Андрей Владимирович Ефимов (1896–1971) // Портреты историков: Время и судьбы. Москва; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim. 2000. Т. 2. С. 369–381.
- Индейцы Америки. Этнографический сборник / отв. ред. С.А. Токарев, И.А. Золотаревская // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т. XXV.
- Истомин А.А. Из истории Сектора народов Америки ИЭА РАН // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 12–18.
- Истомин А.А. К истории создания двухтомника «Россия в Калифорнии»: начало, 1985–1991 годы // Три века российской этнографии: страницы истории. Вып. 2 / отв. ред. М.М. Керимова, А.А. Сирина; сост. М.М. Керимова. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 270–284.
- Кинжалов Р.В. Искусство древней Америки. М.: Искусство, 1962.
- Козенко Б.Д. Лев Израилевич Зубок // Портреты историков: Время и судьбы. Москва; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim. 2000. Т. 2. С. 359–368.
- Козлов С.Я. Две жизни Иосифа Ромуальдовича Григулевича (к 90-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 126–135.
- Козлов С.Я. Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 156–159.
- Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере: собиратели, экспедиции, коллекции. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: МАЭ РАН, 2019.
- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Куба. Историко-этнографические очерки / под ред. А.В. Ефимова, И.Р. Григулевича. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру / отв. ред. А.В. Ефимов, И.А. Золотаревская. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

- Л.А. Файнберг // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 171–172.
- Народы Америки / под ред. А.В. Ефимова, С.А. Токарева. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I–II.
- Народы против расизма / ред. колл.: А.В. Ефимов, И.Р. Григулевич, Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 1970.
- Нации Латинской Америки. Формирование. Развитие / ред. А.В. Ефимов, И.Р. Григулевич, С.А. Гонионский. М.: Наука, 1964.
- Национальные процессы в США / отв. ред. С.А. Гонионский, А.В. Ефимов, Ш.А. Богина. М.: Наука, 1973.
- Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике / отв. ред. С.А. Гонионский. М.: Наука, 1974.
- Национальные проблемы Канады / отв. ред. Ю.П. Аверкиева. М.: Наука, 1972.
- «Нет!» – расизму / ред. колл.: А.В. Ефимов, И.Р. Григулевич, Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 1969.
- Нитобург Э.Л.* Политика американского империализма на Кубе, 1918–1939. М.: Наука, 1965.
- Нитобург Э.Л.* Похищение жемчужины. Полтора века экспансионистской политики США на Кубе. М.: Наука, 1968.
- Нитобург Э.Л.* Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- От Аляски до Огненной Земли. История и этнография стран Америки / ред. колл.: И.Р. Григулевич (отв. ред.), И.А. Золотаревская, Р.Ф. Иванов, Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 1967.
- Письма Анны Михайловны Панкратовой (вступительная статья Ю.Ф. Иванова) // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54–79.
- Проблемы истории и этнографии Америки / ред. колл.: Ю.В. Бромлей (отв. ред.), Ю.П. Аверкиева, Н.Н. Болховитинов, Ш.А. Богина, И.Ф. Хорошаева. М.: Наука, 1979.
- Против расизма / под ред. А.В. Ефимова, И.Р. Григулевича, В.В. Иванова, Э.Л. Нитобурга. М.: Наука, 1966.
- VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 августа 1964 г.). М.: Наука, 1970. Т. X.
- VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3–10 августа 1964 г.). М.: Наука, 1971. Т. XI.
- С.А. Гонионский // Советская этнография. 1975. № 2. С. 188.
- Современная американская этнография. Теоретические направления и тенденции / отв. ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Список основных трудов д.и.н. Ш.А. Богиной (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 130–131.
- Тумаркин Д.Д.* «О тамо, кайе!»: воспоминания и размышления ученого-путешественника. М.: Наука, 2018.
- Файнберг Л.А.* Индейцы Бразилии. Очерки социальной и этнической истории. М.: Наука, 1975.
- Файнберг Л.А.* Общественный строй эскимосов и алеугов от материнского рода к соседской общине. М.: Наука, 1964.
- Федорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в. – 1867 г. М., 1971.
- Хорошаева И.Ф.* Мексиканская выставка в Москве // Советская этнография. 1961. № 2. С. 124–131.
- Хорошаева И.Ф.* Современное индейское население Мексики // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. LVIII / отв. ред. А.В. Ефимов, Ю.П. Аверкиева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 156–202.

- Чили. Политика. Экономика. Культура / ред. кол.: С.А. Гонионский и др. М.: Наука, 1965.
- Шур Л.А. К берегам Нового Света: Из неопубликованных записок русских путешественников начала XIX в. М.: Наука, 1971.
- Эквадор. Историко-этнографические очерки / ред. А.В. Ефимов, И.П. Григулевич, В.М. Гончаров. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Ю.А. Зубрицкий (1923–2007) // Латинская Америка. 2007. № 5. С. 107–109.
- Fainberg L.A. The Contemporary Situation of the Eskimos (1940–1960) and the Problem of their Future in the Works of American and Canadian Ethnographers // Soviet Anthropology and Archeology. 1965. Vol. 4, № 1. P. 27–45.
- Fedorova S.G. The Russian population of Alaska and California. Late 18th Century – 1867. Kingston, Ontario, Canada, 1973.
- Ginzburg V.V. A Trip to Cuba // Soviet Anthropology and Archeology. 1966. Vol. 5, № 2. P. 44–49.
- Knorozov Iu.V. Machine Decipherment of Maya Script // Soviet Anthropology and Archeology. 1962. Vol. 1, № 3. P. 43–50.
- Zhuk S.I. Nikolai Bolkhovitinov and American studies in the USSR: People's diplomacy in the Cold War. Lanham: Lexington books, 2017.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2020 г.

Alexei Vladimirovich Efimov and Soviet 'etnoamerikanistika': The Thaw and cold times*

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/6

Roman N. Ignatiev, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: roman.ignatiev@gmail.com

Abstract. The article discusses the Soviet ethnographic studies of the Americas in the 1950s and 1960s. The Moscow division of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences) played a key role in the research of American realities from the Marxist-Leninist point of view. The article gives an analysis of the archival documentation on academic interactions (protocols of meetings at the Department of America and verbatim reports of the Institute's Academic Council sessions) taking into account the social context of the time. It is concluded that the contribution of Moscow ethnographers of the Americas, under the leadership of Alexei Vladimirovich Efimov, determined the development of Russia's ethnographic studies of the Americas for decades to come, although their work also reflected values and ideological constraints of the Soviet society. However, the model of Soviet *etnoamerikanistika*, which successfully used ideology to access resources of a 'closed society', could not overcome its internal contradictions when the Cold War was winding down.

Keywords: Alexei Vladimirovich Efimov, ethnography, America, Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences

*Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Averkieva Iu.P. Iz istorii obshchestvennogo stroia indeitsev Severo-zapadnogo poberezh'ia Severnoi Ameriki (rod i potlach u tlinkitov, khaida i tsimshiiian k seredine XIX v.) [From the history of the social organization of Northwest Coast Indians in North America (clan and potlatch among the Tlingit, Haida and Tsimshian by the mid-nineteenth century)]. In: Efimov A.V., Averkieva Iu.P. (eds.) *Amerikanskii etnograficheskii sbornik I / Trudy IE*

- AN SSSR. Novaia seriia* [American Ethnographic Collection I / USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography Publications]. Vol. LVIII. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960, pp. 5-126.
- Averk'ieva Iu.P. *Indeiskoe kochevoe obshchestvo XVIII–XIX vv.* [Indian nomad society, 18th to 19th centuries]. Moscow: Nauka, 1970.
- Averk'ieva Iu.P. *Indeitsy Severnoi Ameriki. Ot rodovogo obshchestva k klassovomu* [North American Indians. From clan to class]. Moscow: Nauka, 1974.
- Averk'ieva Iu.P. Razlozhenie rodovoi obshchiny i formirovanie ranneklassovykh otnoshenii v obshchestve indeitsev severo-zapadnogo poberezh'ia Severnoi Ameriki [The decay of clan and the formation of early class relations among the Indians of the Northwest Coast in North America]. In: *Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaia seriia* [USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography Publications]. Vol. 70. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961.
- A.V. Efimov. *Sovetskaia etnografiia*, 1972, no. 1, pp. 195-197.
- Aleksandrenkov E.G. Raboty na Kube v 1980-e – 1990-e gg. po sostavleniiu Etnograficheskogo atlasa: dostizheniia i nedostatki [Compiling the Ethnographic Atlas in Cuba in the 1980s and the 1990s: Achievements and failures]. In: Martynova M.Iu., Piterskaia E.S., Vorob'ev D.V. (eds.) *Istochniki i istoriografiia po antropologii narodov Ameriki* [Sources and the historiography of the anthropology of the peoples of the Americas]. Moscow: IEA RAN, 2017, pp. 337-343.
- Potekh'in I.I. (ed.) *Anglo-amerikanskaia etnografiia na sluzhbe imperializma (Sbornik statei) / Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaia seriia* [Anglo-American ethnography in the service of imperialism (A collection of papers) / USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography Publications. The New Series]. Vol. XII. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1951.
- Arutiunov S., Mints L. S.Ia. Serov (1940–1992). *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 1, pp. 171-173.
- Atlas geograficheskikh otkrytii v Sibiri i v Severo-Zapadnoi Amerike* [The Atlas of Geographical Discoveries in Siberia and the American Northwest]. Ed. and introduction by A.V. Efimov. Moscow: Nauka, 1964.
- Bartolome de Las-Kasas. *K istorii zavoevaniia Ameriki* [Toward the history of the conquest of America]. Ed. by I.R. Grigulevich. Moscow: Nauka, 1966.
- Bogina Sh.A. *Immigratsiia v SShA nakanune i v period Grazhdanskoi voiny (1850–1865 gg.)* [Immigration to the USA just before and during the Civil War, 1850 to 1865]. Moscow: Nauka, 1965.
- Braziliia. Ekonomika. Politika. Kul'tura* [Brazil. Economy. Politics. Culture]. Editorial board: A.V. Efimov, I.R. Grigulevich et al. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.
- Venezuela. Ekonomika. Politika. Kul'tura* [Venezuela. Economy. Politics. Culture]. Ed. by S.A. Gonionskii. Moscow: Nauka, 1967.
- Grigulevich I.R. *Kul'turnaia revoliutsiia na Kube* [The cultural revolution in Cuba]. Moscow: Nauka, 1965.
- Gonionskii S.A. *Kolumbiia. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Columbia. Historical and ethnographic essays]. Moscow: Nauka, 1973.
- Gurvich I.S. O rabote sektsii VII Mezhdunarodnogo kongressa antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk [On the sessions held during the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences]. *Sovetskaia etnografiia*, 1964, no. 6, pp. 153-168.
- Davidson A.B. Osnovatel' Instituta Afriki [The founder of the Institute of Africa]. In: Davidson A.B. (ed.) *Stanovlenie otechestvennoi afrikanistiki (1920-e – nachalo 1960-kh gg.)* [The development of USSR African Studies from the 1920s to the early 1960s]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 116-135.
- Dokumenty oblichaiut rasizm* [Documents denounce racism]. Editorial board: I.R. Grigulevich, A.V. Efimov, E.L. Nitoburg. Moscow: Nauka, 1968.
- Ershova G.G. *Poslednii genii XX veka: Iurii Knorozov: sud'ba uchenogo* [The last geniuses of the twentieth century: Iurii Knorozov: The scientist's fate]. Moscow: RGGU, 2019.

- Efimov A.V. *SShA: Puti razvitiia kapitalizma (doimperialisticheskaia epokha)* [The USA: Ways of capitalist development (pre-imperialist era)]. Moscow: Nauka, 1969.
- Zolotarevskaia I.A. Istorii konfederatsii krikov [The history of the Creek Confederacy]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences)]. Vol. 19. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, pp. 94-102.
- Zolotarevskaia I.A. *Otchet o poezdke v SShA* [Report on the trip to the USA]. Moscow, 1959.
- Ivanov R.F. Andrei Vladimirovich Efimov (1896–1971). In: *Portrety istorikov: Vremia i sud'by* [Portraits of historians: Time and destinies]. Vol. 2. Moscow, Ierusalim: Universitetskaia kniga, Gesharim, 2000, pp. 369-381.
- Tokarev S.A., Zolotarevskaia I.A. (eds.) *Indeitsy Ameriki. Etnograficheskii sbornik / Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaia seriia* [American Indians. Ethnographic collection / USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography Publications. The New Series]. Vol. XXV. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955.
- Istomin A.A. Iz istorii Sektora narodov Ameriki IEA RAN [From the history of the Department of the Peoples of Americas]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 6, pp. 12-18.
- Istomin A.A. K istorii sozdaniia dvukhtomnika «Rossiia v Kalifornii»: nachalo, 1985–1991 gody [Toward the history of preparing the two-volume publication ‘Russia in California’: The beginning, 1985–1991]. In: *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii. Vol. 2* [Three centuries of Russian ethnography: Pages of history. Vol.2]. Eds. M.M. Kerimova, A.A. Sirina, compiled by M.M. Kerimova. Moscow: IEA RAN, 2019, pp. 270-284.
- Kinzhalov R.V. *Iskusstvo drevnei Ameriki* [The art of the ancient Americas]. Moscow: Iskustvo, 1962.
- Kozenko B.D. Lev Izrailevich Zubok. In: *Portrety istorikov: Vremia i sud'by* [Portraits of historians: Time and destinies]. Vol. 2. Moscow, Ierusalim: Universitetskaia kniga, Gesharim. 2000, pp. 359-368.
- Kozlov S.Ia. Dve zhizni Iosifa Romual'dovicha Grigulevicha (k 90-letiiu so dnia rozhdeniia) [Two lives of Iosif Romualdovich Grigulevich (Towards the 90th anniversary)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 2, pp. 126-135.
- Kozlov S.Ia. E.L. Nitoburg. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2009, no. 2, pp. 156-159.
- Korsun S.A. *Amerikanistika v Kunstkamere: sobirатели, ekspeditsii, kolleksii*. 2-e izd., ispr. i dop. [American Studies and the Kunstkamera: Gatherers, expeditions, collections]. St. Petersburg: MAE RAN, 2019.
- Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR* [Brief reports of the Institute of Ethnography (USSR Academy of Sciences)]. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946.
- Kuba. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Cuba. Historical and ethnographic essays]. Eds. A.V. Efimova, I.R. Grigulevicha. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961
- Kul'tura indeitsev. Vklad korenного naseleniia Ameriki v mirovuiu kul'turu* [The culture of the Indians. The contribution of the indigenous population of the Americas to the world's culture]. Eds. A.V. Efimov, I.A. Zolotarevskaia. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963.
- L.A. Fainberg. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 5, pp. 171-172.
- Narody Ameriki* [The peoples of the Americas]. Eds. A.V. Efimova, S.A. Tokareva. Vol. I-II. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959.
- Narody protiv rasizma* [The peoples against racism]. Editorial board: A.V. Efimov, I.R. Grigulevich, E.L. Nitoburg. Moscow: Nauka, 1970.
- Natsii Latinskoj Ameriki. Formirovanie. Razvitie* [Latin American nations. Formation and development]. Eds. A.V. Efimov, I.R. Grigulevich, S.A. Gonionskii. Moscow: Nauka, 1964.
- Natsional'nye protsessy v SShA* [National processes in the USA]. Eds. S.A. Gonionskii, A.V. Efimov, Sh.A. Bogina. Moscow: Nauka, 1973.
- Natsional'nye protsessy v Tsentral'noi Amerike i Meksike* [National processes in Central America and Mexico]. Ed. by S.A. Gonionskii. Moscow: Nauka, 1974.
- Natsional'nye problemy Kanady* [Canada's national issues]. Ed. by Iu.P. Averkieva. Moscow: Nauka, 1972.

- «Net!» – rasizmu [‘No!’ to racism]. Editorial board: A.V. Efimov, I.R. Grigulevich, E.L. Nitoburg. Moscow: Nauka, 1969.
- Nitoburg E.L. *Politika amerikanskogo imperializma na Kube, 1918–1939* [The politics of American imperialism in Cuba, 1918–1939]. Moscow: Nauka, 1965.
- Nitoburg E.L. *Pokhishchenie zhemchuzhiny. Poltora veka ekspansionistskoi politiki SShA na Kube* [The abduction of the pearl. A century and a half of US expansionist politics in Cuba]. Moscow: Nauka, 1968.
- Nitoburg E.L. Iu.P. Petrova-Averkieria: uchenyi i chelovek [Iu.P. Petrova-Averkieria: Scientist and human being]. In: *Repressirovannye etnografy* [Repressed ethnographers]. Ed. and compiled by D.D. Tumarkin. Vol. 2. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 399–428.
- Ot Aliaski do Ognennoi Zemli. Istoriia i etnografiia stran Ameriki* [From Alaska to the Land of Fire. The history and ethnography of American countries]. Editorial board: I.R. Grigulevich (executive editor), I.A. Zolotarevskiaia, R.F. Ivanov, E.L. Nitoburg. Moscow: Nauka, 1967.
- Pis'ma Anny Mikhailovny Pankratovoi (vstupitel'naia stat'ia Iu.F. Ivanova) [The letters by Anna Mikhailovna Pankratova (Introduction by Iu.F. Ivanov)]. *Voprosy istorii*, 1988, no. 11, pp. 54–79.
- Problemy istorii i etnografii Ameriki* [Issues in the history and ethnography of the Americas]. Editorial board: Iu.V. Bromlei (executive editor), Iu.P. Averkieva, N.N. Bolkhovitinov, Sh.A. Bogina, I.F. Khoroshaeva. Moscow: Nauka, 1979.
- Protiv rasizma* [Against racism]. Eds. A.V. Efimova, I.R. Grigulevicha, V.V. Ivanova, E.L. Nitoburga. Moscow: Nauka, 1966.
- VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. Moskva (3–10 avgusta 1964 g.)* [7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Moscow, 3rd to 10th August 1964]. Vol. X. Moscow: Nauka, 1970.
- VII Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk. Moskva (3–10 avgusta 1964 g.)* [7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Moscow, 3rd to 10th August 1964]. Vol. XI. Moscow: Nauka, 1971.
- S.A. Gonionskii. *Sovetskaia etnografiia*, 1975, no. 2, pp. 188.
- Sovremennaia amerikanskaia etnografiia. Teoreticheskie napravleniia i tendentsii* [Contemporary American ethnography. Theoretical and other trends]. Eds. A.V. Efimov, Iu.P. Averkieva. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.
- Spisok osnovnykh trudov d.i.n. Sh.A. Boginoi (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) [The main works of Sh.A. Bogina (Dedicated to the 80th anniversary of her birth)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992, no. 4, pp. 130–131.
- Tumarkin D.D. «*O tamo, kaie!*»: vospominaniia i razmyshleniia uchenogo-puteshestvennika [‘*O tamo, kaie!*’: The memories and reflections of a scientist and traveller]. Moscow: Nauka, 2018.
- Fainberg L.A. *Indeitsy Brazili. Ocherki sotsial'noi i etnicheskoi istorii* [The Indians of Brazil. Essays on social and ethnic history]. Moscow: Nauka, 1975.
- Fainberg L.A. *Obshchestvennyi stroi eskimosov i aleutov ot materinskogo roda k sosedskoi obshchine* [The social organization of the Eskimo and Aleut people: From maternal clan to community of neighbours]. Moscow: Nauka, 1964.
- Fedorova S.G. *Russkoe naselenie Aliaski i Kalifornii. Konets XVIII v. – 1867 g.* [The Russian population of Alaska and California from the late 18th century to 1867]. Moscow, 1971.
- Khoroshaeva I.F. *Meksikanskaia vystavka v Moskve* [The Mexican exhibition in Moscow]. *Sovetskaia etnografiia*, 1961, no. 2, pp. 124–131.
- Khoroshaeva I.F. *Sovremennoe indeiskoe naselenie Meksiki* [The contemporary Indian population of Mexico]. In: *Trudy IE AN SSSR. Novaia seriia*. Vol. LVIII [USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography Publications. The New Series. Vol. LVIII]. Eds. A.V. Efimov, Iu.P. Averkieva. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960, pp. 156–202.
- Chili. Politika. Ekonomika. Kul'tura* [Chile. Politics. Economy. Culture]. Editorial board: S.A. Gonionskii i dr. Moscow: Nauka, 1965.

- Shur L.A. *K beregam Novogo Sveta: Iz neopublikovannykh zapisok russkikh puteshestvennikov nachala XIX v.* [To the shores of the New World: From the unpublished notes of Russian travellers of the early nineteenth century] Moscow: Nauka, 1971.
- Ekvador. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Ecuador. Historical and ethnographic essays]. Eds. A.V. Efimov, I.R. Grigulevich, V.M. Goncharov. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.
- Iu.A. Zubritskii (1923–2007). *Latinskaia Amerika*, 2007, no. 5, pp. 107-109.
- Fainberg L.A. The Contemporary Situation of the Eskimos (1940–1960) and the Problem of their Future in the Works of American and Canadian Ethnographers. *Soviet Anthropology and Archeology*, 1965, Vol. 4, no. 1, pp. 27-45.
- Fedorova S.G. *The Russian population of Alaska and California. Late 18th Century – 1867*. Kingston, Ontario, Canada, 1973.
- Ginzburg V.V. A Trip to Cuba. *Soviet Anthropology and Archeology*, 1966, Vol. 5, no. 2, pp. 44-49.
- Knorozov Iu.V. Machine Decipherment of Maya Script. *Soviet Anthropology and Archeology*, 1962, Vol. 1, no. 3, pp. 43-50.
- Zhuk S.I. *Nikolai Bolkhovitinov and American studies in the USSR: People's diplomacy in the Cold War*. Lanham: Lexington books, 2017.

MISCELLANEA

УДК 316.33

DOI: 10.17223/2312461X/31/7

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВ

Дмитрий Михайлович Бондаренко

Аннотация. Общества представляют собой системы, состоящие из большого числа разнообразных взаимодействующих и изменяющихся социальных институтов. В результате их взаимодействия и трансформации происходит изменение структуры обществ в целом. Это и есть социальная эволюция – процесс структурного изменения. Эволюция не имеет определенного направления: любое значимое, т.е. трансформирующее общественную структуру в любом направлении, изменение является эволюционным. Помимо степени сложности, определяемой количеством уровней политической интеграции, общества как системы социальных институтов имеют еще одну фундаментальную характеристику, которую можно назвать базовым принципом организации. То, какой принцип воплощает общество, зависит от характера взаимоотношения социальных институтов в нем. Можно выделить два базовых принципа организации обществ: гетерархический (взаимоотношение институтов, при котором они неранжированы или обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными различными способами) и гомоархический (взаимоотношение институтов, при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают значительным потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другими способами, по крайней мере, без кардинального изменения всего общественно-политического устройства). Гомоархия и гетерархия представляют собой наиболее универсальные «идеальные» (обобщенные) принципы и базовые траектории социокультурной организации. Не существует универсальных эволюционных стадий: общества могут быть (преимущественно) гетерархическими или гомоархическими, имея одинаковый уровень сложности. Общество может изменить базовый принцип своей организации, не переходя на иной уровень сложности. Альтернативность существует и внутри каждого из двух типов обществ. Дихотомия гетерархии и гомоархии проходит через всю историю человечества: ее можно наблюдать на всех уровнях социальной сложности во все исторические периоды и во всех географических регионах, включая глобальный мир нашего времени. Трансформации способов ранжирования социальных институтов и их комплексов – подсистем общественной организации (гомоархического или гетерархического), с одной стороны, и изменения общего уровня социокультурной сложности – с другой, – есть два разных, в целом не связанных друг с другом процесса. Дихотомия гетерархии и гомоархии в значительной степени обусловила неоднолинейную и альтернативную сущность глобального социокультурного процесса. Адекватное понимание социокультурной истории не представляется возможным без учета альтернативности базовых принципов организации обществ, их взаимодополняющего и конкурентного существования

и их взаимной динамики на всем протяжении истории человечества. Учет этого также позволяет рассматривать будущее современного глобального мира как не predetermined, но имеющее несколько возможных сценариев, в которых гомоархический и гетерархический принципы могут по-разному соотноситься на различных уровнях – национальном, международном и транснациональном.

Ключевые слова: социальные институты, принципы организации обществ, гетерархия, гомоархия, социальная эволюция

Введение

Общества представляют собой сложные динамические системы взаимодействующих и пересекающихся элементов – социальных институтов. Каждая такая система институтов (как и каждый отдельный институт) формируется в конкретных, в той или иной степени специфических и даже уникальных социокультурных и исторических условиях. Этим определяется своеобразие ее структуры и механизмов функционирования. То, каким образом социальные институты взаимосвязаны, определяет базовый принцип организации общества. По нашему мнению, этих принципов два, и они проходят через всю историю человечества: любое общество любой эпохи, как правило, более или менее ярко воплощает тот или иной из них. Это означает, что речь идет именно об организационных принципах, а не эволюционных стадиях или социально-политических формах – о двух различных (хотя и пересекающихся, даже взаимодополнительных в социоисторической реальности) базовых принципах, на которых основываются общества всех уровней сложности как системы институтов. То есть помимо сложности, измеряемой в антропологии количеством уровней политической интеграции, общества как системы социальных институтов имеют еще одну фундаментальную характеристику, которую мы и называем базовыми принципами общественной организации. В данной статье мы постараемся показать, как связано следование обществом одному из базовых принципов организации с тем, как соотносятся и взаимодействуют в нем социальные институты.

Основные характеристики социальных институтов

Понятие «институт» еще в конце XVII – начале XVIII в. использовал философ и предтеча социологической науки Джамбаттиста Вико. Со становлением же общественных научных дисциплин в XIX в. понимание общества как состоящего из социальных институтов и само понятие «социальный институт» прочно вошли в научный обиход. В современной науке наиболее широко распространен взгляд на социальные институты как сложные самовоспроизводящиеся общественные формы в различных сферах жизнедеятельности. В частности, по

известному определению Дж. Гернера, социальный институт – это «комплекс позиций, ролей, норм и ценностей, содержащихся в определенных типах социальных структур и организующий относительно стабильные модели человеческой деятельности в отношении фундаментальных проблем, связанных с производством жизнеобеспечивающих ресурсов, воспроизводством людей и поддержанием жизнеспособных социальных структур в данной среде» (Turner 1997: 6).

Как правило, институты рассматривают как составные части отдельных обществ, которые, в свою очередь, видятся более или менее закрытыми и самодостаточными социокультурными единицами. Однако один институт может охватывать много обществ (например, правовые институты, такие как международные трибуналы или институты международной торговли), и даже институты, функционирующие в одном обществе, могут возникать как реакция на региональные или глобальные вызовы (к примеру, политические институты западного типа в колониальных и постколониальных государствах). Эти утверждения верны для древних и средневековых обществ, тем более, для обществ Нового времени и особенно явственно – для обществ наших дней, когда они стали настолько сложными, что мир превратился в глобальное сообщество и национальные государства уже недостаточны для эффективного управления им. Критические вызовы, с которыми сегодня человечество сталкивается повсеместно, – глобальное потепление, пандемии, международный терроризм и многие другие – не смогут получить достойный ответ без участия наднациональных политических институтов. Таким образом, более продуктивно смотреть на институты даже в отдельном обществе как на части более широких систем институтов, охватывающих множество обществ. Однако также нельзя забывать, что при всей взаимосвязанности общества все же имеют границы, которые обычно знают и соблюдают их члены, даже если политические границы размыты, как во многих мир-системах древности и Средневековья или некоторых современных региональных объединениях, таких как Европейский союз.

Другой важный момент касается обществ как систем социальных институтов различных видов и объединений обществ (государств) как транснациональных систем институтов. Всегда необходимо учитывать, что механизм функционирования систем институтов неправильно уподоблять механизму типа часового. В часах работа всех деталей гармонизирована, скоординирована, и именно этим обеспечивается их точный ход. В обществе же или объединении обществ институты могут не только дополнять друг друга, но и конфликтовать. Более того, этот конфликт институтов может придавать динамизм всей общественной или трансобщественной системе, особенно когда институты являются порождением обществ разных социально-экономических и культурных

типов, например, когда доиндустриальные и индустриальные, автохтонные и западные институты оказались совмещенными в колониальных и постколониальных обществах.

Институты могут не только дополнять или конфликтовать друг с другом. В ходе исторических трансформаций общества социальные принципы и ценности, выработавшиеся в том или ином институте и определявшие его суть, могут выйти за его пределы и стать не менее фундаментальными для более современных институтов в более сложном обществе. Хорошим примером этому служит принцип общинности как основа социокультурной традиции субсахарской Африки. На всем протяжении истории региона от глубокой древности до наших дней община остается в нем базовым социальным институтом. Но в сложных африканских обществах (доколониальных, колониальных и постколониальных) принцип общинности проявляет себя в способности общинных по происхождению и сущности мировидения, сознания, моделей поведения, социально-политических норм и отношений распространяться далеко за пределы общины как конкретного института. Эти общинные принципы, пусть и в модифицированном, а иногда и искаженном виде, сегодня играют важнейшую роль на всех уровнях социокультурной сложности и в огромном множестве институтов, включая социологически над- и необщинные, вплоть до мегаполисов и диаспорных сообществ.

Социальный, т.е. общественный, характер институтов обусловлен тем, что жизнь людей протекает в социуме (обществе), вследствие чего и формы их организации имеют не индивидуальную, а коллективную – социальную – природу. Этим фактом обусловлены важнейшие характеристики социальных институтов.

Во-первых, воспроизводящиеся из поколения в поколение социальные отношения и модели поведения складываются в рамках социальных институтов. Многие институты сами являются системами организаций. Люди включены в организации, становящиеся составными частями институтов, и могут целенаправленно создавать институты индивидуально или коллективно – промышленные корпорации и университеты, политические партии и религиозные общины... Социальные институты не следует антропоморфизировать: они не возникают и не изменяются сами, но создаются и трансформируются людьми. Выдающиеся личности могут налагать особенно яркий отпечаток на облик и характер функционирования институтов, как Петр I – на политические институты в России, или Генри Форд – на экономические институты капиталистических обществ. Однако возникновение и существование в обществе самого феномена социальных институтов не связаны с проявлением чьей-либо осознанной воли. Социальные институты – результат непреднамеренной общественной самоорганиза-

ции. Они существуют потому, что на всем протяжении истории человечества оправдывают себя как оптимальные структурные единицы социального организма – общества. Устанавливая правила поведения вовлеченных в них людей и тем самым ограничивая их индивидуальную свободу, институты упорядочивают и регулируют межличностные и межгрупповые, т.е. общественные, отношения, позволяя существовать и развиваться социуму как целому.

Вопрос же о том, почему люди чаще всего добровольно соглашались принимать общественные нормы и тем самым ограничивать свободу своего поведения, по сей день остается одним из наиболее дискуссионных в обществознании (см. например: Austin 1962; Claessen 2005). В социальной философии теория коллективного принятия институтов утверждает, что люди принимают институты потому, что они всегда являются результатом коллективных усилий: люди создают институты совместно и принимают ограничения, которые институты налагают на их поведение, как устанавливаемые ими самими, а не какой-либо внешней силой (см. например: Realism... 2003: 169–278; Searle 2010; Tuomela 2013; Institutions... 2014).

В некоторых других общественных науках, в частности в антропологии, теория коллективного действия предлагает практически ту же точку зрения (например: Cooperation... 2013; Blanton, Fargher 2016). Необходимо отметить, что когда люди хотят изменить свои социальные институты, они делают это также посредством коллективных действий (Melucci 1996; Francisco 2010). «...фундаментальные институты общества обязаны своей стабильностью принятию или, по крайней мере, согласию, которого они добиваются от граждан. Если это принятие или согласие исчезает, прежние институты уходят, поскольку открываются шлюзы для коллективных действий» (Medina 2007: xviii).

Во-вторых, появление социальных институтов и их существование в том или ином виде всегда обусловлены исторически и социокультурно. Хотя деятельность людей не запрограммирована полностью историческими и социокультурными условиями бытия, эти условия все же задают определенные рамки проявлений их свободы воли. К примеру, университет как образовательный институт не мог быть создан в архаическом обществе – для этого не было социальных предпосылок, общественной потребности в подобном институте. Но это не означает, что в архаическом обществе не было институтов обучения; просто они были иными – адекватными реалиям именно такого общества. Обучение в нем состояло прежде всего в усвоении человеком общественно-полезных навыков путем наблюдения за действиями старших членов коллектива и следования их указаниям при попытках эти действия повторить.

В-третьих, общественная природа институтов проявляется в том, что возникновение каждого из них обусловлено необходимостью удовлетворения тех или иных потребностей группы обществ, отдельного общества или его части. По мере изменения и исчезновения соответствующих потребностей трансформируются и прекращают существование призванные удовлетворять их институты. Например, институт общины возник как изначальная форма удовлетворения целого комплекса потребностей человека – экономических, социокультурных и т.д. – в доиндустриальных обществах. На протяжении многих тысячелетий докапиталистической истории человечества община обретала различные формы, адекватные потребностям социума той или иной эпохи, того или иного региона. Скажем, неолитическая ближневосточная община имела множество отличий от общины средневековой Европы. Со становлением же капитализма община стала разлагаться, перестав удовлетворять потребностям индустриализовавшегося общества, тормозя его развитие. Однако в большинстве колониальных и постколониальных социумов, как было сказано выше, община оставалась и остается базовым институтом, поскольку, несмотря на привнесение многих капиталистических институтов и видов отношений, в них (особенно в сельской местности) продолжали и продолжают существовать важные сферы и сегменты, которым община по-прежнему адекватна. В частности, «развитие Африки должно строиться на независимых национальных государствах, чья экономическая основа – доиндустриальное сельское хозяйство» (Hart 2011: 13). В то же время и в Африке, там, где в сельской местности все же развивается капитализм, «декрестьянизация» начинает угрожать существованию общины как социального института (Brucson 2018) при сохранении принципа общинности.

В-четвертых, институты функционируют на основе норм. Некоторые ученые даже считают, что социальные институты – это именно своды норм (общественных условностей, правил), а не учреждения и организации (например: Schotter 1981; North 1992; Taylor 1993). Нормы определяют правила поведения людей в рамках тех или иных институтов и сами рамки институтов – набор ситуаций и сфер жизнедеятельности, в которых члены общества должны вести себя в соответствии с нормами данного института. Тем самым нормы влияют на общественное поведение людей в рамках институтов, предписывая им одни социальные роли (модели поведения), допуская другие и запрещая третьи. За нарушение норм предусматриваются санкции. Нормы и санкции могут быть как писаными, так и неписаными, а институты – соответственно, формальными и неформальными. Естественно, нормы и санкции за их нарушение всегда неписаные (а институты, следовательно, – неформальные) в тех архаических обществах, у которых нет письменности. Но это ни в коей мере не означает, что нормы и санкции в них

менее жесткие, а институты всегда более аморфные. Неписанные нормы основаны на так называемом обычном праве, которое, в свою очередь, воплощает в себе социокультурную традицию народа. Традиция же воспринимается как незыблемая, не нуждающаяся в доказательствах своей ценности и истинности, а потому поведение вопреки ей может быть строго наказуемо. В обществах, обладающих письменностью, деятельность социальных институтов в значительной степени официально (законодательно) регламентирована, основные институты формализованы. Но и в них остается место для неформальных институтов (объединений родственников, землячеств, политических кланов и т.д.) и неписанных норм, обусловленных в современных социумах силой общественного мнения, а также санкций, основанных не на наказании, а на моральном осуждении.

Процесс сложения социального института – институционализации, начинаясь с появления общественной потребности в нем, завершается с установлением норм, на основе которых он начинает существовать, и выработкой иерархии статусов и ролей вовлеченных в него индивидов и групп. В этой иерархии каждый, кто включается в данный социальный институт, обретает то или иное место неизбежно, потому что становится его членом в определенном качестве, выполняет в нем ту или иную функцию. Системы статусов и ролей в рамках социальных институтов образуют их внутреннюю структуру. Поскольку с течением времени общественные условия существования социальных институтов меняются, системы статусов и ролей в них претерпевают трансформации. То есть структура институтов динамична, а история трансформаций систем статусов и ролей в них составляет суть истории самих социальных институтов.

Отдельный социум, мир-система, а в наши дни – и транснациональное глобальное сообщество могут быть представлены как системы социальных институтов. Социальные институты – единицы его организации, и общественные трансформации происходят в виде трансформаций институциональных – самих институтов и связей между ними. Каждый индивид включен во множество институтов, образующих его общество. По ходу социальной истории общества и системы обществ все более усложняются, и количество и разнообразие институтов, в которые вовлечен человек, нарастает. Как член общества индивид неизбежно и постоянно включен в социальные отношения и поэтому проводит всю жизнь в системе социальных институтов, каждодневно ситуативно «перемещаясь» из одного института в другой.

Отдельные общества и мир-системы состоят из социальных институтов, но они больше, чем их совокупность, и сложнее, нежели конструкция из подогнанных друг к другу отдельных деталей, подобно стоящему из бревен, кирпичей или панелей дому. Социальные институ-

ты обладают той или иной степенью автономности, но они никогда не изолированы друг от друга. Существенные изменения в одном институте неизменно сказываются на других институтах. Общество является сложной динамической системой пересекающихся, взаимозависимых, находящихся в постоянном многонаправленном взаимодействии друг с другом социальных институтов. В конечном счете, общество есть система взаимосвязанных социальных институтов. Это так потому, что комплекс социальных институтов удовлетворяет (или, во всяком случае, призван удовлетворять) всю совокупность отдельных общественных потребностей. В свою очередь, их удовлетворение необходимо для непрерывного самовоспроизводства общества, что можно считать его наиглавнейшей потребностью.

Базовые принципы организации обществ

Даже самые простые общества состоят из множества социальных институтов. Организационный принцип, который воплощает общество, зависит от того, как соотносятся в нем институты – как они ранжированы по отношению друг к другу. К. Крамли ввела в антропологию понятие «гетерархия». В прямом соответствии с содержанием этого понятия в биофизике, откуда она и перенесла этот термин в науку об обществе, К. Крамли определяет гетерархию «...как взаимоотношение элементов, при котором они неранжированы или когда они обладают потенциалом для того, чтобы быть ранжированными несколькими различными способами» (например: Crumley 1995: 3). Соответственно, противоположная гетерархии ситуация может быть названа «гомоархией» и определена как взаимоотношение элементов (социальных институтов), при котором они жестко ранжированы единственным образом и не обладают (или обладают небольшим) потенциалом для того, чтобы стать неранжированными или ранжированными другим или несколькими другими способами, по крайней мере, без кардинального изменения всего общественно-политического устройства.

Оппозицией «гетерархии» является именно «гомоархия», а не «иерархия» потому, что не бывает неиерархических (не имеющих иерархий), в полном смысле слова эгалитарных обществ; обычно «неиерархическими» или «эгалитарными» неточно и неверно называют общества, в которых сложилась система гетерархически соотносящихся друг с другом иерархий. Иерархия – атрибут любой социальной системы, притом что в любом обществе можно наблюдать и «вертикальные» (доминирования – подчинения), и «горизонтальные» (равноправные) социальные связи. Однако «вертикальные» и «горизонтальные» связи играют различную роль в разных обществах в каждый конкретный момент. Так что вопрос о различиях между обществами с точки зрения их

организации как систем институтов заключается не в том, образуют институты иерархии или нет, но в том, как эти иерархии институтов взаимосвязаны. Даже у так называемых эгалитарных охотников и собирателей, которые могли не иметь родов или иных десцентных групп, концепций социальной иерархии и лидерства, чье мировидение подталкивало их к тому, чтобы «усердно стараться относиться ко всем как к равным» (Flannery, Marcus 2012: 549), а «накопление богатства считалось асоциальным» (Barnard 2017: 331), – хадза, шошонов, палиян и др., – ученые обнаруживают минимальную социальную дифференциацию и, соответственно, иерархии и неравенство в сочетании с неформальным лидерством (например: Johnson 1982; Johnson, Earle 2000; Lewis 2002; Артемова 2009). С исторической точки зрения «общепринятый в науке взгляд, согласно которому изначальное социальное равенство было естественным состоянием человечества и отправной точкой человеческой истории, может оказаться научной конструкцией, несовместимой с реалиями древности» (Finlayson, Artemova 2020: 9). Также важно, что дочеловеческие «...виды приматов... демонстрируют разнообразие степеней доминирования», а не эгалитарность (Butovskaya 2020: 20). Не только не следует путать гетерархию с эгалитаризмом в строгом смысле этого слова, но и гомоархия не должна отождествляться с иерархией.

В то же время необходимо подчеркнуть, что невозможно обнаружить не только общества с полным отсутствием иерархий (в том числе неформальных), но и всецело гомоархические общества. С одной стороны, как справедливо отмечает П.П. Швайцер, необходимо «уничтожить общий ярлык “эгалитарности” и превратить его в континуум реальных констелляций неравенства ... даже горячие сторонники “первобытного коммунизма” соглашаются, что “полного равенства” не существует...» (Schweitzer 2000: 129). С другой стороны, на противоположном конце шкалы уровней сложности даже такие общества, как «архаические государства», обычно представляемые обществами с низкой социальной мобильностью и высокой степенью забюрократизированности (Египет эпохи фараонов, Ур времени III династии, держава инков и др.), в действительности «были *и* гетерархическими, *и* иерархическими [гомоархическими]» (выделено авторами. – Д.Б.) (Marcus, Feinman 1998: 11). Таким образом, на самом деле речь должна идти не о гетерархических и гомоархических обществах как составляющих жесткую оппозицию друг другу типах, а об оси гетерархии-гомоархии, вдоль которой в той или иной точке располагаются все общества. Более того, на уровне не теории, а исторических реалий иногда кажется слишком затруднительным обозначить общество как «гомоархическое» или «гетерархическое» даже на самом общем уровне анализа, как в случаях с позднеантичными германцами и раннесредневековыми «варварскими

королевствами», в которых монархическая власть и достаточно жесткая социальная иерархия сочетались (по крайней мере, поначалу) с демократическими институтами и процедурами (например, выборами короля), не менее значимыми для функционирования социально-политической системы как целого. Уже достаточно давнее высказывание Г. Файнмана остается актуальным: «Антропологи долго дискутировали о спектре социальных механизмов, интегрирующих людей посредством и горизонтальных (более эгалитарных), и вертикальных (более иерархических) связей», но только «продолжающиеся сравнительные исследования должны помочь поместить эти разнообразие социальные приспособления в более широкий диахронный контекст» (Feinman 1996: 189). Как бы то ни было, нереально измерить степень гетерархичности и гомоархичности того или иного общества с математической точностью, например, в процентах. Сугубо количественный подход здесь вообще неприемлем: наличие в обществе, допустим, десяти социальных иерархий не делает его более гетерархическим и менее гомоархическим по сравнению с обществом с пятью социальными иерархиями, если в первом из них присутствует, а во втором отсутствует одна доминирующая иерархия, организующая систему общественных институтов в целом. Путь к определению общества как преимущественно гетерархического или гомоархического лежит через анализ его как целого – как системы иерархий социальных институтов, и целью этого анализа должен быть не подсчет иерархий, а понимание характера и способа их взаимосвязи.

Следовательно, вопросы, встающие при исследовании под данным углом зрения конкретного общества, – жестко, всегда единообразно или не жестко и ситуативно ранжированы в нем иерархии: оказываются ли некие два индивида или группы индивидов единообразно ранжированными по отношению друг к другу в любом социальном контексте? К примеру, в образцово гетерархическом обществе пуштунов долины Сват, каковым оно предстает в описании Ф. Барта (Barth 1959), человек мог занимать неодинаковое место в иерархиях трех пересекавшихся главных элементов социальной организации: территориальных делений, каст и патрилинейных родственных групп, дополнявшихся значительным количеством добровольных ассоциаций, основывавшихся на соседстве, браке и свойстве, политическом и экономическом клиентелизме и т.д. Таким образом, индивид *X* мог быть выше своего соплеменника *Y* в одном социальном контексте, но ниже или равным ему в другом. Еще один архетипический пример сложной гетерархической системы – гражданская община (полис) Афин V–IV вв. до н.э., в которой граждане, имевшие более низкий статус в одной иерархии (допустим, военной), вполне могли занимать более высокое положение в других (скажем, экономической или системе магистратов). Соответ-

ственно, было невозможно утверждать, что один гражданин социально выше или ниже другого в абсолютном смысле. Все граждане эксплицитно уравнивались друг перед другом законом (и им же поднимались над не-гражданами).

В то же время история дает множество примеров ситуаций, в которых управляемые не имели шансов возвыситься над управляющими. Например, русский крепостной крестьянин ни при каких условиях не мог оказаться социально равным дворянину (а тем более выше него), как не может солдат не быть ниже офицера. Вообще регулярная армия представляется идеальным образом в целом гомоархического общества и реальной моделью подобного сообщества. Жесткое вертикальное деление военнослужащих по воинским званиям – ее всеохватывающая основа и залог эффективности функционирования; положение человека в армии есть прямая производная от его позиции на единственной шкале званий, которой всецело определяются сферы и границы его профессиональных обязанностей, ответственности и прав. В то же время неформальные горизонтальные связи соединяют военнослужащих одного и того же или близких званий, устанавливая неформальные вторичные иерархии, например, придавая больший авторитет среди сослуживцев храбрым солдатам, нежели трусливым, талантливым военачальникам, нежели бездарным.

Иерархии социальных институтов отражают иерархию принятых в обществе ценностей. Иначе говоря, каждая иерархия подкрепляется особой системой ценностей, в свою очередь, коренящейся в космологии членов данного общества. С одной стороны, доминирование так называемых коллективных идеологий способствует установлению социокультурной гетерархии и ограничивает индивидуальную власть или даже препятствует появлению ее институтов (Flannery, Marcus 2012; *The Greek Polis...* 2013; Wright 2016). С другой же стороны, общество может считаться гомоархическим, когда в нем утверждается одна ценность, центральная для всех существующих в нем социальных иерархий, не только интегрирующая, но и ранжирующая пирамидальным образом все остальные, вторичные по отношению к ней, ценности и социальные иерархии, за которыми они стоят. В таких условиях эта ценность «охватывает» все остальные и делает общество, по выражению Л. Дюмона (1997), «холистическим», т.е. гомоархическим, когда целое безусловно доминирует над составляющими его частями как высшее выражение этой всеобъемлющей и всепроникающей ценности. Л. Дюмон опирался на свои исследования кастового строя в Индии, приписав статус «охватывающей» идее о степени ритуальной чистоты как определяющей место каждой касты и индивида в индуистском социуме. Ныне взгляды Л. Дюмона нередко подвергаются критике (например: *Hierarchy...* 2018), однако значимость его теоретического вклада подтверждается, например, тоталитарными обществами XX в., в

которых, скажем, идеи коммунизма, маоизма и другие явственно играли роль, приписываемую Л. Дюмоном ритуальной чистоте в Индии.

В подтверждение значимости теоретических положений Л. Дюмона можно привести и примеры так называемых традиционных обществ. В частности, Я. Вансина сделал обобщение, что «королевства Тропической Африки... являлись продуктами идеологии более чем любой другой силы... Королевства Тропической Африки действительно сначала были созданы в умах и укоренены в вере» (Vansina 1992: 21, 24). Даже в простых обществах гомоархизация могла произойти благодаря выдвиганию на передний план идеологий, основанных на «охватывающей» идее фундаментального деления всех членов общества на тех, кто имеет и не имеет доступ к эзотерическим знаниям, и право осуществлять связанную с ними деятельность, в том числе управленческую (Bern 1979; Artemova 2003; Peterson 2020).

Однако «охватывание» не всегда коренится непосредственно в области идей и ценностей. Оно вполне может возникнуть как результат религиозно-идеологической концептуализации уже существующих социально-политических реалий, как это произошло в Полинезии с идеей «кониического клана», или рэмиджа, заключающейся в том, что генеалогическое расстояние от старшей родственной линии есть единственный главный критерий социальной стратификации (например: Sahlins 1958; Goldman 1970; Claessen 2018).

В любом случае, в противоположность «холистическим» (гомоархическим) социумам, в условиях «множественности “иерархических”, или асимметричных, оппозиций, ни одна из которых не сводима ни к одной другой или к единой всеподчиняющей оппозиции или идее», «ситуация немедленно отклоняется от формулировки Дюмона» (Mosko 1994: 214) – общество не подходит под гомоархическую модель. В целом гетерархическом обществе следует ожидать позитивной оценки индивидуализма в его интеллектуальной и социальной жизни («сфокусированной на эго социальной системы» (White 1995)), связанной с установленным в нем акцентом на личные честь и достоинство, как и важности общественного мнения, высокой степени социальной мобильности и, по крайней мере, численного превалирования достигнутых статусов над изначально предопределенными. Это типично не только для таких парадигматических примеров гетерархических культур, как античные полис и цивитас, некоторые позднеантичные и раннесредневековые общества Европы или страны Запада начиная с эпохи Возрождения, но и для многих других культур, возможно, менее знаменитых, но не менее важных для антропологического теоретизирования: «эгалитарных» охотников и собирателей, «акефальных сложных обществ» горных районов, таких как Гималаи или Кавказ, племенных обществ Северной Америки, Евразии и Африки и т.д. – этот список можно было бы продолжать достаточно долго.

При этом важно отметить, что акцент на индивидуализме не делает гетерархические общества цитаделями социального равенства. Напротив, позиционируемая и воспринимаемая как эгалитарная, идеология индивидуализма скорее способствует утверждению социального неравенства, поскольку превращает межличностное соревнование, в котором всегда есть победители и проигравшие, в фундаментальную черту гетерархического общества (Rio, Smedal 2011: 27–34). «На практике сила эгалитарной идеологии заключена в стремлении людей продемонстрировать свое социальное отличие как естественное» (Karferer 2012: 174). Это обстоятельство дает дополнительный повод подчеркнуть, что гетерархия не означает отсутствие иерархии или эгалитарность.

Базовые принципы организации обществ и варианты ранжирования социальных институтов

К. Крамли настаивает на «добавлении термина гетерархия в словарь отношений власти» (Crumley 1995: 3) и видит предпосылку гетерархической социально-политической организации в множественности источников власти, так как ее концепция направлена на изучение непосредственно политической подсистемы общества. Разрабатывая, в частности, проблематику «гетерархического государства», К. Крамли в этом отношении не отличается от большинства более традиционно мыслящих современных теоретиков, для которых «вся прогрессия (общественных форм. – Д.Б.) ...определяется в терминах политической организации» (Vansina 1999: 166) и которые «утверждают, что эволюция социальной сложности должна пониматься прежде всего как политический процесс» (Earle 1994: 940). В конечном счете К. Крамли также склонна видеть в государстве лишь специфическую форму политической организации.

В противоположность этому взгляду, мы считаем правильным и даже необходимым применять оба понятия, гетерархии и гомоархии, в более широких рамках социальных отношений и социальной структуры в целом, а не только в связи с отношениями власти. Политические институты образуют лишь часть структуры общества, неразрывно связанную со всеми ее частями (особенно в доиндустриальных социумах). Чрезмерный акцент на административную систему может приводить к упрощенному отождествлению гетерархии с демократическим политическим строем (Crumley 1995: 3; 2005: 46–47) (в то время как, в частности, гетерархическая социальная структура древнегреческого полиса допускала не только демократические, но также аристократические и олигархические формы политической организации). Общую характеристику же обществу следует давать как целому – как воплощению его

определенного типа. Более того, в этом нам видится возможный ключ к пониманию (по крайней мере, на начальном уровне) условий сложения того или иного общества как гомоархического или гетерархического. Как указывают социологи, «каждая подсистема общества характеризуется своей собственной формой стратификации: прибыль и богатство в экономической сфере, привилегии и власть в политической системе, моральная ценность и личное доверие в религиозной и семейной жизни и престиж и уважение в профессиональном мире» (Laumann, Siegel, Hodge 1970: 589). Следовательно, чем больше взаимосвязаны подсистемы (комплексы институтов, обслуживающих одну и ту же сферу общественной жизни), тем в меньшей степени критерии общего социального ранжирования применимы только к определенным сферам жизнедеятельности общества. Иначе говоря, чем больше взаимозависимы подсистемы (комплексы взаимосвязанных институтов), тем выше вероятность того, что в любом социальном контексте индивиды и их группы будут ранжированы одним и тем же образом на основе одной ценности, «охватывающей» все взаимосвязанные сферы общества. В этом случае можно фиксировать установление гомоархического социального порядка. Логично и то, что среди архаических сложных обществ было больше гомоархических, чем гетерархических, поскольку в условиях господствовавшей в них дюркгеймовской «механической солидарности» редко осуществлялось достаточно четкое разделение сфер общественной жизни.

Таким образом, наш подход основывается на убежденности в том, что, определяя общество как гетерархическое или гомоархическое, необходимо выходить далеко за рамки анализа его политических институтов. Общество должно рассматриваться как целостность, как система институтов всех видов, которая воплощает один из базовых принципов общественной организации, которому адекватна и система политических институтов. В частности, государство представляет собой «...особый тип социальной организации, выражающий особый тип общественного устройства в социуме» (Claessen 2003: 161), а не просто «политическую или управленческую единицу» (Marcus, Feinman 1998: 4). Общество дополняет и сочетает политические характеристики с характеристиками социальными, а через них – и экономическими. (Однако следует иметь в виду, что социальная и политическая подсистемы могут развиваться асинхронно: не всегда, но часто политическая система эволюционирует более быстрыми темпами.) В то же время, как подчеркивалось выше, в обществах неправильно видеть изолированные сущности – почти всегда они являются частями социокультурных сетей, в рамках которых происходят динамические трансформационные процессы. С этой точки зрения особенно показательны примеры систем политик суверенных доколониаль-

ных городов майя, йоруба и хауса: они состояли из обществ, в большинстве случаев организованных преимущественно гомоархически, но эти системы политий так никогда и не превратились в интегрированные империи, а оставались в целом гетерархическими социокультурными сетями, пусть в отдельные исторические периоды в них и доминировали те или иные политии (города).

Базовый принцип создания иерархии социальных институтов в том или ином обществе существенно влияет на характер отношений в нем, направление и темпы его трансформации. Эти процессы могут иметь любое направление и привести как к повышению, так и понижению или сохранению прежнего общего уровня социокультурной сложности общества, к сохранению прежнего базового принципа его организации или смене базового принципа с гетерархического на гомоархический или наоборот (некоторые примеры подобных метаморфоз см.: (Березкин 2000; *Social Struggles...* 2005; Kusimba, Kim, Kusimba 2017)). Важно отметить, что смена организационного принципа при сохранении прежнего уровня социокультурной сложности – явление, встречающееся достаточно часто. В этих случаях социальной эволюции в ее традиционном для антропологов понимании – как движения от низшего к высшему, от простого к сложному – не происходит. Тем не менее совершается радикальная внутренняя трансформация и реорганизация социальных институтов, притом что уровень сложности социокультурной системы остается прежним (несколько из многих примеров таких преобразований у народов различных эпох и регионов см.: (Leach 1954; Ferguson 1991; Lynsha 1998; Kowalewski 2000; Joyce, Barber 2016; Korotayev 2020; Kradin 2020)).

Дихотомию гомоархических и гетерархических обществ можно наблюдать на всех уровнях социокультурной сложности во все исторические периоды и во всех частях света. Следовательно, вопреки однолинейным схемам социальной эволюции, предполагающим, что повышение сложности (по крайней мере, вплоть до уровня доиндустриального государства) неизбежно сопровождается социально-политической гомоархизацией – нарастанием неравенства и социальной стратификации, сокращением роли широких слоев населения в политической жизни и так далее, степень гомоархизации не является верным критерием определения общего уровня развития социума. В частности, в противоположность большинству теорий государства, политическая централизация не должна рассматриваться как особенность именно государственных обществ, так как она столь же присуща и многим негосударственным формам общества, включая даже некоторые формы простых обществ (например: *Big Men...* 1991; *Chiefdoms...* 1998).

Очевидные альтернативы однолинейным эволюционным схемам трудно обнаружить буквально на каждом уровне сложности, включая

уровень государства. В частности, на уровне среднemasштабных обществ (т.е. обществ, имеющих один уровень надлокальной – как правило, фактически надобщинной – социально-политической интеграции) гомоархический и гетерархический принципы общественной организации наиболее полно воплощают соответственно вождества и племена. Как писал Э. Сервис, «вождество имеет, в известном смысле, пирамидальную или коническую структуру... Вождество радикально отличается от племени... не только экономической и политической организацией, но и в вопросе социального ранжирования ... племена эгалитарны, вождества глубоко неэгалитарны» (Service 1971: 142). Однако с точки зрения уровня сложности племя и вождество равны и, следовательно, являются гетерархическим и гомоархическим вариантами среднemasштабного общества.

Деление обществ на гомоархические и гетерархические, пусть, как отмечалось выше, не жесткое и не абсолютное, – постоянный факт социальной истории человечества; его появление даже предшествует ее началу: ученые делят сообщества приматов с одинаковым уровнем морфологического и когнитивного развития, включая сообщества приматов одного вида, на «деспотические» и «эгалитарные» (например: Matsumura 1999; Vehrencamp 1983), т.е. гомоархические и гетерархические, в нашей терминологии. В то же время недавние исследования убедительно показали, что подлинный эгалитаризм не присущ сообществам дочеловеческих приматов даже в большей степени, чем человеческим сообществам, в которых люди все же иногда предпринимают более или менее успешные попытки навязать их членам эгалитарную модель поведения и установить настоящее равенство (см.: Artemova 2020; Butovskaya 2020; Finlayson 2020). Таким образом, дихотомия гетерархии и гомоархии, очевидно, коренится в глубокой предыстории человечества. В отношении простейших культур, известных антропологии, – неспециализированных охотников и собирателей – деление на гомоархические и гетерархические общества отражает обозначение их антропологами как соответственно «неэгалитарных» и «эгалитарных» (среди народов Сибири и Дальнего Востока до прихода русских, например, к числу первых относились нанайцы, а вторых – юкагиры и ительмены).

Для уровня простых земледельческих деревенских общин один из показательных примеров дает сопоставление двух китайских деревень на Тайване, исследованных в середине прошлого века Б. Пастернаком (Pasternak 1972). Эти деревни имели общее происхождение, но в одной из них (Чунгше) в конце концов сложилась гомоархическая система корпоративных патрилиниджей при постоянном политическом доминировании одного из них, в то время как в другой деревне (Татиех) развитие линиджей было рано пресечено вследствие формирования кор-

поративных объединений, пересекавших границы родственных групп, что привело к сложению гетерархической системы нелокализованных агнатных десцентных групп, каждая из которых могла выдвинуть кандидата на роль главы деревни. В некоторых племенных обществах, к примеру у нага и качинов Индии и Мьянмы, автономные деревни, имея одинаковый тип экономики и уровень социокультурной сложности, также могут различаться системами управления, варьирующими в диапазоне от основанных на власти наследственных вождей до возглавляемых старейшинами, выбранными и назначенными членами деревенских советов.

Общества одного уровня социокультурной сложности и принципа организации могут иметь разные формы – альтернативность существует не только между, но и внутри гетерархической и гомоархической макрогрупп обществ. Так, племя отнюдь не является единственной возможной формой среднемасштабного гетерархического социума. Среди целого ряда других вариантов среднемасштабных гетерархических обществ можно упомянуть, к примеру, систему сложных акефальных общин с автономными семейными домохозяйствами, сложившуюся у живущего в Гималаях народа апатани. Также нет никаких оснований утверждать, что раннее государство, гомоархическое по определению (Claessen, Hagesteijn, van de Velde 2008: 260), было единственной возможной и исторически известной формой гомоархического доиндустриального сверхсложного общества. Альтернативами ему были не только сверхсложные гетерархические общества (культуры Индской цивилизации, древнегреческий полис, «республики» или «вольные общества» Горного Дагестана XVII–XIX вв. и т.д.), но и сверхсложные негосударственные гомоархические общества, в частности социумы в Индии и за ее пределами, основанные на кастовом строе. Другой пример гомоархической альтернативы гомоархическому же государству дают многочисленные мегаобщины доколониальной Африки или Юго-Восточной Азии I – начала II тыс. н.э. – общества, базировавшиеся на воспроизведении родственной (большесемейной) социокультурной «матрицы» на многочисленных надобщинных уровнях. Также вождества могли трансформироваться не в государства, а в столь же сложные и гомоархические, сколь и ранние государства, суперсложные вождества, что было характерно для древних и средневековых кочевников Евразии.

Сказанное выше означает, что трансформации гомоархического и гетерархического вариантов ранжирования социальных институтов и их комплексов, с одной стороны, и изменения общего уровня социокультурной сложности – с другой, представляют собой два разных, в целом не связанных друг с другом процесса. Гомоархия и гетерархия – не линии эволюции: переход общества от преимущественно гетерархи-

ческого способа ранжирования институтов к преимущественно гомоархическому или наоборот может как сопровождаться, так и не сопровождаться изменением общего уровня его сложности. На любом уровне социокультурной сложности встречаются и гетерархические, и гомоархические общества, так как одинаковый уровень сложности (позволяющий обществу решать встающие перед ним проблемы одной степени трудности) может достигаться в разных формах на различных по сути, хотя и пересекающихся в истории многих обществ и регионов, принципах организации обществ.

Заключение

Дихотомия гетерархии и гомоархии в значительной степени обусловила неоднородную и альтернативную сущность глобального социокультурного процесса.

Гетерархический принцип общественной организации не стал мало-значимым с исторической и антропологической точек зрения с течением времени – с подъемом социокультурной и политической сложности. На уровнях сложности выше племенного очень важные примеры добровольного объединения компонентов сложного общества как (более или менее) равноправных дают в числе прочих социально-политическая история греческих полисов в древности, Швейцарской Конфедерации в Средние века, Соединенных Штатов Америки в Новое время. Важно отметить, что только на этом пути оказывается возможным построение гражданского общества.

Появление раннего (архаического) государства и гомоархических альтернатив ему в большинстве регионов мира сделало гомоархию более широко распространенным принципом общественной организации вплоть до зрелого Нового времени. Однако когда западные общества постепенно превратились в гетерархические в целом системы социальных, экономических, политических, культурных и прочих институтов и впервые в истории одна цивилизация – Западная – начала доминировать во всем мире, гетерархия стала по меньшей мере столь же важной, сколь и гомоархия с точки зрения глобальной истории. Этого не отменяет даже то обстоятельство, что со времени, как Запад установил свое господство, глобальный современный мир в целом является гомоархическим. Это было совершенно очевидно в эпоху колониализма. Ситуация остается по сути той же самой и ныне, так как в мире сохраняется резкое глобальное неравенство. В глобальном мировом порядке гомоархия основывается на доминировании западных стран, которые сами социокультурно гетерархические и политически демократические. В то же время экономический и политический подъем в последние десятилетия нескольких отчетливо гомоархических государств (прежде всего

Китай, но также Ирана и ряда других) в сочетании с разнообразными тяжелыми проблемами, с которыми ныне сталкивается Запад, может заставить предположить, что завершение Нового времени окажется связанным с возвращением гомоархического принципа общественной организации как типичного для политически наиболее могущественных держав, которые попытаются распространить этот принцип на весь мир, в котором они будут доминировать, и сделают его еще более гомоархическим, чем он есть сейчас.

Однако эта гомоархическая тенденция может оказаться уравновешенной другой – гетерархической. Рассматривать общества и государства нашего времени как изолированные, самодостаточные системы еще более ошибочно, чем социумы какой-либо иной эпохи. Необходимость решения серьезных глобальных проблем требует нового уровня кооперации – они нерешаемы на национальном или международном уровне, на котором суверенные национальные государства остаются главными единицами мировой политики. Глобальные проблемы могут быть решены только на транснациональном уровне, который требует появления глобальных политических институтов, чьи решения имели бы обязательную силу для отдельных государств и их объединений – международных организаций. Такое положение предполагает отсутствие одной или нескольких постоянно доминирующих держав, потому что в различных ситуациях ведущую роль будут играть разные государства, международные организации и так далее, поддерживая баланс интересов всех вовлеченных сторон – глобального сообщества. Иными словами, это будет выражение принципа гетерархии на глобальном уровне.

При этом на более низких уровнях, особенно на уровне национальном, взаимодействие и «соствязание» гетерархического и гомоархического принципов будет продолжаться, даже если реализуется гомоархический глобальный сценарий: в разных обществах и регионах соотношение гетерархических и гомоархических черт будет по-прежнему различным. Более того, и на глобальном уровне всегда будут присутствовать элементы гетерархии даже при «вселенской гомоархии», потому что вряд ли какая-либо держава сможет доминировать абсолютно. В случае же установления «вселенской гетерархии» на глобальном уровне будут наличествовать элементы гомоархии, так как полное равенство всех мировых игроков останется недостижимым идеалом точно так же, как для индивидов в локальной группе охотников и собирателей.

В любом случае адекватное понимание социокультурной истории не представляется возможным без учета альтернативности базовых принципов организации обществ, их взаимодополняющего и конкурентного существования и их взаимной динамики на всем протяжении истории человечества.

Литература

- Артемова О.Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы: опыт изучения альтернативных социальных систем. М.: Смысл, 2009.
- Березкин Ю.Е. Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре средне-масштабных обществ // Альтернативные пути к цивилизации / ред.: Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М.: Логос, 2000. С. 259–264.
- Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна: ИЦ «Феникс»+, 1997.
- Artemova O.Yu. Equality as a Human Categorical Imperative // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 64–91.
- Artemova O.Yu. Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study // Cross-Cultural Research. 2003. Vol. 37, № 1. P. 62–80.
- Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Barnard A. Afterword // Human Origins: Contributions from Social Anthropology / ed. by C. Power, M. Finnegan, H. Callan. New York; Oxford: Berghahn, 2017. P. 319–335.
- Barth F. Political Leadership among Swat Pathans. London: Athlone Press, 1959.
- Bern J. Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation // Oceania. 1979. Vol. 50, № 2. P. 118–132.
- Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia / ed. by M. Godelier, M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991.
- Blanton R.E., Fargher L.F. How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016.
- Bryceson D.F. Deagrarianization and Depeasantization in Africa: Tracing Sectoral Transformation and Rural Income Diversification // Routledge Handbook of African Development / ed. by T. Binns, K. Lynch, E. Nel. Abingdon; New York: Routledge, 2018. P. 368–377.
- Butovskaya M.L. Primates as Living Links to Our Past: Variations in Hierarchy Steepness but Not Real Egalitarianism // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 13–26.
- Chiefdoms and Chieftaincy in the Americas / ed. by E.M. Redmond. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1998.
- Claessen H.J.M. Aspects of Law and Order in Early State Societies // The Law's Beginnings / ed. by F.J.M. Feldbrugge. Leiden: Brill; Nijhoff, 2003. P. 161–179.
- Claessen H.J.M. Early State Intricacies // Social Evolution and History. 2005. Vol. 4, № 2. P. 151–158.
- Claessen H.J.M. Sacred Kingship: Cases from Polynesia // Social Evolution and History. 2018. Vol. 17, № 2. P. 3–26.
- Claessen H.J.M., Hagesteijn R.R., van de Velde P. Early State Today // Social Evolution and History. 2008. Vol. 7, № 1. P. 245–265.
- Cooperation and Collective Action: Archaeological Perspectives / ed. by D.M. Carballo. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2013.
- Crumley C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Heterarchy and the Analysis of Complex Societies / ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995. P. 1–5.
- Crumley C.L. Remember How to Organize: Heterarchy Across Disciplines // Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution / ed. by C.S. Beekman, W.W. Baden. Abingdon: Ashgate, 2005. P. 35–50.
- Earle T.K. Political Domination and Social Evolution // Companion Encyclopedia of Anthropology / ed. by T. Ingold. London: Routledge, 1994. P. 940–961.
- Feinman G.M. Chiefdoms and Nonindustrial States // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. 1 / ed. by D. Levinson, M. Ember. New York: Holt, 1996. P. 185–191.

- Ferguson Y.H.* From Chiefdoms to City-States: The Greek Experience // Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology / ed. by T. Earle. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991. P. 169–192.
- Finlayson B.* Egalitarian Societies and the Earliest Neolithic of Southwest Asia // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 27–43.
- Finlayson B., Artemova O.* The Invention of Equality: Guest Editors' Foreword // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. P. 7–12.
- Flannery K., Marcus J.* The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2012.
- Francisco R.A.* Collective Action Theory and Empirical Evidence. New York: Springer, 2010.
- Goldman I.* Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Hart K.* Jack Goody's Vision of World History and African Development Today. Halle; Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2011.
- Hierarchy and Value. Comparative Perspectives on Moral Order / ed. by J. Hickel, N. Haynes. New York; Oxford: Berghahn, 2018.
- Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology / ed. by A.K. Ziv, H.B. Schmid. Dordrecht: Springer, 2014.
- Johnson A.W., Earle T.K.* The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.
- Johnson G.A.* Organizational Structure and Scalar Stress // Theory and Explanation in Archaeology / ed. by C. Renfrew, M.J. Rowlands, B.A. Segraves. New York: Academic Press, 1982. P. 389–421.
- Joyce A.A., Barber S.B.* Alternative Pathways to Power in Formative Oaxaca // Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis / ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016. P. 41–58.
- Kapferer B.* Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia. Washington, DC; London: Smithsonian Institution Press, 2012.
- Korotayev A.V.* Evolution of Sociopolitical Institutions in North-East Yemen (the 1st Millennium BCE – the 2nd Millennium CE) // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives / ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 161–184.
- Kowalewski S.A.* Cyclical Transformations in North American Prehistory // Alternatives of Social Evolution / ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 177–187.
- Kradin N.N.* Heterarchy and Hierarchy in Eurasian Steppes // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives / ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 185–204.
- Kusimba C.M., Kim N.C., Kusimba S.B.* Trade and State Formation in Ancient East African Coast and Southern Zambezia // Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity / ed. by R.J. Chacon, R.G. Mendoza. New York: Springer, 2017. P. 61–89.
- Laumann E.O., Siegel P.M., Hodge R.W.* The Consequences of Stratification // The Logic of Social Hierarchies / ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago: Markham, 1970. P. 589–593.
- Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. Boston: Beacon Press, 1954.
- Lewis J.* Forest Hunter-Gatherers and Their World. Ph.D. Dissertation. London: University of London, 2002.
- Lynsha V.A.* From Chiefdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100 // Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Ap-

- proach / ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev, and O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 1998. P. 99–100.
- Marcus J., Feinman G.M. Introduction // *Archaic States* / ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1998. P. 3–13.
- Matsumura S. The Evolution of “Egalitarian” and “Despotic” Social Systems among Macaques // *Primates*. 1999. Vol. 40. № 1. P. 23–31.
- Medina L.F. *A Unified Theory of Collective Action and Social Change*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2007.
- Melucci A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Mosko M.S. Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy // *History and Anthropology*. 1994. Vol. 7. № 1–4. P. 195–222.
- North D.C. *Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance*. San Francisco: ICS Press, 1992.
- Pasternak B. *Kinship and Community in Two Chinese Villages*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.
- Peterson N. Pre-colonial Inequality in Aboriginal Australia // *Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований*. 2020. № 1. P. 55–63.
- Realism in Action: Essays in the Philosophy of the Social Sciences / ed. by M. Sintonen, P. Ylikoski, K. Miller. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Rio K.M., Smedal O.H. *Hierarchy and Its Alternatives: An Introduction to Movements of Totalization and Detotalization // Hierarchy: Persistence and Transformation in Social Formations* / ed. by K.M. Rio, O.H. Smedal. New York; Oxford: Berghahn, 2011. P. 1–63.
- Sahlins M.D. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Schotter A. *The Economic Theory of Social Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schweitzer P.P. Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization // *Alternatives of Social Evolution* / ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000. P. 123–131.
- Searle J. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Service E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, 1971.
- Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders* / ed. by K.A. Raaflaub. Malden, MA: Blackwell, 2005.
- Taylor C. *Institutions in National Life // Reconciling the Solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism* / ed. by G. Laforest. Montreal; Kingston: McGill-Queens University Press, 1993. P. 120–134.
- The Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations* / ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub, P. Wagner. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
- Tuomela R. *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Turner J. *The Institutional Order*. New York: Longman, 1997.
- Vansina J. *Kings in Tropical Africa // Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa* / ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss. Maastricht: Foundation Kings of Africa, 1992. P. 19–26.
- Vansina J. *Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-Evolutionary Theory // Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa* / ed. by S.K. McIntosh. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 166–172.
- Vehrencamp S.L. A Model for the Evolution of Despotic versus Egalitarian Societies // *Animal Behavior*. 1983. Vol. 31. № 3. P. 667–682.

White J.C. Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia // *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995. P. 101–123.

Wright R. Cognitive Codes and Collective Action at Mari and the Indus // *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis* / ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016. P. 225–238.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2020 г.

Social institutions and basic principles of the organization of societies

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/7

Dmitri M. Bondarenko, The Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrimb@mail.ru

Abstract. Societies are systems composed of a great number of various social institutions that interact and change, which results in that the whole structure of societies changes. This is what social evolution is – the process of structural change. Evolution does not have any particular direction: any significant, that is, transforming change is evolutionary. Along with complexity measured in levels of political integration, societies as systems of social institutions have yet another fundamental characteristic that can be called a ‘basic principle of societal organization’. The principle of organization a society embodies depends on the way its institutions relate to one another. Specifically, two basic principles can be distinguished here: heterarchy, whereby elements are unranked or can be ranked in different ways, and its opposite – homoarchy, whereby elements in most contexts are ordered mainly according to one principal hierarchical relationship. Homoarchy and heterarchy represent most universal, ‘pure’ (generalized) principles and basic trajectories of socio-cultural organization. There are no universal evolutionary stages: cultures can be (generally) heterarchical or homoarchical and have an equal level of complexity. A culture can change its basic organizational principle without changing its current complexity level. There also exist alternatives within each of the two types. The heterarchy – homoarchy dichotomy runs throughout the whole of human history: it is observable on all levels of social complexity in all historical periods and culture areas, including the globalized world of our time. Transformations in the ways social institutions and complexes thereof, that is, societal subsystems, are ranked (either homoarchically or heterarchically), on the one hand, and changes in culture complexity overall, on the other, are two different, largely unrelated processes. The heterarchy – homoarchy dichotomy has, to a considerable degree, predetermined the non-linear and non-fixed nature of the global socio-cultural process. An adequate understanding of human socio-cultural history does not appear possible unless one takes into consideration the possibility of alternative basic principles of societal organization, their complementary and competitive co-existence, and their interrelated dynamics throughout human history. Also, considering this possibility enables discussion of the future of the present-day globalized world as not fixed but variable, where homoarchical and heterarchical principles may intersect in various ways and at different levels – national, international, and transnational.

Keywords: social institutions, principles of organization of societies, heterarchy, homoarchy, social evolution

References

Artemova, O.Yu. *Koleno Isava: ohotniki, sobirатели, rybolovy: (opyt izuchenija al'ternativnyh social'nyh sistem)* [The Kin of Esau: Hunters, Gatherers, Fishers (A Study of Alternative Social Systems)]. Moscow: Smysl, 2009.

- Berezkin, Yu.E. Eshhe raz o gorizontal'nyh i vertikal'nyh svyazjah v strukture srednemashtabnyh obshchestv [Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies]. In: *Al'ternativnye puti k civilizacii* [Alternative Pathways to Civilization]. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko, V.A. Lynsha. Moscow: Logos, 2000, pp. 259–264.
- Dumont, L. *Jesse ob individualizme* [Essays on Individualism]. Dubna: IC “Feniks”+, 1997.
- Artemova, O.Yu. Equality as a Human Categorical Imperative, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 64–91.
- Artemova, O.Yu. Monopolization of Knowledge, Social Inequality, and Female Status: A Cross-Cultural Study, *Cross-Cultural Research*, 2003, Vol. 37, no 1, pp. 62–80.
- Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Barnard, A. Afterword. In: *Human Origins: Contributions from Social Anthropology*. Ed. by C. Power, M. Finnegan, H. Callan. New York; Oxford: Berghahn, 2017, pp. 319–335.
- Barth, F. *Political Leadership among Swat Pathans*. London: Athlone Press, 1959.
- Bern, J. Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation, *Oceania*, 1979, Vol. 50, no 2, pp. 118–132.
- Big Men and Great Men: Personification of Power in Melanesia*. Ed. by M. Godelier, M. Strathern. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1991.
- Blanton, R.E., Fargher, L.F. *How Humans Cooperate: Confronting the Challenges of Collective Action*. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016.
- Bryceson, D.F. Deagrarianization and Depasantization in Africa: Tracing Sectoral Transformation and Rural Income Diversification. In: *Routledge Handbook of African Development*. Ed. by T. Binns, K. Lynch, E. Nel. Abingdon; New York: Routledge, 2018, pp. 368–377.
- Butovskaya, M.L. Primates as Living Links to Our Past: Variations in Hierarchy Steepness but Not Real Egalitarianism, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 13–26.
- Chieftdoms and Chieftaincy in the Americas*. Ed. by E.M. Redmond. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1998.
- Claessen, H.J.M. Aspects of Law and Order in Early State Societies. In: *The Law's Beginnings*. Ed. by F.J.M. Feldbrugge. Leiden: Brill / Nijhoff, 2003, pp. 161–179.
- Claessen, H.J.M. Early State Intricacies, *Social Evolution and History*, 2005, Vol. 4, no 2, pp. 151–158.
- Claessen, H.J.M. Sacred Kingship: Cases from Polynesia, *Social Evolution and History*, 2018, Vol. 17, no 2, pp. 3–26.
- Claessen, H.J.M., Hagesteijn, R.R., van de Velde, P. Early State Today, *Social Evolution and History*, 2008, Vol. 7, no 1, pp. 245–265.
- Cooperation and Collective Action: Archaeological Perspectives*. Ed. by D.M. Carballo. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2013.
- Crumley, C.L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In: *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995, pp. 1–5.
- Crumley, C.L. Remember How to Organize: Heterarchy Across Disciplines. In: *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: Continuing the Revolution*. Ed. by C.S. Beekman, W.W. Baden. Abingdon: Ashgate, 2005, pp. 35–50.
- Earle, T.K. Political Domination and Social Evolution. In: *Companion Encyclopedia of Anthropology*. Ed. by T. Ingold. London: Routledge, 1994, pp. 940–961.
- Feinman, G.M. Chieftdoms and Nonindustrial States. In: *Encyclopedia of Cultural Anthropology*. Vol. 1. Ed. by D. Levinson, M. Ember. New York: Holt, 1996, pp. 185–191.
- Ferguson, Y.H. From Chieftdoms to City-States: The Greek Experience. In: *Chieftdoms: Power, Economy, and Ideology*. Ed. by T. Earle. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1991, pp. 169–192.

- Finlayson, B. Egalitarian Societies and the Earliest Neolithic of Southwest Asia, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 27–43.
- Finlayson, B., Artemova, O. The Invention of Equality: Guest Editors' Foreword, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnyh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 7–12.
- Flannery, K., Marcus, J. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2012.
- Francisco, R.A. *Collective Action Theory and Empirical Evidence*. New York: Springer, 2010.
- Goldman, I. *Ancient Polynesian Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Hart, K. *Jack Goody's Vision of World History and African Development Today*. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2011.
- Hierarchy and Value. Comparative Perspectives on Moral Order*. Ed. by J. Hickel, N. Haynes. New York; Oxford: Berghahn, 2018.
- Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology*. Ed. by A.K. Ziv, H.B. Schmid. Dordrecht: Springer, 2014.
- Johnson, A.W., Earle, T.K. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.
- Johnson, G.A. Organizational Structure and Scalar Stress. In: *Theory and Explanation in Archaeology*. Ed. by C. Renfrew, M.J. Rowlands, B.A. Segraves. New York: Academic Press, 1982, pp. 389–421.
- Joyce, A.A., Barber, S.B. Alternative Pathways to Power in Formative Oaxaca. In: *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis*. Ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016, pp. 41–58.
- Kapferer, B. *Legends of People, Myths of State. Violence, Intolerance, and Political Culture in Sri Lanka and Australia*. Washington, DC; London: Smithsonian Institution Press, 2012.
- Korotayev, A.V. Evolution of Sociopolitical Institutions in North-East Yemen (the 1st Millennium BCE – the 2nd Millennium CE). In: *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020, pp. 161–184.
- Kowalewski, S.A. Cyclical Transformations in North American Prehistory. In: *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000, pp. 177–187.
- Kradin, N.N. Heterarchy and Hierarchy in Eurasian Steppes. In: *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020, pp. 185–204.
- Kusimba, C.M., Kim, N.C., Kusimba, S.B. Trade and State Formation in Ancient East African Coast and Southern Zambezia. In: *Feast, Famine or Fighting? Multiple Pathways to Social Complexity*. Ed. by R.J. Chacon, R.G. Mendoza. New York: Springer, 2017, pp. 61–89.
- Laumann, E.O., Siegel, P.M., Hodge, R.W. The Consequences of Stratification. In: *The Logic of Social Hierarchies*. Ed. by E.O. Laumann, P.M. Siegel, R.W. Hodge. Chicago: Markham, 1970, pp. 589–593.
- Leach, E.R. *Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure*. Boston: Beacon Press, 1954.
- Lewis, J. *Forest Hunter-Gatherers and Their World. Ph.D. Dissertation*. London: University of London, 2002.
- Lynsha, V.A. From Chieftdom to Tribe: Svealand in A.D. 400–1100. In: *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary*

- Approach*. Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev, and O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 1998, pp. 99–100.
- Marcus, J., Feinman, G.M. Introduction. In: *Archaic States*. Ed. by G.M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe, NM: School of American Research Press, 1998, pp. 3–13.
- Matsumura, S. The Evolution of “Egalitarian” and “Despotic” Social Systems among Macaques, *Primates*, 1999, Vol. 40, no 1, pp. 23–31.
- Medina, L.F. *A Unified Theory of Collective Action and Social Change*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2007.
- Melucci, A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Mosko, M.S. Junior Chiefs and Senior Sorcerers: The Contradictions and Inversions of Mekeo Hierarchy, *History and Anthropology*, 1994, Vol. 7, no 1–4, pp. 195–222.
- North, D.C. *Transaction Costs, Institutions, and Economic Performance*. San Francisco: ICS Press, 1992.
- Pasternak, B. *Kinship and Community in Two Chinese Villages*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1972.
- Peterson, N. Pre-colonial Inequality in Aboriginal Australia, *Pervobytnaja arheologija: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovanij*, 2020, no 1, pp. 55–63.
- Realism in Action: Essays in the Philosophy of the Social Sciences*. Ed. by M. Sintonen, P. Ylikoski, K. Miller. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.
- Rio, K.M., Smedal, O.H. Hierarchy and Its Alternatives: An Introduction to Movements of Totalization and Detotalization. In: *Hierarchy: Persistence and Transformation in Social Formations*. Ed. by K.M. Rio, O.H. Smedal. New York; Oxford: Berghahn, 2011, pp. 1–63.
- Sahlins, M.D. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Schotter, A. *The Economic Theory of Social Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Schweitzer, P.P. Hierarchy and Equality among Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim: Toward a Structural History of Social Organization. In: *Alternatives of Social Evolution*. Ed. by N.N. Kradin, A.V. Korotayev, D.M. Bondarenko, V. de Munck, P.K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2000, pp. 123–131.
- Searle, J. *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Service, E.R. *Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective*. New York: Random House, 1971.
- Social Struggles in Archaic Rome: New Perspectives on the Conflict of the Orders*. Ed. by K.A. Raaflaub. Malden, MA: Blackwell, 2005.
- Taylor, C. Institutions in National Life. In: C. Taylor. *Reconciling the Solitudes: Essays in Canadian Federalism and Nationalism*. Ed. by G. Laforest. Montreal; Kingston: McGill-Queens University Press, 1993, pp. 120–134.
- The Greek Polis and the Invention of Democracy. A Politico-cultural Transformation and Its Interpretations*. Ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub, P. Wagner. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013.
- Tuomela, R. *Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Turner, J. *The Institutional Order*. New York: Longman, 1997.
- Vansina, J. Kings in Tropical Africa. In: *Kings of Africa. Art and Authority in Central Africa*. Ed. by E. Beumers, H.-J. Koloss. Maastricht: Foundation Kings of Africa, 1992, pp. 19–26.
- Vansina, J. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-Evolutionary Theory. In: *Beyond Chiefdoms. Pathways to Complexity in Africa*. Ed. by S.K. McIntosh. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 166–172.

- Vehrencamp, S.L. A Model for the Evolution of Despotic versus Egalitarian Societies, *Animal Behavior*, 1983, Vol. 31, no 3, pp. 667–682.
- White, J.C. Incorporating Heterarchy into Theory on Socio-Political Development: The Case from Southeast Asia. In: *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association, 1995, pp. 101–123.
- Wright, R. Cognitive Codes and Collective Action at Mari and the Indus. In: *Alternative Pathways to Complexity. A Collection of Essays on Architecture, Economics, Power, and Cross-Cultural Analysis*. Ed. by L.F. Fargher, V.Y. Heredia Espinoza. Boulder, CO: University Press of Colorado, 2016, pp. 225–238.

УДК 316.472

DOI: 10.17223/2312461X/31/8

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СИБИРИ В ПОЛЬСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

Станислав Эдвардович Боридченко

Аннотация. Исследуется нарративная составляющая польских школьных учебников по истории. Главная цель статьи – выявление образа Сибири, который в них создается. Объектом анализа стали учебники, которые использовались в польских гимназиях и лицеях в 2008–2017 учебных годах, всего 46 ед. Тема целенаправленного конструирования образа в народном дискурсе в течение последних двадцати лет является весьма популярной, однако попыток ее описания в выбранном нами контексте до сих пор не было. Представляемый учебниками по истории дискурс был соотнесен с образом зауральских территорий России, который презентуют обязательные для ознакомления школьной молодежи литературные произведения. Проведение контент- и дискурс-анализа учебных пособий позволило создать всеобъемлющую модель, отображающую образ Сибири в образовательных материалах, предназначенных для учеников гимназий и лицеев. Анализ текстовой составляющей учебных материалов выявил преимущественно нейтральную тональность описания Сибири и отсутствие доминанты негативных коннотаций. Исследование подтвердило первоначальную гипотезу о том, что Сибирь является неотъемлемым элементом исторического дискурса, представляемого учебниками истории. Более того, благодаря количественному анализу текстов удалось выделить основные темы, в рамках которых говорится о Сибири. Особого внимания заслуживает тот факт, что значительная часть упоминаний о зауральских территориях России обнаруживается в контексте, выходящем за пределы широко известного шаблона о Сибири как месте ссылки.

Ключевые слова: образ, Сибирь, учебники, история, Польша, нарратив

Введение

Противостояние мы–они, свой–чужой представляет собой нечто универсальное и характерное для каждого общества. В отсутствие категории «чужой» становится невозможным самовосприятие в качестве группы, будь это группа этническая или социальная, созданная по территориальному либо расовому признаку. Именно на фоне различий становятся очевидными черты схожести и подобности. Как правило, в общественном сознании любых обществ происходит сакрализация собственного образа (придание ему позитивных качеств и черт) с одновременным противопоставлением идеализированных «своих» «чужим» (Wolański, Leskinen 2017: 296–298). «Чужие» наделяются рядом характеристик, которые с развитием обществ и усложнением социальных

структур перерождаются в стереотипы. Мышление стереотипическими категориями происходит не только по отношению к иным социальным группам, но и в отношении иных стран, регионов, что было отмечено такими выдающимися исследователями, как Бенедикт Зентара (Zientara 2017) и Йозеф Лирсэн (Leerssen 2006; Leerssen, Beller 2007; Leerssen, Hoenselaars 2009). Более того, предрассудки, связанные с определенными территориями, смешиваются с предубеждениями об иных этнических группах и становятся нераздельным целым.

Взаимосвязь стереотипного взгляда на мир с системой школьного образования является очевидной и бесспорной. Несмотря на то что сегодня стереотипы принято считать чем-то негативным, во многих случаях они являются важной составной частью национальной культуры, а в ряде случаев даже элементом народного мировоззрения (Burszta 2008: 14–22). Сутильность элементов, которые оказывают влияние на народную идентичность, приводит в подсознании масс к стиранию границы между определенными категориями воспринимаемого окружения. Мировосприятие каждого индивида находится в непосредственной зависимости от ряда основополагающих факторов. Немаловажную роль среди них играет система обязательного образования – ведь именно она закладывает основы мировоззрения населения.

С появлением массовой системы образования именно школьные учебники стали закладывать в сознание большинства людей основы восприятия истории. Проанализированные мной школьные материалы становятся тем фундаментом, на котором формируется историческое сознание широких кругов общества. Как правило, оценочные суждения об истории, презентруемые учебными пособиями, приводят к закреплению в народном сознании определенных стереотипов и предубеждений, легенд и мифов, которые создают картину мира у ученика. Историческое мировосприятие народов характеризуется тем, что субъективные оценки доминирующего дискурса закладывают субъективно-стереотипное восприятие окружения. Одно из проявлений подобного – приписывание определенным регионам какого-либо устоявшегося образа. Более того, стоит отметить, что подобная односторонность мировосприятия наблюдается также и в науках, крайним примером чего является европоцентризм в восприятии исторического процесса.

Целью данной статьи является анализ и описание образа Сибири, который создают польские учебники по истории. В основе текста лежит исследование, сутью которого стал анализ нарративной составляющей упоминаний о Сибири в школьной литературе Республики Польша. В качестве учебников были выбраны материалы, которые были предназначены для учеников польских гимназий и лицеев и использовались в 2008–2017 гг. Особое внимание было уделено контент-анализу и дискурс-анализу выбранных текстов. Для представления более широкой

картины исследуемой проблематики было принято решение соотнести затронутую проблематику с образом Сибири из литературных произведений, с которыми учащиеся знакомятся на параллельных занятиях по родному языку. Перед проведением исследования была принята гипотеза, которая указывала на то, что Сибирь является неотъемлемым элементом школьного исторического дискурса.

Исследования тематики нарративного компонента (в контексте коннотаций по отношению к иным странам / народам и т.п.) в школьных учебниках весьма популярны. Анализом целенаправленно создаваемой учебной литературой образов занимаются эксперты-историки и политологи. Одним из ведущих центров исследований обозначенной проблематики является Институт Джорджа Эккерта, находящийся в Брауншвейге (Германия). Польские ученые также посвятили множество работ данной теме (см. например: Suchoński 1999; Wojdon 2013; Мареш 2012; Maresz 2017 и др.).

На протяжении как минимум двух десятилетий в Европе и не только действуют многосторонние специальные комиссии, занимающиеся трудными моментами истории. Особым их видом являются комиссии по работе над текстами школьных материалов, главная задача которых – «сглаживание острых углов». На сегодняшний день в результате сотрудничества представителей разных стран были написаны общие учебники по истории США и Канады, Франции и Германии, Испании и Португалии, был создан весьма противоречивый совместный японско-корейско-китайский учебник и ряд иных. России и Польше после нескольких неудачных попыток сотрудничества удалось наладить работу над совместным учебным пособием по истории для преподавателей средних школ.

Подобная заинтересованность научного сообщества (а также и политических элит) данной проблематикой, несомненно, указывает на ее важность. В XXI в., в эпоху глобализации, трудно себе представить современное общество, которое бы избегало сотрудничества с «внешним миром». Одновременно с этим стоит отметить, что в настоящий момент подобные исследования концентрируются на анализе образа выбранных народов / стран; исследования более узкой тематики, например образа выбранных регионов, по-прежнему являются слабо представленными в научной литературе. Именно поэтому, как нам кажется, представляемый ниже анализ образа Сибири в польской учебной литературе заслуживает особого внимания, в том числе в контексте непростых польско-российских отношений, которые, как это отмечают многие исследователи, часто базируются на наборе взаимных стереотипов и предрассудков.

Система школьного образования в Польше

В рамках данной статьи отдельного описания заслуживает польская система среднего и начального образования. Исходя из целей исследо-

вания, необходимым видится выяснение ее структуры хотя бы в нескольких словах.

Со времен школьной реформы 1999 г. и до реформы 2017 г. школьное обучение в Польше было поделено на три ступени (Ustawa z dnia 8 stycznia 1999 r. – Przepisy wprowadzające reformę ustroju szkolnego). Первой ступенью были начальные школы (szkoły podstawowe), в которых дети обучались в течение 8 лет. Историю в качестве предмета дети изучали с 4-го по 7-й класс, а в 8-м классе курс истории заменялся предметом под названием «знание об обществе» (wiedza o społeczeństwie). После окончания начальной школы ученики переходили в гимназии, где на протяжении следующих трех лет продолжали получать образование. Последней же ступенью среднего образования были так называемые послегимназальные школы (szkoły ponadgimnazjalne). Как правило, самым популярным выбором послегимназального учреждения были лицеи, в которых подростки обучались на протяжении еще 3 лет.

В 2017 г. произошла реформа системы школьного образования. Например, было принято решение о ликвидации трехступенчатой системы обучения (начальные школы – гимназии – школы послегимназальные) и ее замене на двухступенчатую (начальные школы – лицеи/техникумы). Однако введение новых стандартов в жизнь происходит поэтапно. Например, новые учебники по истории, согласно плану, должны появиться весной 2019 г. Выпускники гимназий в течение ближайших двух лет по-прежнему будут обучаться по трехлетней программе, а не четырехлетней и т.д. (Ustawa z dnia 14 grudnia 2016 r. – Prawo oświatowe).

Особое внимание стоит обратить на то, что в лицеях дети могли выбирать профильные классы. От подобного выбора зависела форма занятий по истории в качестве школьного предмета. В случае, если ученик выбирал класс с расширенным курсом истории (rozszerzony program historii), то последние два года обучения он изучал полноценный курс истории, начинающийся от Древнего мира и оканчивающийся Новым временем. Если же ученик отказывался от реализации расширенной программы по истории (например, по причине того, что он обучается в профильном математическом классе), то начиная со второго года, он изучал предмет под названием «История и общество» (Historia i Społeczeństwo). Данный курс в течение долгих лет был причиной многочисленных споров в среде педагогов, и реформа 2017 г. привела к его ликвидации. На цикле лекций учитель был обязан провести занятия по четырем разным модулям, каждый из которых являлся тематическим. Единственным обязательным был модуль под названием «Отечественный пантеон и споры об отчизне» (ojczysty panteon i ojczyste spory). Остальные три были выбором учителя среди списка модулей, утвер-

жденного министерством: «Правитель и подданные» (Rządzący i rządzeni); «Война и военное дело» (wojna i wojskowość); «Европа и мир» (Europa i świat); «Наука» (nauka); «Экономика» (Gospodarka); «Женщина, мужчина, семья» (Kobieta, Mężczyzna, rodzina).

Все учебники по истории в Польше обязаны соответствовать требованиям стандартной программы обучения детей. Данный факт означает то, что несмотря на разницу в форме (разное соотношение материалов иллюстративных и текстовых, отличающийся объем, вариативность вопросов к лекциям и т.д.), все допущенные учебники должны освещать один и тот же набор тем. На протяжении последних лет выпуск большей части учебных материалов производится несколькими издательствами: Новой эрой (Nowa Era), Школьным и педагогическим издательством (WSiP), Гданьским просветительским издательством (Gdańskie Wydawnictwo Oświatowe), Опероном (Operon). Школы обладают абсолютной свободой при выборе допущенных учебников. Однако де-факто наибольшей популярностью среди преподавательского состава пользуются учебники, изданные Новой эрой¹.

Образ Сибири в литературных произведениях, обязательных для ознакомления школьной молодежи

Сибирь в качестве крупнейшего региона России обладает множеством связей с Польшей, которые затрагивают самые разнообразные сферы жизни общества: экономическую, культурную, политическую и т.д. Более того, исторически Сибирь как место принудительного (а в ряде случаев и добровольного) переселения жителей европейской части Российской Империи и Советского Союза стала домом для большого числа поляков. Биография значительного числа личностей, знаковых для Польши, имеет моменты, связанные с пребыванием на зауральских территориях России. Как итог, Сибирь является неотъемлемым элементом (либо как минимум фоном) для продолжающегося в польском обществе исторического дискурса.

Прочная связь народной памяти поляков с Сибирью особенно хорошо заметна в случае польской культуры. Как нам кажется, исследование школьных материалов по истории, которые описывают Сибирь, трудно проводить в искусственно создаваемом вакууме. Именно поэтому несколько слов стоит посвятить короткому описанию образа Сибири, с которым польские учащиеся знакомятся на занятиях по литературе и родному языку. Основой для составления данного образа послужили литературные произведения польских писателей, знакомство с которыми обязательно для учащихся школ. Более того, упоминаемые ниже произведения являются каноном польской литературной традиции. Именно поэтому их коннотативная составляющая обладает чрезвычайно важным

значением для польского сознания, что не раз было отмечено рядом исследователей (Katalog wzajemnych uprzedzeń... 2006).

Польская романтическая традиция создала для Сибири образ края страданий, снега и смерти (более подробный анализ стереотипной составляющей литературы и искусства представлен в: Поляки и русские... 2000). Главные произведения польских классиков, в которых находятся упоминания о Сибири: «Дзяды» Адама Мицкевича (3-я часть), «Анхелли» Юлиуша Словацкого, «Кукла» Болеслава Пруса. Из более современной литературы стоит упомянуть «Другой мир» Густава Герлинга-Грудзиньского. Все перечисленные произведения являются обязательными для ознакомления для школьной молодежи. В литературных текстах Сибирь, как правило, предстает в виде бесконечной «белой пустоши» (białej krainy), «дикого края» (dzikiej krainy). Особое внимание уделяется описанию страданий людей, которым суждено было оказаться на этих безлюдных землях.

В преобладающем числе литературных текстов Сибирь упоминается в контексте описания судьбы героев, которые были сосланы царскими или же коммунистическими властями. Литературная польская традиция однозначно представляет Сибирь в виде земли мук, политой польскими слезами. Подобная односторонность литературной составляющей может быть легко объяснена тем, что публицистика имеет совершенно иные задачи, нежели история. Концентрация внимания на наиболее острых аспектах окружения является главным лейтмотивом литературной традиции в каждой культуре. Совершенно иная задача стоит перед текстами по истории, которые должны создать всеобъемлющую картину прошлого с заострением внимания на доминирующих аспектах общественной жизни. О том, насколько тексты учебников соответствуют данному принципу и как они представляют детям Сибирь, далее в тексте.

Анализ нарративной составляющей школьной литературы

Объектом анализа были учебники, которые использовали в польских гимназиях и лицеях в 2008/17 уч. г. Подобные временные рамки были выбраны исходя из объективных предпосылок. 2017 г. стал годом реформы школьного образования, которая к 2019 г. значительно изменила не только школьную структуру, но и привела к появлению новых школьных программ, в том числе и по истории. 2009 г. был выбран в качестве входного пункта по той причине, что именно этим годом датируется самая старшая версия учебника, которая на момент проведения исследования была допущена к использованию на школьных занятиях. Основное внимание было уделено текстам, которые получили одобрение Министерства народного просвещения Республики Польша (Ministerstwo Edukacji Narodowej).

В год ликвидации гимназий (которые де-факто просуществуют до 2019/20 уч. г.) Министерством народного просвещения Республики Польша к использованию в них было допущено 7 комплектов учебников. Все комплекты (за исключением одного) включали в себя 3 книги, каждая из которых была предназначена для одного года гимназического обучения. Таким образом общее число одобренных Министерством образовательных материалов составляло 21 штуку. Ниже перечислены серий учебных пособий:

- «Следами прошлого» («Śladami przeszłości»);
- «Ближе истории» («Blżej historii»);
- «История» («Historia»);
- «Путешествия во времени» (2Podróże w czasie»);
- «Знакомимся с прошлым» («Poznajemy przeszłość»);
- «История. Учебник для гимназии» («Historia. Podręcznik dla gimnazjum»);
- «Человек и его цивилизация» («Człowiek i jego cywilizacja»).

В рамках проведенного анализа были исследованы тексты всех 7 комплектов учебников (т.е. проба составила 100%).

Помимо учебников для гимназий были рассмотрены 6 комплектов учебников, предназначенных для обучающихся в лицеях (что составляет приблизительно 36% всех изданий, так как число учебных пособий в каждом комплекте варьировало от 1 до 6). Анализу подверглись следующие комплекты публикаций:

- «История. Расширенная. Заинтересованы миром» («Historia. Zakres rozszerzony. Ciekawi świata»);
- «Понять прошлое» («Zrozumieć przeszłość»);
- «Познакомится с прошлым, понять сегодня» («Poznać przeszłość, zrozumieć dziś»);
- «Просто история» («Po prostu historia»);
- «Познакомится с прошлым» («Poznać przeszłość»);
- «Сейчас история» («Teraz historia»)².

Проведение подробных контент- и дискурс-анализа перечисленных выше позиций позволило создать всеобъемлющую модель, отображающую образ Сибири в образовательных материалах, предназначенных для учеников гимназий и лицеев.

Основополагающей единицей анализа являются нарративная составляющая текстов учебной литературы. Главные индикаторы выбранной категории – «Сибирь», «Зауралье», «Дальний Восток» и все их производные. Выбор подобных составляющих является предельно ясным, так как базируется на географическом принципе (более подробно о причине выбора именно таких семантических единиц см. далее в тексте). Первоначально разумным виделось расширение индикаторной составляющей и на иные категории, например названия городов, местностей и

субрегионов Сибири. Однако ознакомление с проблематикой и частичная обработка текстов показали, что подобные лингвистические единицы в польской учебной литературе, как правило, отсутствуют. Более наглядно результаты количественного анализа предоставляет табл. 1.

Таблица 1

Число упоминаний выбранных индикаторов

Индикатор	Общее число появлений в анализируемых текстах
Сибирь	122
Дальний Восток	24
Зауралье	15
Иные географические названия, относящиеся к территории Сибири	11

Существует множество причин подобного, однако наиболее важными являются две. Первая причина – характер материалов, которые подвергались исследованию. Школьные учебники по своей природе характеризуются максимальным упрощением текста и избеганием излишних подробностей. В качестве второй причины стоит отметить традиционную периферийность Сибири в польском сознании; поляки в качестве европейского народа включены в европейское культурное поле, которое традиционно европоцентрично и для которого все территории, не принадлежащие к европейскому ядру, занимают второстепенное положение (Wolff 1994: 12–14). Как результат, Сибирь по сей день воспринимается в качестве «неизведанной» территории.

Необходимо обратить внимание на то, что использование этнонимов в качестве основных единиц анализа было невозможно по причине их трудноопределяемости. В отличие от русского языка, в польском языке «сибиряк» в первом значении не является этнонимом. *Sybirak* – поляк, который был выслан на территорию Сибири; заключенный-каторжанин либо жертва насильственного переселения. Из польского языка данное слово в подобном значении попало в английский язык. По отношению же к населению Сибири, а не к группам польских заключенных используется определение «жители Сибири» либо «народы Сибири» (в случае коренных меньшинств). Именно поэтому редкие случаи упоминаний жителей Сибири были легко определяемы по основному индикатору.

Также хотелось бы отметить крайнюю количественную неоднородность упоминаний о Сибири в разных учебных пособиях. Например, в «*Poznać przeszłość. Wiek XX*» удалось обнаружить лишь три непосредственных упоминания Сибири (в одном случае из трех расположенных на иллюстративно-картографическом материале, в двух остальных – в главном тексте). В учебнике же от Wydawnictwa Szkolnego i Pedagogicznego, «*Bliżej Historii*», предназначенном для гимназистов, удалось насчитать 17 маркеров, указывающих на Сибирь. Подобный

разброс существует между всеми учебными пособиями, однако на основании статистических подсчетов удалось установить, что в среднем на каждый учебник приходится примерно по шесть упоминаний данного региона. Особо стоит обратить внимание, что данная пропорция была выведена лишь для учебников, в которых появлялись выбранные маркеры. Тексты без подобных маркеров, например описывающие историю Древнего мира или Средневековья, исключались из выборки в целях борьбы с возможностью искажения при толковании количественных данных.

Важной составляющей каждого нарративного рассказа является эмоциональная окраска описываемых событий³. В случае с учебниками подобный элемент можно принять за основополагающий, так как тексты направлены на определенную и очень зависимую аудиторию: детей, школьную молодежь. Тексты школьных учебников явно отличаются от аналогичных, но предназначенных для студентов либо от научно-популярной литературы, так как презентуют наиболее важные представления об историческом процессе. Одновременно с этим в большинстве случаев из-за своего упрощенного характера авторские коннотации явны и не скрываются. Подобная ясность при выражении авторских оценочных суждений значительно упрощает проведение анализа и повышает его точность.

Одновременно с этим стоит отметить, что тональность пересказываемой информации в данном случае должна быть указана в двух измерениях. Первое измерение относится непосредственно к Сибири и ее образу в учебной литературе (рис. 1). Второй точкой отсчета является нарратив, описывающий исторические события, непосредственно относящиеся к упоминаниям Сибири (рис. 2). Подобное разделение было применено по чрезвычайно важной причине, которую мы опишем подробнее. Целью исследования являлся анализ создаваемого в учебниках образа конкретного региона. В данном случае ключевой категорией является сама Сибирь и способ ее описания. Например, такие обороты, как «смертоносные земли», «земля смерти» и другие явно создают негативный образ региона. Формулировки же типа «территория возможностей», «богатые земли» создают прямо противоположный образ.

В то же время стоит указать, что предметом исследования были выбраны учебники по истории. Именно поэтому немаловажную роль в создаваемом образе играет эмоциональный фон, связанный с описываемыми историческими событиями, описание которых приводит к упоминанию о зауральских территориях России. Более того, объем материалов и их неоднозначность могли значительно повлиять на промежуточные выводы. Именно поэтому было принято решение о рассмотрении двух элементов в отдельности, благодаря чему в дальнейшем можно будет сделать более точные выводы.

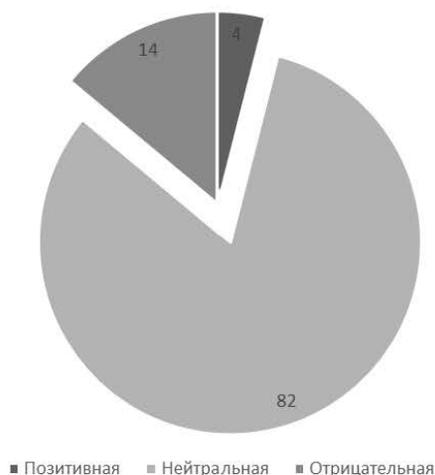


Рис. 1. Тональность высказываний о Сибири, %

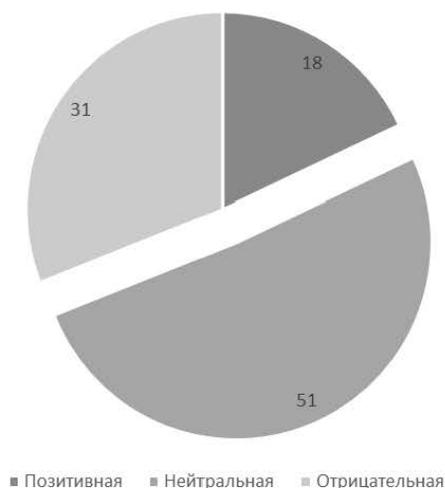


Рис. 2 Тональность высказываний об исторических событиях, непосредственно связанных с упоминаниями о Сибири, %

Исходя из анализа структуры упоминаний, можно сделать вывод о том, что при описании Сибири в качестве территории доминирует тренд нейтральности. Коннотации, как правило, не имеют ярко выраженных негативных или положительных окрасок. Исключения в текстах встречаются очень редко и не оказывают значительного влияния на общий образ. Подобные данным являются в значительной мере неожиданностью, так как в ряде иных материалов, в том числе рекомендованных для студентов высших учебных заведений, Сибирь пред-

ставляется в более негативном ключе (в усреднении, как правило, в качестве безлюдного ледяного ада). Подобный же негативный образ был отмечен в случае литературных произведений.

Относительно исторических событий, в контексте которых упоминается Сибирь, необходимо отметить, что в большинстве случаев данные события являются глубоко символическими и чрезвычайно важными для польской народной памяти. Как правило, это народные восстания, направленные на возвращение Польшей независимости. В данном случае во время анализа были выделены доминирующие метасвязки: восстание-ссылка / сопротивление-репрессии. На первом уровне (восстание, сопротивление) они обладают всеми тремя характерными чертами отношения (негативное, нейтральное и позитивное). На втором уровне (ссылка-репрессии) явно доминирует негативный тон.

В процессе исследования текстов учебников по истории, предназначенных для учащихся гимназий и лицеев, удалось установить, что при словах-индикаторах традиционно выступают схожие определения. Особого внимания заслуживает тот факт, что в связке с Сибирью, как правило, имеют место следующие слова: «ссылка», «лагерь», «каторга», «смерть», «бунт», «переселение», «принуждение». Подобный перечень встречающихся по тексту слов-ключей не должен удивлять. Данный факт указывает на то, что в большинстве случаев упоминание о Сибири в школьных учебниках происходит в привязке к упоминанию судьбы поляков, сосланных в Сибирь, а также при описании насильственного переселения представителей польского народа.

Однозначно тема ссылок является доминирующей при упоминаниях о Сибири. Для создания более полной картины было решено выделить две временные категории, которые связаны с конкретными словами-ключами. Обозначенные хронологические рамки включают в себя порядка 90% случаев появления в тексте слов-индикаторов (рис. 3). Первый этап охватывает историю от разделов Польши и до 20-х гг. XX в. Исходя из обозначенных рамок, условно его можно назвать периодом Российской Империи. Как правило, в данных хронологических границах преобладают такие маркеры, как: «ссылка», «каторга», «бунт», «принуждение». Второй этап включает в себя времена существования Советского Союза. Часть текстов, описывающих данный этап, включает в себя как новые маркеры – «лагерь», «труд», так и встречавшиеся при описании более раннего временного промежутка: «ссылка», «принуждение».

Выявленные слова-доминанты дополняют анализ эмоциональной окраски нарративной составляющей школьных учебников. Они однозначно указывают на то, что проблематика насильственного переселения поляков является преобладающей тематикой, в рамках которой упоминается Сибирь. Второй по важности является тематика репрессий, направленных против поляков. Данная категория была выделена по

той причине, что традиционно она занимает несколько иное место, нежели принудительное переселение. В случае с насильственным перемещением основное внимание обращается на широкие слои населения и гораздо реже появляются ассоциации, связанные со смертью. Репрессии же однозначно ассоциируются с определенным промежутком времени и предполагают гораздо более негативную нарративную составляющую, так как ассоциируются с этноцидом польского народа.

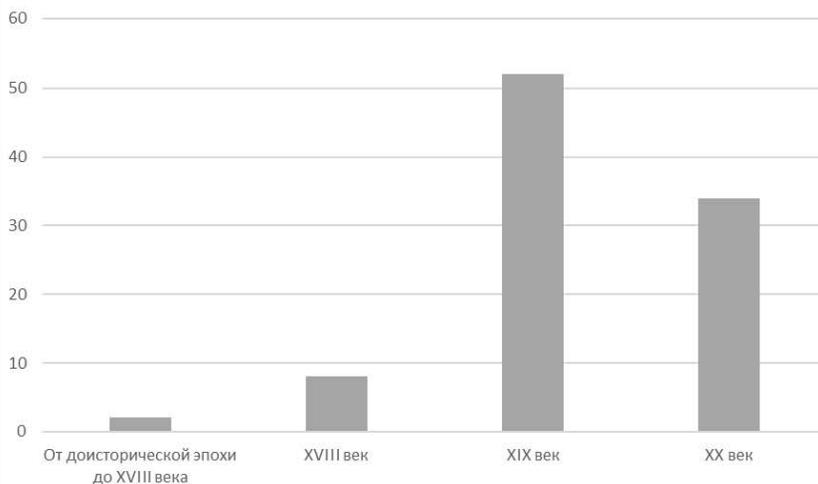


Рис. 3. Процентное отношение упоминаний Сибири на фоне конкретных эпох

Кроме обозначенной семантической группы, относящейся к описанию вынужденного переселения поляков, удалось установить еще две отдельные темы, в рамках которых появляется Сибирь. Одна из них – это изложения событий Второй мировой войны, а именно хода битвы под Москвой. Данная тема встречается в большей части учебных пособий, описывающих XX в. В данном случае упоминаются сибирские дивизии, переброска которых с дальневосточных территорий СССР сыграло ключевую роль в отражении продолжающегося наступления Вермахта на Москву. В ряде учебников отдельно упоминается, что так называемые сибирские дивизии были великолепно обучены и подготовлены к боевым действиям в условиях суровой зимы. В данной группе чаще всего появляются такие маркеры, как «дивизия», «контрнаступление». Вторая группа встречается гораздо реже, нежели первая, и непосредственно относится к Сибири как региону России. Ее индикаторами являются следующие конструкции: «железная дорога», «транссибирская магистраль», «строительство». Подобная группа может быть отнесена к экономической составляющей общественной жизни. В незначительном числе случаев (3 случая) подобная тема подается в контексте Русско-японской войны («Япония», «конфликт», «колониализм»).

Остальные случаи появления Сибири на страницах польских учебников являются эпизодическими, и их трудно причислить к какой-либо определенной тематике. Более того, пропорционально они представлены небольшим процентом, который не представляет значительного интереса для исследования. Более подробно результаты анализа лингвистических форм показаны в табл. 2.

Две последние группы тонально создают образ Сибири в однозначно позитивном ключе, который можно обозначить следующим образом: Сибирь – спасительница России, и Сибирь – земля возможностей.

Таблица 2

Информационные поводы сообщений, посвященных Сибири

Повод	Лингвистические единицы	%	Этап	Доминирующая лингв. единица	%
«Сибирь как мера наказания»	Ссылка, лагерь, каторга, бунт, переселение, принуждение, труд	72	РИ	Ссылка, каторга, бунт, принуждение	43
			СССР	Переселение, принуждение, лагерь, труд	29
«Сибирь как тыл Восточного Фронта»	Дивизия, контрнаступление	14	–		
«Сибирь – земля возможностей»	Железная дорога, строительство, развитие	10	–		
Иное	Япония, конфликт, продвижение	4	–		

Вышеизложенные в тексте данные необходимо отдельно привязать к структуре преподавания истории в качестве школьного предмета (рис. 4). Данный график наглядно показывает частотность появления Сибири в учебниках для конкретных уровней школьного обучения. Исходя из информации, которую он презентует, легко понять, что основное число упоминаний о Сибири приходилось на третий класс гимназий и первый год обучения в послегимназиальных образовательных учреждениях.

Важным моментом при описании Сибири является ее восприятие в определенных географических границах. Стоит отметить, что научная традиция Польши в качестве Сибири понимает зауральские территории России не далее, чем до линии водораздела с Тихим Океаном; соответственно, Дальний Восток, согласно польской научной классификации, является регионом отдельным. Исследование текстов учебников выявило тенденцию, которая находится в конфликте с научным определением Сибирского региона. Нарративная составляющая текстов явно указывает на то, что Сибирью является вся азиатская часть Российской Федерации / Российской империи / Царства Московского. Более того, дискурс дает

понять – Дальний Восток лишь сибирский субрегион. По всей видимости, подобная разница между научным понятием и нарративом может быть объяснена польской романтической традицией восприятия Сибири, которая прочно закрепилась в литературе и школьном образовании.

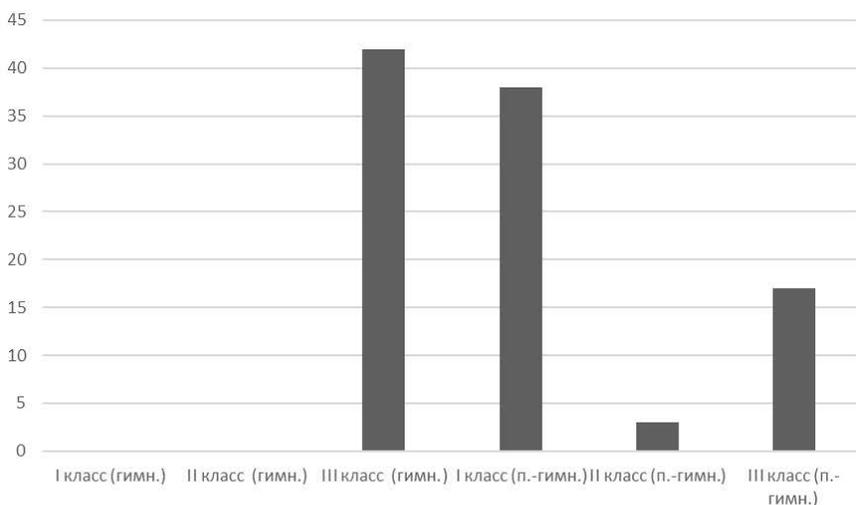


Рис. 4. Частотность упоминаний о Сибири в учебниках для разных классов

Подобная тенденция подтверждается картами и иными графическими материалами, содержащимися в учебниках. Карты, изображающие зауральские территории России все земли на восток от Урала обозначают в качестве Сибири. Название «Дальний Восток» на подобных планах и картах, как правило, отсутствует. Исключение в ряде проанализированных случаев представляют параграфы, описывающие политику Российской Империи времен Николая II в контексте Русско-японской войны. В данном случае происходит четкое разграничение понятия «Дальний Восток» (которое включает и так называемый ориентальный Дальний Восток, а именно Китай, Корею и Японию) и «Сибирь». Стоит отметить: в проанализированных текстах практически не появлялись упоминания об отдельных сибирских городах либо о сибирских субрегионах. Нарративная составляющая учебников представляет Сибирь в качестве монолитной территории, лежащей за уральскими горами, без его разграничения на отдельные субрегионы.

Немаловажным является также и то, что Сибирь в качестве региона обычно выступает в связке с Россией. Например, при описании исторических эпох, предшествующих присоединению Сибири к Русскому царству, по отношению к Сибири используется термин «североазиатские территории / земли». Отдельно подчеркнем: число подобных упоминаний мизерное, так как превалирующее число упоминаний выпадает именно на XIX–XX вв. (см. рис. 3).

Вопрос целостности нарратива, описывающего Сибирь, не может быть полноценно освещен без его помещения в более широкий контекст, а именно создаваемый польскими учебниками образ России. Подробный анализ текстов учебников по истории, а также краткое ознакомление с литературным канонem позволили сделать выводы, которые расширяют наши знания в обозначенной области и позволяют говорить о Сибири как отдельном субъекте нарратива учебников.

Как отмечали польские историки, описание истории Польши без как минимум эпизодических упоминаний о России невозможно. Причиной подобного является «нераздельность» истории двух стран после разделов Речи Посполитой в конце XIX в. и вплоть до упадка польского коммунистического режима в 80-е гг. XX в. Из-за обширности «присутствия» России в разнообразной исторической литературе существует многочисленная польскоязычная литература предмета, посвященная российскому образу в польской образовательной литературе и наоборот (Katalog wzajemnych... 2006; Мареш 2012; Włachowska 2013; Maresz 2017). В результате ознакомления с научными текстами удалось установить следующие факты. Во-первых, большинство ученых отмечают постоянную изменчивость восприятия России на протяжении продолжительного времени. Во-вторых, как правило, учебная литература характеризуется чрезвычайно упрощенным представлением о России. Особенно заметно это при описании европейской территории России, которая представляется в виде монолитного региона с географическим центром в районе Москвы. По этой причине при упоминании каких-либо исторических событий, связанных с историей Великого Княжества Московского либо Русского царства, в текстах отсутствует какая-нибудь географическая привязка, кроме самой общей, т.е. упоминается лишь о том, что событие произошло в России. Это подтверждает и проведенное нами исследование, которое указало на то, что даже описание таких ключевых событий, как Гражданская война в России и Великая Отечественная война, сконцентрированы на презентации событий, происходящих в Москве и Петербурге, с минимизацией упоминаний о каких-либо иных регионах.

Проведенный анализ явно показал, что в подобном обобщенном образе России в качестве однообразного образования существует исключение, которое представляет из себя Сибирь. Она является единственным регионом, упоминания о котором с постоянной периодичностью появляются в школьных учебниках. Несомненно, количественно упоминания о зауральских территориях России не идут ни в какое сравнение с частотой появления в текстах маркеров, указывающих непосредственно на Россию либо, например, Германию. Бесспорным, однако, остается факт, что выявленные пропорции ясно дают понять: польские учащиеся с постоянной регулярностью сталкиваются с нарративом, трактующим Сибирь в качестве отдельного субъекта мироустройства.

Выводы

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы относительно образа Сибири в польских учебниках. Анализ текстов школьных материалов выявил, что нарративная составляющая использует преимущественно нейтральные тона при описании зауральских территории России. Упоминания о данном регионе происходят, как правило, на фоне информационных поводов, которые в большинстве случаев являются ключевыми моментами для Польского государства и народа (народными восстаниями в рамках борьбы за независимость). Текстовые сообщения представляют Сибирь в качестве суровой местности, которая являлась местом ссылки для непокорных. Подобный факт не стал неожиданным, так как первоначально и предполагалось, что упоминания о Сибири будут происходить именно в данном контексте – контексте судьбы поляков, сосланных в Зауралье.

Неожиданным стало открытие, что может и гораздо реже, но с неизменной частотой, в текстах встречается сибирский образ, который не связан с историей польских узников. Как правило, это либо описание царской политики конца XIX в. на Дальнем Востоке, либо рассказ о событиях, связанных с Восточным Фронтом Второй Мировой войны. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что в большинстве проанализированных материалов при описании судьбы Армии Андерса не встречается упоминаний о Сибири. Точно такой же неожиданностью стало относительно малое число упоминаний о Сибири в рассказе о сталинских репрессиях на территории восточных воеводств.

Матрица контент-анализа однозначно указывает на то, что при описании исторических событий (на которые приходится упоминания о Сибири) наиболее часто встречаемыми определениями являются: ссылка, лагерь, переселение, наказание. При описании событий, непосредственно несвязанных с судьбой польского народа, появляются: дивизия, строительство и развитие.

В целом можно отметить, что образ Сибири в учебниках по истории представляется гораздо более положительным, нежели в классических произведениях польской литературы, с которыми ученики параллельно знакомятся в ходе школьных занятий. Анализ не выявил доминанты негативных коннотаций о Сибири. Более того, в связке с Сибирью чрезвычайно редко появляются такие определения, как «смерть» и «пустошь», которые в литературных произведениях являются де-факто частями сибирского образа. Подобный факт ясно говорит о том, что учебники стремятся к предоставлению ученикам как можно более научного взгляда на ряд исторических событий либо как минимум отходу от литературного канона, краткая характеристика которого была дана во второй части данной статьи.

Подробные результаты количественного и качественного анализа более детально были представлены в вышеизложенном основном тексте. Как нам кажется, при подведении итогов основное внимание стоит уделить тому факту, что в процессе исследования удалось подтвердить первоначальную гипотезу. Данная гипотеза базировалась на предположении, что Сибирь является неотъемлемым элементом исторического дискурса учебников по истории. Количественный анализ текстов подтвердил не только факт ее присутствия, но более того, указал на факт массовости ее появления в нарративе.

Кроме этого, удалось установить черту, которая связывает все тексты, а именно невнимание к простому россиянину – жителю Сибири. Авторы практически не упоминают о населении описываемых территорий, благодаря чему может появляться ощущение, что единственными жителями необъятных зауральских просторов были лишь каторжники.

Проведенное исследование указало лишь на один конкретный момент, связанный с конструированием образа Сибири в польском обществе. Незатронутым остался ряд тем, связанных с данной проблематикой, которые требуют отдельной работы. Однако, как нам кажется, в целом была выявлена вполне благоприятная тенденция стремления учебников к нейтральности. Открытие подобного тренда свидетельствует о том, что сегодня в Польше (на уровне старшей школы) в отношении Сибири не культивируются новые или старые негативные стереотипы.

Примечания

¹ Установлено на основании личного педагогического опыта и в результате опроса учителей, преподающих в учебных заведениях Щецина, Варшавы, Кракова и Радома.

² Массив выбранных текстов (учебников) составил 46 единиц.

³ Под эмоциональной окраской в рамках данной статьи мы понимаем способ подачи материала, тон, лексические приемы, используемые в тексте и т.д.

Литература

Мареш Т. Соседи Польши в школьных учебниках по истории. Проба диагноза образца восточного соседа. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.

Поляки и русские в глазах друг друга / ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2000.

Błachowska K. Cywilizacyjny obraz Rusi i Rosji w polskich podręcznikach historii dla szkół ponadgimnazjalnych // *Sensus Historiae*. 2013. № XI. P. 117–133.

Burszta W.J. Świat jako więzienie kultury. Pomyślenia. Biblioteka Myśli Współczesnej Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2008.

Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / ed. by A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.

Leerssen J. National Thought in Europe: A Cultural History. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006.

Leerssen J., Hoenselaars Ton. The Rhetoric of National Character: Introduction // *European Journal of English Studies*. 2009. № 13. P. 251–255. DOI: 10.1080/13825570903223467

- Leerssen J., Beller M.* Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Amsterdam: Rodopi, 2007.
- Maresz T.* Polska i Polacy w radzieckiej szkolnej narracji podręcznikowej. Bydgoszcz: Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, 2017.
- Materski W.* Od cara do „cara”. Studium rosyjskiej polityki historycznej. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2017.
- Suchoński A.* Nauczanie historii na terenach mieszanych etnicznie. Gliwice-Opole: Dom Współpracy Polsko-Niemieckiej, 1999.
- Ustawa z dnia 8 stycznia 1999 r. – Przepisy wprowadzające reformę ustroju szkolnego. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19990120096>
- Ustawa z dnia 14 grudnia 2016 r. – Prawo oświatowe. URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20170000059>
- Wojdon J.* Powstanie styczniowe we współczesnych podręcznikach rosyjskich // Powstanie styczniowe: odniesienia, interpretacje, pamięć / ed. by T. Kargol. Kraków, 2013. P. 135–143.
- Wolański F., Leskinen M.* Polska – Rosja: XIV–XVIII wiek. Materiały do nauczania historii. Lublin, 2017.
- Wolff L.* Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994.
- Zientara B.* Świt narodów europejskich. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2017.

Статья поступила в редакцию 11 марта 2019 г.

Polish history textbooks: Constructing the image of Siberia

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/8

Stanisław E. Boridchenko, University of Szczecin (Szczecin, Poland). E-mail: esani-us@gmail.com

Abstract. The article discusses the narratives about Siberia contained in Polish history textbooks and the image of the region created by them. The author analyzes the total of 46 textbooks used in Polish gymnasiums and lyceums from 2008 to 2017. Purposeful image construction in the general public's discourse has been a popular research topic over the last twenty years, but so far there have been no attempts to deal with it in the specific context presented in the article. The discourse of the Polish history textbooks is further compared with the image of Russian territories beyond the Urals which is found in some literary works that Polish schoolchildren have to study. The content analysis and discourse analysis of the textbooks conducted by the author have allowed him to suggest a comprehensive model reflecting the image of Siberia as constructed by the educational materials intended for students of Polish gymnasiums and lyceums. The text analysis has revealed a predominantly neutral tone of the description of Siberia and no negative connotations. Overall, the study confirms the author's initial hypothesis that Siberia is an integral part of the historical discourse contained in the Polish history textbooks. Moreover, thanks to the quantitative analysis of the texts, the main topics, within which Siberia is specifically mentioned, have been identified. Finally, particularly noteworthy is the fact that many references to Siberia as given in the textbooks go beyond the widely spread representation of Siberia as a place of exile.

Keywords: image, Siberia, textbooks, history, Poland, narrative

References

- Błachowska K. Cywilizacyjny obraz Rusi i Rosji w polskich podręcznikach historii dla szkół ponadgimnazjalnych. *Sensus Historiae*, 2013, no. XI, pp. 117-133.
- Burszta W.J. *Świat jako więzienie kultury. Pomyślenia*. Biblioteka Myśli Współczesnej Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2008.
- Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Ed. by A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.
- Leerssen J. *National Thought in Europe: A Cultural History*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006.
- Leerssen J., Hoenselaars Ton. The Rhetoric of National Character: Introduction. *European Journal of English Studies*, 2009, no. 13, pp. 251-255. DOI: 10.1080/13825570903223467
- Leerssen J., Beller M. *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*. Amsterdam: Rodopi, 2007.
- Maresz T. *Polska i Polacy w radzieckiej szkolnej narracji podręcznikowej*. Bydgoszcz: Wydawnictwo: Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, 2017.
- Materski W. *Od cara do „cara”*. *Studium rosyjskiej polityki historycznej*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2017.
- Suchoński A. *Nauczanie historii na terenach mieszanych etnicznie*. Gliwice-Opole: Dom Współpracy Polsko-Niemieckiej, 1999.
- Ustawa z dnia 8 stycznia 1999 r.* – Przepisy wprowadzające reformę ustroju szkolnego. Available at: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19990120096>
- Ustawa z dnia 14 grudnia 2016 r.* – Prawo oświatowe. Available at: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20170000059>
- Wojdon J. Powstanie styczniowe we współczesnych podręcznikach rosyjskich. In: *Powstanie styczniowe: odniesienia, interpretacje, pamięć*. Ed. by T. Kargol. Kraków, 2013, pp. 135-143.
- Wolański F., Leskinen M. *Polska – Rosja: XIV–XVIII wiek. Materiały do nauczania historii*. Lublin, 2017.
- Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994.
- Zientara B. *Świt narodów europejskich*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2017.
- Maresz T. *Sosedi Pol'shi v shkol'nykh uchebnikakh po istorii. Proba diagnoza obraztsa vos-tochnogo soseda* [Poland's neighbours as depicted in history textbooks. Examining the image of the Eastern neighbour]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012.
- Poliaki i russkie v glazakh drug druga* [The Poles and the Russians in the eyes of one another]. Ed. by V.A. Khorev. Moscow: Indrik, 2000.

УДК 316

DOI: 10.17223/2312461X/31/9

КВАЗИФОРМАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИТУАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Валерий Сергеевич Шевченко

Аннотация. Рассматривается ситуация этнографического наблюдения за практикой ученого-зоолога на выездной школе, посвященной исследованиям науки и технологий. В процессе наблюдения объект исследования изменяется, поскольку зоолог видит свою цель пребывания на школе как сугубо педагогическую. С помощью анализа транскрипта фрагмента одной из встреч группы исследователей с зоологом иллюстрируется неоднозначность ситуации – трудность ее отнесения к формальному или обыденному типу взаимодействия, что связано с наличием в ней характеристик обоих типов. Анализ структурной организации этого взаимодействия говорит о ее квазиформальном характере, поскольку порядок взаимодействия в ней лишь ограничивает возможные, а не предписывает желательные способы поведения. Анализируются философские импликации изменения теоретической оптики, предпринятого автором для лучшего понимания и объяснения эмпирического материала.

Ключевые слова: квазиформальное взаимодействие, этнография науки, конверсационный анализ, исследования науки и технологий, этнометодология

Введение

Данная работа имеет своей целью описать и проанализировать кейс с точки зрения этнометодологии. Изначально кейс предлагался для анализа в рамках другой оптики – STS (Science and Technology Studies). Точнее, Visual STS (Galison 2014) и Camera Ethnography (Mohn 2005; Макиенко 2017). Рассматривается случай международной выездной STS-школы, где антропологи собирали данные о практиках ученых, наблюдая то, что Бруно Латур называет «наукой в действии» – цепи медиаций в процессе производства научного знания (Латур 2013). Придя к выводу, что предложенная теоретическая рамка не производит релевантных различий, было решено проанализировать кейс с точки зрения этнометодологии и конверсационного анализа, чтобы выявить, каким образом в данном случае устроен и произведен социальный порядок. Философская рефлексия смены теоретической оптики ввиду столкновения с непредвиденной эмпирической проблемой будет представлена в последнем разделе статьи.

Рассматриваемый кейс, о котором будет подробно сказано далее, представляет собой неоднозначную ситуацию, декларативно являющуюся «наукой в действии», а фактически – учебным процессом. В ре-

зультате этого возникает проблема разницы ожиданий у участников ситуации. Методы STS не подходят для изучения подобной неоднозначности, поскольку имеют другую задачу – описание цепи медиаций, или «переводов».

Проблема разницы ожиданий, возникающая в рассматриваемом нами кейсе в результате фактического расхождения изначально запланированного действия и его воплощения, является экземплификацией более широкой социологической проблемы «определения ситуации», сформулированной Уильямом Томасом. Согласно формулировке этой проблемы, «если люди определяют ситуацию как реальную, то она реальна по своим последствиям» (Thomas 1928: 572). Эта проблема имеет дело не с самовыполняющимися пророчествами, как принято считать (Merton 1948; Biggs 2009), а с экзистенциальной каузальностью, т.е. с теми значениями ситуации, которые атрибутируются ей непосредственными участниками, воспринимающими ее (Ball 1972: 62). Иногда определение ситуации затруднено различными факторами, и в этом случае возникает неоднозначность (*ambiguity*), которая может быть сфокусированной или всеобъемлющей. В случае последней участникам ситуации необходимо решать фундаментальные вопросы значения ситуации и адаптации своего поведения к ней, в то время как в случае первой – лишь инструментальные вопросы, связанные с конкретной проблемой или адаптацией к ней (Ball-Rokeach 1973: 379).

Именно инструментальные вопросы решаются участниками ситуации в рассматриваемом кейсе, поскольку в нем не происходит тотального разрушения понимания и ориентации в происходящем. Иначе говоря, исследуемый кейс иллюстрирует не только то, каким образом произведен локальный социальный порядок в конкретной ситуации, но также уделяет внимание проблеме «определимости» ситуации и адаптации к ней ее участников. Прежде чем приступить к рассмотрению указанной проблемы, необходимо сделать несколько замечаний касательно теоретической оптики, принятой нами для изучения рассматриваемого кейса, а также касательно специфики самого этого кейса.

Этнометодология науки и STS

Принято считать, что этнометодология науки мало чем отличается от STS, точнее, от их предшественника – социологии научного знания. Однако такой взгляд на этнометодологию науки упускает ее специфику как сосредоточенной на рассмотрении локальных практик ученых. Этнометодологические исследования науки не рассматривают разделение компетенций ученого на социальные и технические, не рассматривают научные практики как конструкции и не принимают социологический аппарат концептуализации, вместо этого предлагая использовать язык

изучаемой дисциплины (Корбут 2013). Они рассматривают стабильность, рациональность и наблюдаемость «социальных фактов» как «локальные достижения» (local accomplishments), в то время как в рамках социологии научного знания они рассматриваются в качестве социальных конструкторов (Lynch 1993: 265). Подобные, казалось бы, незаметные изменения являются фундаментальными на концептуальном уровне.

Предпринимая такое изменение исследовательского подхода постфактум, мы постарались обратить внимание на иные аспекты практики учебных, чем предполагавшиеся изначально. Объект данного исследования был «текучим» и амбивалентным, что приводило к дальнейшему варьированию аналитического подхода. Если изначально предполагалось наблюдение за работой ученого, имеющего собственную *научную* задачу и выполняющего ее, то в ходе исследования выяснилось, что работа ученого носит в данном случае, прежде всего, *педагогический* характер. Исходя из этого, мы обратимся к исследованиям институционального взаимодействия (Arminen 2005), в частности к взаимодействию в процессе передачи знаний и навыков в рамках учебного процесса. Необходимо показать, в чем состоит отличительная особенность исследований институционального взаимодействия и почему они важны для нас в данном случае.

Исследования институционального взаимодействия представляют собой место пересечения «большого» социального порядка и ситуативного взаимодействия (Arminen 2005: 32). Исходя из этого, можно предположить, что ключевым отличием обыденного взаимодействия от институционального является ориентация взаимодействующих на определенный контекст, обладающий более или менее формальными признаками. Причем разные контексты обладают своими уникальными особенностями. Взаимодействие в поликлинике, суде и на лекции будет иметь отличные друг от друга характеристики, что, в принципе, не является большим открытием.

Однако рассматривая институциональный контекст как нечто предданное, исследователь сталкивается с проблемой потенциально бесконечного разрастания этого контекста. Например, взаимодействующие могут приписывать друг другу широкий спектр атрибутов – гендер, возраст, статус и т.д. Это, в свою очередь, препятствует выявлению релевантных для интеракции аспектов, а также непосредственному исследованию ее эндогенной, т.е. внутренней, динамики (Drew 1992: 19). В связи с этим важным становится требование «процедурной релевантности контекста» (Schegloff 1991), т.е. фокусирования внимания исследователя на наблюдаемых характеристиках взаимодействия и на тех его аспектах, которые являются конститутивными и регулятивными для его осуществления.

Следуя этой логике, «контекст» необходимо рассматривать одновременно как проект и продукт взаимодействия – он производится ло-

кально (Drew 1992: 21). Именно поэтому «значение коммуникативного действия каждого говорящего дважды контекстуально, будучи сформированным этим контекстом и вносящим в него изменения» (Heritage 1984: 242). Иначе говоря, институциональный контекст – это такое же «локальное достижение». Он производится в результате некоторой работы участников взаимодействия. В свою очередь, порядок взаимодействия является *интерфейсом* между институцией и взаимодействующими внутри нее (Arminen 2005: 10).

Рассматривая различие обыденной и институциональной интеракции, важно подчеркнуть, что они относятся к двум разным системам обмена речью: аллокационной и преаллокационной соответственно. Суть первой заключается в ситуативном распределении очередности, контента, размера череда и количества говорящих, их свободной вариации. Вторая система имеет предзаданные конвенциональные ограничения касательно указанных выше элементов (Sacks, Schegloff, Jefferson 1974: 729–730). Также признаком обыденной речи является контингентно складывающийся контекст взаимодействия – каждая следующая реплика может изменить контекст настолько, что, например, светская беседа станет допросом (Arminen 2005: 48). В свою очередь, институциональное взаимодействие в этом смысле не контингентно – оно предзадано и в какой-то степени стратегично. Рассматриваемый в данной работе случай – ситуация учебного процесса – по своему определению должен относиться к преаллокационной системе. Однако, как мы покажем далее, это не очевидно.

Подобно другим институциональным интеракциям учебный процесс предполагает достижение некоторой формальности или «чувства формальности» (McNoul 1978: 185). Однако средства достижения подобного чувства в данной ситуации отличаются от средств в других институциональных окружениях. В частности, можно выделить несколько основных элементов, повторяющихся регулярно: педагогический цикл, пространственная организация, починка (*repair*) и корректировка.

Педагогический цикл состоит из инициирования, ответа и оценки и в целом характерен для учебного процесса (Mehan 1979). Компетентность учащегося, в свою очередь, заключается в одновременном соответствии формы и содержания его реплики этому циклу инициации-ответа-оценки, задаваемому учителем.

Пространственная организация предполагает и в то же время учреждает интеракционное неравенство между участниками. Крайней формой подобного неравенства является лекция, когда один участник, находящийся как бы на вершине треугольника, располагается напротив остальных участников, рассаженных по рядам, параллельным основанию этого треугольника. Участник на вершине обычно имеет право и обязательство на длительную речь, в то время как сидящие по рядам –

лишь право слушать (Kendon 1973: 39). Иначе говоря, пространственная организация, несомненно, влияет на то самое чувство формальности, достигаемое во время учебного процесса.

Починки характерны не только для взаимодействия внутри учебного процесса, но служат важным интеракционным ресурсом в нем, являясь инструментом восстановления интересубъективного понимания между преподавателем и учениками. Корректировки, в свою очередь, имеют целью поддержание локального социального порядка. Все эти характеристики говорят о том, что «институциональность и социальные отношения встроены в текстуру разговора и организованы с помощью нее» (Baker 1997: 47).

Как будет показано далее, рассматриваемый кейс неоднозначен – он не может быть с уверенностью назван примером институционального взаимодействия, как, например, заседание суда или лекция в вузе. Он представляет собой, скорее, пример квазиформального взаимодействия, которое имеет признаки первого, но не сводится к ним. Соответственно, мы сфокусируемся на том, чтобы показать, каким образом производится локальный порядок внутри институционально амбивалентной практики.

Мы рассмотрим наш случай через призму нескольких частично накладывающихся друг на друга «измерений институциональности» интеракции: организации очередности, общей структурной организации интеракции, организации последовательности (sequential organization) и интеракционной асимметрии (Drew 1992).

STS-школа: предварительные замечания

В конце июня 2017 г. я принял участие в международной STS-школе под названием «Anthropology of science and modern forms of life: Camera ethnography approach in studying laboratory practices», проходившей на базе Томского государственного университета и исследовательской станции «Кайбасово». Основной задачей школы была реализация этнографической работы исследователей с целью изучения практик ученых естественно-научного направления, их фиксация, описание в терминах акторно-сетевой теории и анализ (Поправко, Чалаков 2017). Предполагалось, что участники сделают STS-исследование в духе работы «Лабораторная жизнь» (Latour, Woolgar 1986). Поэтому полевой этап школы предваряли несколько дней лекций и семинаров, посвященных истории STS, методологии ранней акторно-сетевой теории, исследованиям лабораторий, а также видеоэтнографии.

Парадигмой школы была акторно-сетевая теория в ее «ортодоксальном» варианте (Callon 1986; Latour 2005), что, безусловно, накладывало определенные ограничения на возможные подходы к исследованию. Приоритет отдавался прослеживанию и описанию «цепи перевода» с

помощью визуальных методов, а именно Camera Ethnography, суть которого заключается в использовании видеокамеры в качестве некоторого указательного инструмента, фоторучки (picture-pen), а не просто записи всей ситуации и ее последующего анализа (Mohn 2005). То есть изначально перед исследователями не ставилась задача показать, каким образом производится и поддерживается локальный социальный порядок в ситуациях совместной работы антропологов и ученых естественно-научного направления. Этим можно объяснить фокус внимания и ракурсы съемки, очень выборочно отражающие происходящее, что не совсем удобно для описания конститuent социального порядка в рассматриваемой ситуации (см. рис. 1).

На полевом этапе школы, проходившем в исследовательском лагере на станции Кайбасово, всех участников разделили на рабочие группы и прикрепили к разным коллективам ученых – биологам, гидрологам, ботаникам и т.д. Участники должны были наблюдать и описывать практики этих ученых. Почти все группы ученых имели свою конкретную задачу. Гидрологи прибыли с целью забора проб воды и почвы, ботаники – с целью изучения фиторазнообразия района и т.д. Иначе говоря, прослеживание цепи медиаций в этих случаях возможно, поскольку эти практики предполагают некий результат в виде репрезентации реальности: отчет, фотодокументацию или же статью. Ученые решали свои задачи все пять дней, которые длилась школа.

Я попал в группу, прикрепленную к зоологу В. Н., у которой, как решила наша интернациональная группа в ходе исследования, не было специальной исследовательской задачи. На протяжении четырех дней она посвящала нас в работу с биоразнообразием данного района – поймы Оби. Сразу стоит отметить, что наши встречи с В. Н. имели характер занятий, а не этнографического наблюдения за научной практикой в том смысле, в каком она представлена у Латура и Вулгара.

Интересным здесь является то, что в процессе наблюдения за зоологом, наша группа начала сомневаться в определенности объекта исследования. Зоолог видела свою миссию на этой школе как сугубо педагогическую, что, во-первых, проявлялось в ее работе, а во-вторых, стало известно из интервью, которое мы у нее позже взяли. Изначально мы хотели выяснить, каким образом она структурирует действительность, делает ее видимой для себя и виртуозно ориентируется в ней. Однако позднее мы поняли, что объектом исследования являемся мы сами, потому что практики, производимые В. Н., имели своей целью научить нас структурировать действительность так же или близко к тому, как это делает она. Например, находясь в «поле», т.е. за пределами станции, понимать, какая зона является экотонной, т.е. представляющей собой пересечение двух биотопов – участки, однородные по абиотическим факторам (Одум 1975). Иначе говоря, подобная задача является не

исследовательской, а педагогической. Это подразумевает, что «цепь перевода» здесь весьма трудно поддается артикуляции и, тем более, непосредственному наблюдению и изучению.

Итак, наши встречи в целом носили характер занятий. В аналитических целях все встречи можно разделить на три вида: выходы в «поле», т.е. за пределы станции, лекции и практические занятия. На встречах первого вида мы расставляли ловушки для животных – так называемые «живоловки» и ловушки Геро, а также рыли ловчие траншеи и собирали пробы биоразнообразия из водоема. Встречи второго вида были оформлены как ситуации учебного процесса – и материально, и дискурсивно. Имеется в виду, что были проектор и экран, с помощью которых В. Н. показывала учебные слайды на различные темы, выбор которых может показаться довольно произвольным (репродуктивные системы мужчины и женщины, разнообразие видов птиц на территории Западной Сибири, первая помощь при укусе змей и т.д.).

Однако это взаимодействие не осуществлялось в строгой институциональной форме, предполагающей выполнение четких правил. Например, пространственная организация рассадки слушателей не была установлена заранее по нескольким причинам: во-первых, не было подходящего помещения, где можно было бы организовать занятие согласно формальным предписаниям, а во-вторых, как будет показано далее, взаимодействие в целом имело квазиформальный характер (Arminen 2005: 47). Встреч третьего типа было меньше всего. Точнее, одна. Эта встреча была посвящена «первичной обработке» пойманных существ, в частности мыши-бурозубки и жуков-мертвоедов. Логически она является продолжением встреч первого типа, проходивших за пределами станции. Мы сосредоточим свое внимание именно на этой встрече, так как, по нашему мнению, она имеет неоднозначный характер, выражающийся в наличии элементов институциональной и обыденной (mundane) интеракции. На этой встрече В. Н. просит участников группы ей ассистировать, пока она рассказывает и показывает, что и как необходимо предпринимать в подобных ситуациях.

Учебный процесс

Все участники группы и зоолог собрались на веранде. На столе лежит инвентарь, необходимый для демонстрации первичной обработки животного, среди которого крупное увеличительное стекло, пакет с зубными щетками и резинками для денег, тара для помещения в нее раствора и животного, специальные белые хлопковые мешочки для транспортировки животных и насекомых, пинцеты. В. Н. берет мешочек, в котором лежит мертвая бурозубка, извлеченная из ловушки Геро. Все пятеро студентов увлеченно наблюдают за этим, расположившись

вокруг преподавателя. Кто-то фиксирует происходящее на фото и видео. В. Н. открывает мешочек и просматривает его на предмет паразитов. Затем она достает пинцетом бурозубку из мешочка и кладет ее на листок бумаги, который ей дали ассистенты. В ситуации участвуют шесть человек: один преподаватель (В. Н.) и пятеро учеников (В., К., Ди., Дэв., А.). Во время разворачивающейся ситуации я снимал происходящее на видео. Этим можно объяснить мои столь немногословные реплики.



- 1 В.Н.: Первое, что мы делаем (.) кх (.) мы просматриваем мешочек (0.9) вот щас я
 2 (в)(.) щас, подождите (0.3) посмотрим (0.9).
 3 В.: =Угу
 4 В.Н.: =Вот она бурозубка, листочек дайте, девочки (.) ЛИСТОЧЕК белый дайте.
 5 (1.5) Вот она бурозу[бка](0.3)
 6 К.: [Уоу]
 7 В.Н.: Пусть пока она лежит (0.5)
 8 → К.: О[на::::]-
 9 → В.Н.: [Но мы] сначала [шtbody (.) просматриваем мешочек (вот)]
 10 → Ди.: =[Да, (0.3)(...) (1.5) (...)]
 11 → К.: [Она умерла, да?]
 12 → Дэв.: =[Sorry] (0.4) (...) (1.2)
 13 В.: Угу
 14 → Дэв.: [‘ts a va(bula)!]
 15 → В.Н.: [Мы просматриваем мешочек (0.5) [на пред]мет паразитов
 16 В.: [У::гу::]

Рис. 1. Строка 5-го транскрипта

В первом приближении можно сказать, что ситуация чрезвычайно насыщенная и «плотная». В качестве говорящих выбирают себя практически все участники, кроме А., однако Ди. говорила с А. в строке 10. Очевидно, что «оживление» почти всех участников вызвано извлечением мертвой бурозубки из мешочка. Внимание В. Н. сосредоточено на

мешочке, а затем на бурузубке. Паузы в ее речи в начале отрывка связаны с тем, что она пытается открыть мешочек и расправить его, тем самым сделав мышь видимой для участников. Рассмотрим ситуацию с точки зрения некоторых «измерений институциональности», которые были упомянуты выше.

Организация очередности. Взаимодействие подобного рода должно относиться к преаллокационной системе обмена речью. Однако здесь налицо гибрид преаллокационной и аллокационной систем, что проявляется в наличии способов распределения очередности, присущих обеим системам. Это особенно видно в строках 8–12, где В. Н., несмотря на последовательный выбор себя в качестве говорящих почти всех участников ситуации, не прерывает свою речь и продолжает говорить, тем самым утверждая собственную институциональную позицию преподавателя, имеющего привилегию распределения очередности.

Как видно, организация очередности не имеет строгих формальных рамок, какие есть, например, в ситуации урока в школе (Arminen 2005: 117–129). Преподаватель не стремится научить участников каким бы то ни было «правилам игры», например поднимать руку или спрашивать разрешения для того, чтобы задать вопрос. Иными словами, преподаватель не имеет цели дисциплинировать участников. Это говорит о данном взаимодействии как о квазиформальном.

В строках 8–12 происходит сразу несколько параллельных разговоров. В строке 8 К. пытается что-то сказать по поводу мыши, которая неподвижно лежит на листке бумаги. Как видно далее, это должен был быть вопрос о том, действительно ли мышь мертва. Скорее всего, она пыталась адресовать этот «вопрос» В. Н., так как последняя может обладать достаточными компетенциями для подтверждения или опровержения этого. В. Н. начинает говорить, что нужно делать с мешочком после извлечения животного, в результате чего К. перестает говорить, подтверждая институционально обозначенный авторитетный статус преподавателя. К. пыталась задать вопрос во время паузы в речи В. Н., однако, начав говорить, была вынуждена «уступить» В. Н. Преподаватель начинает говорить, но Ди. распознает «вопрос» К. и выбирает себя в качестве обладающего необходимыми компетенциями для определения статуса животного. Она сознательно говорит параллельно с преподавателем, что, безусловно, неприемлемо для ситуации учебного процесса, где порядок очередности задан изначально.

Это может быть связано с разницей ожиданий касательно происходящей ситуации и соответствующей ей разницей в способах адаптации к данной ситуации. Этнографическая работа и наблюдение, в рамки которых изначально были помещены участники STS-школы, играющие ввиду некоторых обстоятельств в данном конкретном случае роль учеников, предполагает некую метапозицию по отношению к происходя-

щему. Изначальная позиция наблюдения за действиями ученых и позиция ученика являются конфликтующими между собой в силу разнящихся интеракционных прав.

Имеет смысл напомнить, что все участники непосредственно наблюдают за происходящим. Несмотря на ответ Ди., К. снова пытается осуществить изначальную интенцию и задает вопрос, мертва ли мышь, опять же, параллельно с речью преподавателя. Интересно, что теперь К., которая секундой ранее подтвердила статус преподавателя, нарушает предписанный порядок. Возможно, это связано с тем, что Ди. нарушает его, отчего он теперь не кажется незыблемым. Точнее, факт отсутствия санкций за нарушение очередности, предписанной институциональным оформлением, дает К. возможность последовать примеру Ди и говорить параллельно с преподавателем. В данном случае становится неочевидным, кому адресован вопрос.

Ди участвует сразу, как минимум, в двух разговорах, разворачивающихся на фоне речи преподавателя. Первый – это ее ответ К., второй – это обращение к А., наблюдаемое в строке 10 и зафиксированное как неразборчивая речь. Моя утвердительная реплика является ответом на вопрос К. и служит в качестве починки, однако, об этом далее. Параллельное осуществление шести разговоров, из которых два так и не были осуществлены как интеракции (К. с В. Н., Ди. с К., Ди. с А., В. с К., Дэв. со всеми и В. Н. со всеми) говорит о том, что данное взаимодействие относится к аллокационной системе обмена речью, характерной для обыденной речи.

Интересно, что после того, как все, кроме А., вступили в разговор и нарушили предполагаемый порядок очередности, он вновь восстанавливается в строке 12, полностью возвращаясь в строке 14. После относительно длительной паузы в строке 12, Дэв. производит починку, однако она реализуется параллельно с началом речи В. Н., которая не прерывает ее, а продолжает говорить, в то время как Дэв. произносит до конца свою фразу, за чем следует концентрация внимания на словах преподавателя – практика производства тишины (Arminen 2005: 120), характерная для учебного процесса как вида институционального взаимодействия.

Структурная организация. Касательно структурной организации данной ситуации можно сказать, что она имеет цикличную форму. Упорядоченное согласно институциональным правилам начало – преаллокационная система (п), «рваная» середина, где этот порядок «рассыпался» на несколько интерперсональных интеракций – аллокационная система (а), и вновь упорядоченное окончание – преаллокационная система (п). На протяжении всей встречи таких моментов, когда система обыденной речи «прорывалась» сквозь институциональные рамки, было несколько – приведенный фрагмент не является единственным.

Рассматривая всю встречу в целом, можно сказать, что взаимодействие имело циклический характер, так как таких циклов («п – а – п») было несколько.

Организация последовательности. В приведенном фрагменте большое значение играют починки. Во-первых, все мои собственные реплики являются починками, но в разных разговорах. Два раза из трех я «отвечаю» В. Н. на ее рассказ о том, что нужно делать. Тем самым я стремлюсь поддержать интересубъективное понимание и показать свое соучастие несмотря на то, что я снимаю видео и мое внимание обращено на экран, а не на непосредственно наблюдаемые действия В. Н. Она и сама производит починку в строке 4, помогая ученикам сориентироваться, что нужно сделать. Она видит, что после первой просьбы никто из участников не начал двигаться в сторону листка, что дает ей повод повторить свою просьбу. Однако эмфаза на слове «листочек» и факт почти полного отсутствия паузы между итерациями подразумевают как можно более быстрое выполнение ее просьбы, так как это критично для всей демонстрации. Лист бумаги, как это ни странно, является конститутивным элементом всей практики в данном случае, поскольку последняя без него не может быть произведена.

Из пяти реплик В. Н. в трех повторяется фраза «просматриваем мешочек». Между первой и второй итерацией существует разница в контексте, так как в первом случае мышшь еще находится в мешочке, тогда как во втором – уже нет. Однако можно сказать, что в третьем случае эта фраза является починкой, имеющей своей целью восстановить порядок и интересубъективное понимание между преподавателем и участниками. В строках 9–10 видно, что Ди., начав говорить параллельно с В. Н., сбивает последнюю, что приводит к заминке в ее речи. Это момент столкновения двух систем обмена речью. Однако нельзя с уверенностью сказать, что подобное столкновение вызвано разницей в ожиданиях, поскольку подобная разница не эксплицируется в данном фрагменте.

Интеракционная асимметрия. Поскольку мы выяснили, что взаимодействие в ситуации следует циклу «п – а – п», можно сказать, что интеракционная асимметрия ярко выражена в начале и конце приведенного фрагмента. Однако все же трудно утверждать, что она отсутствует в середине, так как количество полномочий у сторон (В. Н. и участников) неодинаково. Участники не начинают учить В. Н. предпринимать что-либо в какой-либо жизненной ситуации – они осознают свое «подчиненное» положение. В первом приближении речь В. Н. монологична, что осознают участники и в связи с чем позволяют себе лишь некоторую спонтанную экспрессию в связи с увиденной мертвой мышшь. При этом интеракционная асимметрия, наблюдаемая в течение всей ситуации взаимодействия, выступает маркером институциональной интеракции. Конечно, при внимательном рассмотрении становится

ясно, что речь В. Н. носит двунаправленный характер, так как она формируется исходя из общего контекста взаимодействия, а также формирует его.

Проанализировав фрагмент, мы столкнулись с некоторыми напряжениями. Наиболее интересным нам видится напряжение между организацией очередности и интеракционной асимметрией. В соответствии с первой, взаимодействие в середине фрагмента устроено согласно аллокационной системе обмена речью, что говорит о нем как об обыденном. Вторая же говорит о наличии и нестрогом, но все же следовании интеракционной асимметрии между участниками и преподавателем и, тем самым, поддержании институционального статуса взаимодействия. Участники признают асимметрию, что уже является большим вкладом в поддержание социального порядка в данной ситуации. Во фрагменте почти нет контингентности контекста в ходе интеракции, что указывает на предзаданность условий интеракции и, как следствие, ее формальность. Трудно точно оценить этот параметр, однако, можно сказать, что взаимодействие построено вокруг определенной практики и материального оснащения, у него также есть цель. Все это говорит о невысокой вероятности контингентного изменения контекста взаимодействия – так или иначе оно будет следовать определенной канве.

Таким образом, в пользу институциональности данного взаимодействия выступают интеракционная асимметрия и отсутствие контингентности контекста, в то время как в пользу его обыденности – борьба преаллокационной и аллокационной систем обмена речью. Поскольку здесь есть элементы обеих систем обмена речью, можно сказать, что данный кейс является примером квазиформального взаимодействия.

Вместо заключения: возвращаясь к этнометодологии науки и STS

Подведем некоторый итог и суммируем все, что нам удалось выяснить. Мы показали, что приведенная практика институционально амбивалентна, т.е. в ней есть как элементы обыденной интеракции, так и элементы формальной, институциональной интеракции. Во-первых, в ней в буквальном смысле сталкиваются преаллокационная и аллокационная системы обмена речью: взаимодействие следует циклу «п – а – п», в середине которого оно приобретает характеристики обыденного, в частности, ситуативное распределение чередов. Во-вторых, на протяжении всего взаимодействия сохраняется интеракционная асимметрия, что является признаком его формальности. В-третьих, на протяжении всего взаимодействия отсутствует (или практически отсутствует) контингентность контекста, что также характерно для формальной институциональной интеракции.

Все эти характеристики говорят о том, что в этой конкретной ситуации взаимодействие имеет институциональные ограничения в виде некоего сценария, в частности первичной обработки животного. Наличие подобного сценария является ключевым фактором формальности данного взаимодействия, поскольку ограничивает возможные способы поведения участников, но при этом не предполагает конкретных желательных, с чем и связана неоднозначность ситуации. Иначе говоря, рассмотренный кейс интересен именно тем, что «формальность» взаимодействия в нем достигается не за счет следования определенным предписаниям, а за счет ограничения возможных вариантов поведения в связи с наличием сценария действия и, как следствие, интеракционной асимметрии.

Теперь стоит кратко обсудить философские импликации изменения теоретической оптики. Как было замечено ранее, главной задачей участников школы на полевом этапе было прослеживание цепей перевода в процессе производства научного знания. Иначе говоря, в фокусе внимания должна была быть социоматериальность и ее достижительный характер – нечеловеческие актанты и то, как именно они участвуют в создании асимметрий, приводящих к производству определенных репрезентаций реальности. В рассмотренном кейсе эта фигура может быть встречена в первом типе встреч нашей исследовательской группы с ученым-зоологом, проходивших в «поле». Участники искали подходящую местность, рыли там траншеи и расставляли ловушки, а затем собирали их. Это напоминает работу по транспортировке образцов лесной почвы, описанную Латуром (Latour 1999), – там также транспортировке и анализу предшествует операция маркирования местности как релевантной для дальнейших действий. В этом смысле цепь перевода в нашем случае просто не была доведена до логического завершения – отчета, документации, статьи или какой-либо другой формы репрезентации реальности, вместо этого остановившись на этапе первичной обработки, за которой должна следовать транспортировка в лабораторию и экспертиза. Последние несколько звеньев цепи перевода как бы выпали из анализа, тем самым подорвав эффективность и целесообразность рассмотрения всего предприятия в оптике акторно-сетевой теории и STS. Это первая причина, по которой данная теоретическая рамка не производит релевантных различий в собранном эмпирическом материале. Она буквально ломается об эмпирический материал, поскольку не предназначена для подобных случаев.

Вторая причина заключается в том, что далеко не все встречи могут быть описаны в терминах перевода – помимо встреч в «поле» никакие из них больше не представляют собой события медиации в смысле Латтура. Понятие перевода ничего не схватывает в том случае, когда *производство* знания не является приоритетной задачей, а в нашем случае

она таковой не являлась – вместо этого главной была задача его *передачи*. Зоолог пыталась научить нас чему-то вместо того, чтобы выполнять научные задачи. Ее цель была эксплицитно педагогической, а значит, понятие перевода здесь не совсем применимо.

Однако цепь медиаций можно считать замкнутой, поскольку данный текст представляет собой некий метаотчет о «науке в действии», субъектом которой была не зоолог, а я сам. Отчет, представляя собой форму репрезентации реальности, отражает работу по производству знания в ситуации, когда изначальные различия – актер, сеть, медиация и другие – не работали, и нужно было сменить теоретическую оптику, чтобы лучше «схватить» изучаемое явление. Так или иначе, это никак не сказывается на предпринятом нами конверсационно-аналитическом исследовании взаимодействия зоолога и участников школы.

Литература

- Корбут А. Этнометодологические исследования науки: истоки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35, № 1. С. 151–166.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013.
- Макиенко О.В. От STS к VSTS: проблема методологии визуальных исследований лабораторных практик и потенциал camera ethnography // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 94–103.
- Одум Ю. Основы экологии. М.: Мир, 1975.
- Поправко И.Г., Чалаков И.Х. Следуя за практиками ученых в комплексных экологических исследованиях: осмысление опыта томских летних школ по антропологии науки // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 78–93.
- Arminen I. Institutional Interaction: Studies of Talk at Work. Franham: Ashgate, 2005.
- Baker C. Ethnomethodological studies of talk in educational settings // Oral discourse and education. Springer, Dordrecht, 1997. P. 43–52.
- Ball D.W. 'The definition of situation': Some theoretical and methodological consequences of taking WI Thomas seriously // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1972. № 2 (1). P. 61–82.
- Ball-Rokeach S.J. From pervasive ambiguity to a definition of the situation // Sociometry. 1973. P. 378–389.
- Biggs M. Self-fulfilling prophecies // The Oxford handbook of analytical sociology. 2009. P. 294–314.
- Callon M. 'Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint Brieux Bay' // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / ed. by J. Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 196–233.
- Drew P. 'Contested evidence in courtroom cross-examination: the case of a trial for rape' // Talk at work: interaction in institutional settings / eds. by P. Drew, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 470–520.
- Galison P. 'Visual STS' // Visualization in the Age of Computerization / eds. by A. Carusi, A.S. Hoel, T. Webmoor, S. Woolgar. New York: Routledge, 2014. P. 197–225.
- Heritage J. Garfinkel and Ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Kendon A. The role of visible behavior in the organization of social interaction // Social communication and movement. 1973. P. 29–74.
- Latour B. Circulating reference: Sampling the soil in the Amazon forest // Pandora's hope: Essays on the reality of science studies. 1999. P. 24–79.

- Latour B. Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory. New York; Oxford: University Press, 2005.
- Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. New Jersey: Princeton University Press, 1986.
- Lynch M. Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science. New York: Cambridge University Press, 1993.
- McHoul A. The organization of turns at formal talk in the classroom // Language in society. 1978. № 7 (2). P. 183–213.
- Mehan H. Learning lessons: social organization in the classroom. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979.
- Merton R.K. The self-fulfilling prophecy // The Antioch Review. 1948. № 8 (2). P. 193–210.
- Mohn E. 'Permanent work on gazes: video ethnography as an alternative methodology' // Video-analysis methodology and methods / eds. by H. Knoblauch, B. Schnettler, J. Raab, H.-G. Soeffner. Peter Lang Press, 2005. P. 173–182.
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. № 50: 4. P. 696–735.
- Schegloff E.A. 'Reflections on Talk and Social Structure' // Talk and Social Structure / eds. by D. Boden, D. Zimmerman. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 44–70.
- Thomas W.I. The Child in America. New York: Knopf, 1928.

Статья поступила в редакцию 7 декабря 2020 г.

Quasi-formal interaction in an educational setting

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/9

Valerii S. Shevchenko, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: valerii.s.shevchenko@gmail.com

Abstract. The article examines a zoologist's scientific practices observed at an educational event dedicated to Science and Technology Studies (STS). In the process of ethnographic observation of the practices, the object of study was found to be changing, since the zoologist saw her aim at the event as pedagogical. The ambiguity of the situation is illustrated by means of analysis of a transcript of a fragment of conversation held during the interaction. This ambiguity consists in the situation revealing some characteristic features of both formal and non-formal types of interaction. The analysis of underlying organizational structures of the interaction allows suggesting that this interaction is quasi-formal because its order is not prescriptive—it only limits what is possible in the given situation. Also discussed are the philosophical implications of changing the theoretical frame of analysis undertaken by the author with the aim of better grasping the empirical material at hand.

Keywords: quasi-formal interaction, ethnography of science, conversational analysis, Science and Technology Studies, ethnomethodology

References

- Korbut A. Etnometodologicheskie issledovaniia nauki: istoki [Ethno-methodological research on science: Origins]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2013, Vol. 35, no. 1, pp. 151-166.
- Latour B. Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2013.
- Makienko O.V. Ot STS k VSTS: problema metodologii vizual'nykh issledovaniy laboratornykh praktik i potentsial camera ethnography [From STS to VSTS: Methodological issues in visual research of laboratory practices and the potential of camera ethnography]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 94-103.

- Odum Iu. *Osnovy ekologii* [The fundamentals of ecology]. Moscow: Mir, 1975.
- Popravko I.G., Tchalakov I.Kh. Sleduia za praktikami uchenykh v kompleksnykh ekologicheskikh issledovaniiah: osmyslenie opyta tomских letnikh shkol po antropologii nauki [Following the practices of scientists in integrated ecological research: Understanding the experience of the Tomsk Summer Schools on the anthropology of science]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 78-93.
- Arminen I. *Institutional Interaction: Studies of Talk at Work*. Franham: Ashgate, 2005.
- Baker C. Ethnomethodological studies of talk in educational settings. In: *Oral discourse and education*. Springer, Dordrecht, 1997, pp. 43-52.
- Ball D.W. 'The definition of situation': Some theoretical and methodological consequences of taking WI Thomas seriously. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 1972, no. 2 (1), pp. 61-82.
- Ball-Rokeach S.J. From pervasive ambiguity to a definition of the situation. *Sociometry*, 1973, pp. 378-389.
- Biggs M. Self-fulfilling prophecies. In: *The Oxford handbook of analytical sociology*, 2009, pp. 294-314.
- Callon M. 'Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of Saint Brieux Bay'. In: Law J. (ed.), *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul, 1986, pp. 196-233.
- Drew P. 'Contested evidence in courtroom cross-examination: the case of a trial for rape'. In: Drew, P., J. Heritage (eds.) *Talk at work: interaction in institutional settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 470-520.
- Galison P. 'Visual STS'. In: Carusi A., Hoel A.S., Webmoor T., Woolgar S. (eds.) *Visualization in the Age of Computerization*. New York: Routledge, 2014, pp. 197-225.
- Heritage J. *Garfinkel and Ethnomethodology*. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Kendon A. The role of visible behavior in the organization of social interaction. *Social communication and movement*, 1973, pp. 29-74.
- Latour B. Circulating reference: Sampling the soil in the Amazon forest. In: *Pandora's hope: Essays on the reality of science studies*. 1999, pp. 24-79.
- Latour B. *Reassembling the social: an introduction to Actor-network theory*. New York, Oxford: University Press, 2005.
- Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. New Jersey: Princeton University Press, 1986.
- Lynch M. *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science*. New York: Cambridge University Press, 1993.
- McHoul A. The organization of turns at formal talk in the classroom. *Language in society*, 1978, no. 7(2), pp. 183-213.
- Mehan H. *Learning lessons: social organization in the classroom*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979.
- Merton R.K. The self-fulfilling prophecy. *The Antioch Review*, 1948, no. 8 (2), pp. 193-210.
- Mohn E. 'Permanent work on gazes: video ethnography as an alternative methodology'. In: Knoblauch H., Schnettler B., Raab J., Soeffner H.-G. (eds.) *Video-analysis methodology and methods*. Peter Lang Press, 2005, pp. 173-182.
- Sacks H., Schegloff E.A. and Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*, 1974, no. 50: 4, pp. 696-735.
- Schegloff E.A. 'Reflections on Talk and Social Structure'. In: Boden D., Zimmerman D. (eds.), *Talk and Social Structure*. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 44-70.
- Thomas W.I. *The Child in America*. New York: Knopf, 1928.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 39:930.2

DOI: 10.17223/2312461X/31/10

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Сергей Валерьевич Соколовский

Аннотация. Рассматриваются принципы проведения антропологических исследований виртуальных сообществ и анализа цифровых технологий, влияния этих технологий на культуры повседневности, речевые и литературные жанры, новые виды социальности и идентичности с учетом таких особенностей цифровой среды, как опосредованность коммуникации техническими устройствами, принципиальная неполнота ее контекста, дискретность во времени, рутинизация ее использования и обусловленная ею невидимость цифровой инфраструктуры, т.е. тех характеристик новых медиа, которые определяют особенности применения стандартных и разработку новых методов антропологических исследований в цифровой среде. Рассматривается методология цифровой этнографии как совокупности конкретных методов, адаптированных к целям исследований. Ставится проблема определения границ объекта исследования в цифровой этнографии на основе сравнения концепции классического этнографического поля с полевыми онлайн-исследованиями.

Ключевые слова: цифровая этнография, методы цифровых исследований, виртуальные сообщества, цифровое поле

Нынешняя пандемия с ее карантинами и локаутами, удаленной учебой и работой представляет собой масштабный социальный эксперимент, высвечивающий различия между практиками и видами деятельности в онлайн и офлайн. Производители цифровых устройств и программного обеспечения также предпринимают энергичные попытки адаптироваться к изменившейся ситуации и сформировавшимся в процессе пандемии новым потребностям пользователей. Одним из таких направлений стало совершенствование вебкамер для обеспечения лучшего качества видеосвязи и видеозаписи: ряд производителей ноутбуков объявили о скором поступлении на рынок новых моделей с улучшенными камерами; *Samsung* пообещал уже в начале 2021 г. выпустить смартфон *Galaxy*, оснащенный новыми более мощными камерами и возможностями цифровой обработки видео; компания *Apple* объявила о выпуске новых *MacBook Air* и *MacBook Pro* с новым чипом собствен-

* Статья написана в рамках плана НИР Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

ной разработки, позволяющим им гораздо дольше работать без подзарядки. Внедряются новые методы для обеззараживания цифровых устройств – портативные ультрафиолетовые санитайзеры для микрофонов и клавиатур и очистители воздуха. Трудности, с которыми сталкиваются представители многих профессий и занятий при их переводе в онлайн и различные способы их преодоления, обусловленные этим переходом изменения требований, правил, норм и стандартов, – все это представляет безусловный интерес для цифрового антрополога и трансформирует ряд антропологических дисциплин, таких, например, как антропология образования, профессий и организаций, техноантропология. Думаю, что в ближайшем будущем мы станем свидетелями появления новых интересных работ, сопрягающих цифровые подходы с традиционными методами этих дисциплин. Вместе с тем есть основания говорить и о трансформации антропологии и социальных наук в целом. Социальные исследователи, поставленные перед необходимостью проводить исследования удаленно, были вынуждены адаптировать свои методы и подходы к новой цифровой реальности.

Опосредованная цифровыми технологиями коммуникация, по крайней мере, в современных индустриальных обществах, носит массовый характер: всемирная паутина охватывает сегодня около 4,66 млрд чел. на планете, т.е. почти 60% ее населения. Таким образом, киберпространство стало ареной развертывания важного для исследователей комплекса коммуникативных практик, и этнографы не могут не уделять им соответствующего внимания, если хотят иметь представление о влиянии этих практик на культуру и общество. Уточним, о чем идет речь, когда мы употребляем термин «цифровой» по отношению к научной дисциплине. Иногда путают понятия *цифрового* (англ. *digital*) и *количественного*, или *числового* (англ. *numerical*). Под цифровыми методами, подходами, технологиями сегодня обычно подразумеваются лишь те, которые опосредуются устройствами, использующими двоичный код. Таким образом, термином «цифровой» мы обозначаем лишь технологии и среды, или объекты и процессы, в работе которых участвуют или которые опосредуются двоичными машинными кодами; за остальными методами, основанными на расчетах, мы оставляем термин «количественные», что соответствует противопоставлению *digital* – *numerical* в англоязычной научной литературе.

В методологии цифровых антропологических исследований продолжается дискуссия между сторонниками «чистой цифры» – проведением исследований без обращения к офлайн-реалиям, с одной стороны, и приверженцами комбинированных методов исследований, где в фокусе внимания оказываются и устройства, и их пользователи, а также различные объекты киберпространства – с другой. Некоторые используемые в этнографических исследованиях методы, например цифровые

геолокационные технологии, ориентированы почти исключительно на офлайн, а собственно цифровая технология здесь остается лишь современным инструментом, более быстрым и удобным, нежели традиционно использовавшиеся приборы и методы геолокации (Matthews, Detwiler, Burton 2005; DeNicola 2006). Нужно также отметить, что значительная часть методологии и методов цифровой антропологии мало отличается от таковых в антропологии традиционной, т.е. офлайновой, поскольку является переносом сложившихся и классических методов в новую среду. Интервьюирование с помощью смартфона вряд ли будет существенно отличаться от прежнего телефонного интервью, если вы в нем не используете видео, но даже и при его использовании такое интервью не будет качественно отличаться от прежнего телевизионного, когда телевидение еще было аналоговым, или обычного интервью лицом к лицу. Эти примеры, между прочим, показывают, что не всякое использование цифровых технологий автоматически подразумевает появление особого «цифрового» качества такой методологии. В этом смысле, используете ли вы в поле обычную камеру и диктофон, или, например, видеомэгантофон, а не смартфон и цифровую видеокамеру, конечно, облегчает во втором случае обмен собранными материалами или их хранение, но не меняет существенным образом самой методологии сбора полевых материалов. Риску предположить, что метод становится цифровым лишь тогда, когда «цифра» превращается в действительного *посредника*, т.е. влияет на сущностную сторону этой методологии и сказывается на анализе полученных результатов.

На заре становления цифровой антропологии как самостоятельной области исследований один из ее пионеров, американский антрополог колумбийского происхождения Артуро Эскобар полагал, что она должна заняться изучением: 1) новых цифровых технологий; 2) виртуальных сообществ, создаваемых при посредстве таких технологий; 3) влияния этих технологий на культуру повседневности; 4) их влияния на язык, коммуникацию, социальные структуры и культурную идентичность; 5) политэкономии киберкультуры (Escobar 1994: 217–220). Предметы и объекты каждого из этих направлений существенно отличаются от соответствующих предметов и объектов всех других из перечисленных. В свою очередь, специфика предмета и объектов требует либо особого подбора исследовательских методов, либо, если существующие методы по каким-то причинам не работают, разработки новых.

Очевидно, что для первого из названных Эскобаром направлений, нам потребуются, если говорить об антропологии и ее инструментари, методы техноантропологии, а за пределами антропологии – методы STS. Разработке методологии, подходящей для этого направления, должны помочь знание истории и философии техники и соответствующая литература относительно изобретения, использования, развития и

распространения цифровых технологий (например: Сачмен 2019 – книга, в которой подробно рассматривается разработка технологии цифрового копирования и создания соответствующих устройств и аппаратов и предлагается важное для этого направления понятие «интерактивные артефакты»).

В рамках этого направления цифровых или киберантропологических исследований логично возникает и следующее из названных Эскобаром направлений – исследование виртуальных сообществ, возникающих при посредстве или на основе таких технологий. Необходимо отметить, что конструирование, внедрение и распространение интерактивных артефактов, в основе работы которых лежат цифровые технологии, могут приводить к возникновению тесно взаимодействующих сообществ: сообщества разработчиков сегодня тесно взаимодействуют с потребителями создаваемых им артефактов; возник даже специальный термин для обозначения потребителей, активно вовлеченных в процесс создания технологий – *prosumer*. Разработчики реагируют на запросы и предложения потребителей, однако исследование таких сообществ, *raison d'être* которых являлись разработка и совершенствование соответствующих устройств, еще не превращает их в сообщества цифровые, а их исследования *антропологическими методами* – еще не становятся цифровой антропологией. Лишь функционирование некоторых из этих технологий, порождающих новый тип реальности – виртуальную среду, с помощью и в границах которой формируются особый тип социальных образований – *виртуальные сообщества* – дает некоторые основания рассматривать исследования этих сообществ как цифровую антропологию. Нужна осторожность, чтобы говорить о возникновении таких оснований, поскольку даже в этом случае «цифра» может выступать в качестве обычного *проводника*, ничего не меняя по существу и не превращаясь в *посредника*, т.е. не давая оснований рассматривать эти исследования как цифровую антропологию.

Иными словами, требуется доказать, что опосредование кодом в данном конкретном случае меняет что-то по существу, прежде чем объявлять этот исследовательский подход цифровым. Антропологи пробовали решить эту проблему, поставив вопрос о специфике цифрового поля по отношению к полю традиционному, заодно уточняя и переосмысливая метод погружения или участвующего наблюдения (Hine 2015: 56; Bluteau 2019). Очевидно, что если бы удалось продемонстрировать специфику виртуального поля или яркие особенности социотопов в киберпространстве по сравнению с офлайновыми реалиями, то фактически любое исследование с использованием антропологических методов в этом пространстве можно было бы квалифицировать как цифровую антропологию. Такого рода подтверждение можно получить, если мы обнаружим и сможем описать и картографировать фундамен-

тальные изменения, которые привнесли в нашу жизнь эти технологии, и ответим на вопросы, как они меняют нас, наши идентичности и повседневность, как влияют на формы нашей социальности, на наши тела и поведение.

Для ответов на эти сложные вопросы требуется более детально проработанный репертуар этнографического вопрошания, в том числе и в отношении методологии и методов исследования, дающий шанс на более глубокое понимание новых реалий. Такому пониманию может помочь последовательное сравнение конвенциональных этнографических методов и подходов с особенностями виртуального поля и исследований в цифровом пространстве. К таким особенностям относится, например, *опосредованный характер коммуникации* между исследователем и его информантами. Традиционная полевая этнография предполагает общение лицом к лицу или непосредственное наблюдение за происходящим в реальном времени и трехмерном пространстве. При онлайн-исследовании общение опосредовано не только технологией, но часто еще и текстом, разворачивается на плоскости экрана и – в дискретном онлайн-времени. Какие корректировки антрополог должен внести в свои методы с учетом этих особенностей? Какие из методов лучше соответствуют природе этой особой среды? Поскольку соответствующие методы в случае антропологии развиваются уже не менее четверти века, некоторые ответы на эти вопросы имеются уже сегодня. Однако интерес представляет и собственно теоретическая сторона обоснования опосредованного знания и опоры на вторичные по сравнению с классическим полем источники.

Одним из аргументов в пользу приемлемости сетевой этнографии, или как ее иногда именуют в англоязычной литературе – *нетнографии* (от англ. *net* – сеть), является то обстоятельство, что удаленный или опосредованный доступ к происходящему в сети со стороны ее исследователей воспроизводит характер этого доступа к ней и со стороны ее пользователей. В этом смысле этнограф идет вслед за изучаемыми и опирается, среди прочего, на их обычные практики. Он занимается включенным наблюдением, поскольку принимает непосредственное участие во взаимодействии изучаемых. Такое взаимодействие, впрочем, и составляющие его ситуации в отличие от классического поля не представлены этнографу в их целостности; некоторые их элементы приходится достраивать и восстанавливать их значение на основе собственного опыта участия в сетевых событиях. Более того, само значение терминов *ситуация* или *событие*, если речь идет об их сетевых версиях, существенным образом меняется в силу пространственно-временных особенностей цифровой среды. Подходящим понятием для описания особенностей этого пространства может стать тип пространства, который описывался Лейбницем – пространство как *совокупность*

отношений между объектами, а не абсолютное евклидово трехмерное пространство механики Ньютона, где оно мыслится как неподвижное вместилище объектов. О взаимодействиях в киберпространстве правильнее думать как о нелокальных, что ассоциируется с объектами квантовой механики. Мы не обнаруживаем в этом пространстве четких границ и ясной структуры исследовательского поля, нередко не знаем числа участников события, в особенности тех, кто принимает в нем пассивное участие, не проявляя или проявляя себя отсроченным образом в блогах и лентах. В методологическом отношении мы должны помнить, что сталкиваемся здесь лишь со *следами* взаимодействия, частичными его образами, с неполными значениями, и эта неполнота носит принципиальный характер, влияющий на само такое взаимодействие. Ее осознают не только исследователи, но и все остальные участники, и именно поэтому мы столь часто сталкиваемся здесь с оговорками, поправками, уточнениями, дополнительными вопросами, эмоциями и прочими средствами восполнения отсутствующих элементов контекста, обычно не достигающими той полноты и ясности, которая свойственна коммуникации в офлайне.

Еще одним методологическим принципом, связанным с только что отмеченным принципом *неполноты контекста*, является *отключение* в онлайн некоторых *каналов восприятия*, обычно функционирующих при непосредственном общении. Это прежде всего обоняние и тактильность – каналы восприятия, ответственные за атмосферу коммуникации едва ли не в большей степени, нежели обычно доминирующие зрение и слух, отключение которых не может не менять ее характер. На характере коммуникации в интернете сказывается также и то обстоятельство, что она игнорирует не только географические барьеры, но и барьеры социальные, хотя во многом пока сохраняет языковые и, если говорить о доступе к этим технологиям, то также и барьеры, связанные с уровнем образования и экономического положения (доступ к интернету в некоторых странах Африки, таких как Сомали или Эритрея, достигает всего 2%, в то время как в скандинавских странах он превышает 90%). Россия в этом рейтинге занимает по абсолютному числу пользователей (данные на октябрь 2020 г.) шестое место в мире с долей охвата населения в 81% (почти 116 млн чел.). В то же время абсолютное преобладание русского языка в Рунете ставит вопрос об особенностях его использования среди иноязычных пользователей, у которых русский родным не является. Все эти особенности должны учитываться при планировании и проведении онлайн-исследований или в ходе анализа их результатов.

Еще один заслуживающий внимания момент связан с *рутинизацией* интернета и его превращением (речь идет, разумеется, о тех сообществах, в которых он стал частью повседневности) в немаркированную и

неприметную инфраструктуру, обеспечивающую множество различных социальных практик – торговлю и оплату товаров и услуг, источник сведений и знаний, средство для отдыха и развлечения, политического участия, профессиональной занятости и пр. Такое неприметное функционирование и слияние с повседневными практиками маскируют переходы между обычным физическим и киберпространством и размывает их границы. Вебсерферы, блогеры и прочие кибернавты перестали быть символами нового поколения, хотя оно по-прежнему лидирует по доле пользователей самыми передовыми и новыми цифровыми устройствами; мальчишки-спальщиками постарели и уже не ассоциируются с киборгами, точнее – киборгами стали все. В этом отношении цифровая связь стала столь же привычной, как и давно известные инфраструктуры – водопровод и канализация, транспортные и электросети. Однако наблюдающаяся банализация киберпространства как части нашей новой реальности вовсе не означает превращение ее исследований в банальные и стандартные. Еще менее банальным выглядит удаленное этнографическое исследование, реализуемого в этом пространстве и требующее от этнографа особых усилий по выбору методологии и методов для столь специфической ситуации полевого сбора материалов.

Выше, в связи с теми направлениями, которые перечислил Эскобар, уже упоминалось, что методы в рамках цифровой антропологии должны выбираться и адаптироваться применительно к конкретным предметам, объектам и задачам исследования. Их многообразие умножается за счет существования разных типов и форм приложения цифровой антропологии. Речь может идти о столь разных проектах, как ведение мультимедийного блога с обсуждением антропологических проблем или исследовательских кейсов, или полноформатной онлайн-этнографии с длительным, иногда превышающим год полевым погружением, подобно тем, на основе которых написаны книги Криса Келти, Тома Белсторфа, или Габриэлы Коулман (Boellstorff 2008; Kelty 2008; Coleman 2012). Кроме того, реализуются антропологические онлайн-видеопроекты и гипертексты, проводится оцифровка антропологических музейных коллекций, осуществляются исследования человеческого тела и поведения с помощью цифровых устройств. Каждый из этих проектов предполагает наличие особой формы сотрудничества между исследователями и исследуемыми, что может приводить к появлению его новых форм. Использование цифровых технологий создает также новые формы записи и изменяет сам характер антропологического письма, на которое оказывают влияние и возникающие за рамками научного письма новые цифровые литературные и устные жанры.

Существует, однако, и более консервативная точка зрения на цифровую антропологию (ЦА), существенно сужающая сферу использования этого термина и рассматривающая ЦА не как особую область приложе-

ния антропологических знаний и методов, подобную, например, медицинской или юридической антропологиям, а в качестве специфического *методологического подхода*, заключающегося в исследовании отношений между реальным и виртуальным на основе включенного, или, как его еще называют, участвующего наблюдения. Эту точку зрения отстаивает один из лидеров этого направления – Том Белсторф. Для него ЦА выступает прежде всего в качестве особой исследовательской техники, и он критикует тех исследователей онлайн-реалий, которые используют лишь интервью или опросы, что, по его мнению, не позволяет относить такие исследования к жанру этнографии. Иными словами, он не без оснований считает, что не всякое исследование в киберпространстве, даже если оно основано на качественных методах, автоматически становится этнографией. Свою концепцию, опираясь на семиотику Пирса и лингвистические концепции так называемых индексикальных слов, чей смысл всегда определяется влилингвистическим контекстом, он называет индексикальной теорией взаимодействия реального и виртуального в социальных практиках (Boellstorff 2012: 40).

При рассмотрении принципов ЦА следует учесть исследования Сары Пинк и ее коллег, отраженные в монографии «Цифровая этнография: принципы и практики», в которой авторы выделяют и описывают пять таких принципов: множественность (*multiplicity*), нецифроцентричность (*non-digital-centric-ness*), открытость (*openness*), рефлексивность (*reflexivity*) и неортодоксальность (*unorthodox*) (Pink et al. 2016). Под *множественностью* они понимают настройку этого подхода на различные контексты и задачи, что порождает множественные версии этнографии, а также зависимость от цифровой инфраструктуры, которая создает разные ситуации для ее пользователей, зависящие, например, от доступности *Wi-Fi* сетей и широты отведенного для них диапазона, мощности аккумуляторов используемых устройств и частоты их подзарядки и т.п. Под *нецифроцентричностью* подразумевается фокусировка исследования не на самих технологиях, а на *практиках*, которые включают использование цифровых медиа. *Открытость* в данном контексте означает не только гибкость и адаптивность замысла исследования, не отвергающего появляющиеся в его ходе возможности, но и привлечение внешних партнеров, сотрудничество с потенциальными потребителями получаемого знания. Под *рефлексивностью* авторы понимают не только осознание субъективных моментов в этнографическом исследовании, но и объяснительно-толковательную сторону этнографического письма, а также этические аспекты производства этнографического знания, когда исследователь отдает отчет, что это знание получено во взаимодействии с другими людьми, и признает их вклад. Наконец, под *неортодоксальностью* авторы понимают инновационный характер цифровых исследований, экспериментальный характер пред-

ставления их результатов, не совпадающий, как правило, с жанром классической этнографической монографии или конвенциональной научной статьи, и, наконец, новые способы распространения результатов исследования в формах блогов, видеоконтента и новых коллаборативных проектов. Очевидно, что все перечисленные принципы были выведены в качестве общих характеристик конкретных исследовательских проектов, также представленных в этой книге, а не разработаны ее авторами заранее в качестве регулятивных принципов цифровых исследований.

В относительно недавно изданном руководстве «Этнография для интернета» систематически рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается этнограф, и излагаются некоторые способы их решения (Hine 2015). В третьей главе этой работы автор описывает этнографические стратегии онлайн-этнографии, сравнивая ее со стратегиями классической полевой этнографии. В последнем случае этнограф черпает сведения из прямого наблюдения или участия, а не из ретроспективных повествований участников какой-то деятельности или практики, при возможности пробуя все на себе и получая в результате эмоциональной и телесной вовлеченности в событие детальное о нем представление (55). Помимо этого, личное участие и взаимодействие лицом к лицу с другими участниками события позволяет мгновенно получать обратную связь и, соответственно, корректировать свое поведение, а также обсуждать происходящее.

Для того чтобы эти характеристики реального поля могли быть воспроизведены и в поле виртуальном, необходимы особые стратегии. Физическое присутствие в последнем, например, заменяется иногда *отслеживанием связей*, соединений и отношений во времени. Сам выбор интернета его пользователями как среды для профессиональной деятельности или досуга должен быть осмыслен в его конкретных актуализациях, в том числе и при учете ответов на вопросы, почему в данных случаях не используются альтернативы (т.е. другие среды и средства) и существуют ли альтернатива в данном случае. Некоторые онлайн-сервисы (например, *Zoom*, *Bluejeans*, *KUDO*, *MyOwn Conference*, *Google Chat*, *Skype* и другие, разработанные специально для проведения вебинаров и видеоконференций) предполагают сопresутствие всех участников события, и в этом отношении мало отличаются от ситуаций пресутствия в классическом этнографическом поле, обеспечивая взаимную видимость и слышимость и даже совместность телесного опыта (например, усталость от длительного пребывания перед экраном компьютера). Цифровой этнограф должен уметь эксплицировать конвенции сопresутствия в исследуемом им сообществе и с этой целью видеть и фиксировать нарушения гласных и негласных норм и правил и реакций на данные нарушения, а также организовать *монито-*

ринг режимов видимости и слышимости (кто, кого и когда видит и слышит, как и в каком модусе обеспечивает собственную видимость и слышимость в группе; существуют ли очередность и иные формы иерархии и порядка, какие формы репрезентации доминируют, что люди показывают и что пытаются скрыть и т.д.).

Практика отслеживания *связей, правил и режимов восприятия* помогает этнографу установить границы исследуемого «поля» в киберпространстве либо как границ наблюдаемого сообщества, либо как границ интересующей ситуации. Ситуация с распределенными или трудно локализуемыми объектами наблюдения не нова для антрополога: мультилокальной этнографии посвящена серия работ Джорджа Маркуса (Marcus 1995, 1998, 2012; Елфимов 2020). Сюда же можно отнести ряд исследований мигрантских сообществ и приграничных территорий с потоками людей и товаров. В фокусе внимания в такого рода исследованиях оказывается сама мобильность, текучесть, гибридность и распределенность, а организующими их концептами выступают *нелокальные* понятия и метафоры, такие, например, как конфликт, изменение, сеть (Multi-sited Ethnography... 2009). Общеметодологическим принципом здесь остается то обстоятельство, что комплекс задач конкретного исследования задает границы поля и создает его предмет. Иногда такой предмет требует от этнографа не только обычной для него роли рядового участника происходящего, но и активного вмешательства на уровне модератора, позволяющего получить более полную картину происходящего.

Сегодня в распоряжении как начинающих исследователей, так и специалистов имеется обширная литература по цифровым методам, включая обзоры и компендиумы энциклопедического объема (Dicks et al. 2005; Hine 2005; Internet Inquiry... 2009; Thelwall 2009; Boellstorff et al. 2012; Varis 2014; Pink et al. 2015; Rogers 2013, 2019; Costa, Condie 2018). Британская исследовательница Кэтрин Досон в недавно опубликованном ею руководстве по цифровым методам описывает несколько десятков методов онлайн-исследований, в числе которых есть мобильная и онлайн-этнография (Dawson 2020: 93–99, 206–212, 248–254). Она приводит ключевую литературу по каждому из рассматриваемых в ее руководстве методов, а также перечни сайтов и описание ключевых проблем и вопросов, при поиске ответов на которые данные методы используются. Впрочем, далеко не все из приводимых в ее книге методов использовались антропологами или имеют потенциал такого использования – часть из них ориентирована на решение прикладных задач, например для маркетинга и моделирования поведения потребителей или прогнозирования.

Помимо методов традиционной этнографии, обычно используемых в полевых этнографических исследованиях – участвующего наблюде-

ния, интервью, опроса, ведения полевых дневников, фото- и звукозаписи, работы с архивными и прочими источниками, картографирования, а впоследствии анализа собранных текстов и видеоматериалов, адаптированных к ситуациям и контекстам виртуального пространства, для цифровой этнографии, или нетнографии (Kozinets 2010a, b; 2015) весьма эффективным жанром письма и методом исследования оказывается автоэтнография. Именно на этот метод опирались Том Белсторф в своем описании персонажей игры *Second Life* (Boellstorff 2008), Кэролайн Хайн, изучавшая на уровне пользователя и модератора платформы *Freecycle* и *Freegle* для дарения ненужных вещей (Hine 2015: 119–122), и Крис Келти или Габриэла Коулман, которые хотя и не использовали термин «автоэтнография», но посвятили многие страницы своих влиятельных работ рассказам в автоэтнографическом жанре о ключевых моментах их исследований гиков и хакеров (Keltu 2008; Coleman 2012: 7–9).

Наиболее распространенным источником в онлайн-исследованиях являются цифровые архивы. Они отличаются от бумажных не только своей глобальной и почти мгновенной доступностью, но и новым уровнем детализации: по наблюдению Келти, «почти все архивируется: дискуссии, споры и стычки, переговоры и сотрудничество, доклады, программы, статьи, новые истории и устаревший софт с его руководствами, воспоминания, заметки, дневники и рисунки» (Keltu 2008: 21). Диапазон событий, взаимодействий и обменов мнениями в сети, прежде рассматривавшийся как *приватные*, с начала 1980-х гг. стал неуклонно сокращаться. Все следы этого считавшегося прежде частным общения стали откладываться в глобальном публичном цифровом архиве, что позволяет исследователям разных специализаций не только проследить судьбу отдельных идей и коммуникаций, людей и институций, но документировать и картографировать их развитие с кардинально меньшими по сравнению с поиском в бумажном архиве временными затратами.

Отдельным направлением в анализе цифровых наблюдений является визуализация собранных данных в виде кластеров активности, графиков событий или облака тегов, отражающих структуры взаимосвязей между отдельными сайтами, ключевыми институциями и акторами, элементами текстов, а также распределениями ролей в форумам и блогах социальных сетей¹. В российской цифровой антропологии пока преобладают такие адаптированные к этой среде методы офлайн-полевых исследований, как интервьюирование и опросы, анализ архивов (дискурсивный анализ текстов и различные методы анализа визуальных материалов) и исследования функционирования новых технологий и медиа, а также возникающих на их основе сообществ, и в меньшей степени – включенное наблюдение в киберсреде, современные методы визуализации дан-

ных и моделирование. Предполагается, что с ростом оснащенности антропологически научных центров будет происходить постепенное освоение новых методов и переход к проверке гипотез на основе более сложных методик анализа и моделирования, с обращением к обработке больших данных и использованию нейросетей.

Примечания

¹ Визуализировать связи между сайтами или используемыми в них ключевыми словами можно с помощью онлайн-алгоритмов, например работающего на основе *JavaScript* *TouchGraph SEO* (<http://www.touchgraph.com/seo>). Еще одним мощным инструментом для визуализации и анализа связей между сайтами является специально разработанный для этих целей программный сервис *Gephi*, позволяющий создавать и анализировать графы смысловых связей и ссылок между тематически выбранными сайтами (<https://gephi.org>). Существенно, что этот пакет программ распространяется бесплатно, сопровождается обучающими видео и может использоваться любым начинающим цифровым исследователем.

Литература

- Елфимов А.Л.* Полилокальная этнография вчера и сегодня: разговор с Джорджем Маркусом // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 106–126.
- Сачмен Л.* Реконфигурация отношений человек – машина. М.: Элементарные формы, 2019.
- Bluteau J.M.* Legitimising digital anthropology through immersive cohabitation: Becoming an observing participant in a blended digital landscape // *Ethnography*. 2019. first-online. DOI: 10.1177/1466138119881165.
- Boellstorff T.* Coming of Age in Second Life. An Anthropologist Explores the Virtually Human. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Boellstorff T.* Rethinking digital anthropology // *Digital Anthropology* / eds by H. Horst, D. Miller. London: Bloomsbury, 2012. P. 39–60.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T.* Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.
- Coleman E.G.* Coding Freedom: The Ethics and Aesthetics of Hacking. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Costa C., Condie J.* Doing Research in and on the Digital. Research Methods Across Fields of Inquiry. L.: Routledge, 2018.
- Dawson C.* A–Z of Digital Research Method. L.: Routledge, 2020.
- DeNicola L.* The bundling of geospatial information with everyday experience // *Surveillance and Security: Technological Politics and Power in Everyday Life* / ed. by T. Monahan. N.Y.: Routledge, 2006. P. 243–264.
- Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P.* Qualitative Research and Hypermedia. Ethnography for the Digital Age. L.: Sage, 2005.
- Escobar A.* Welcome to Cyberia: notes on the anthropology of cyberculture // *Current Anthropology*. 1994. № 35 (3). P. 211–231.
- Multi-sited Ethnography: Theory, Praxis and Locality in Contemporary Research / ed. by M.A. Falzon. Farnham: Ashgate, 2009.
- Hine C.* Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet. N.Y.: Berg, 2005.
- Hine C.* Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday. L.: Bloomsbury, 2015.
- Kelty C.M.* Two bits: the cultural significance of free software. Durham, NC: Duke Univ. Press, 2008.

- Kozinets R.V.* Netnography: Doing Ethnographic Research Online. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010a.
- Kozinets R.V.* [2010]. Netnography: Redefined. 2nd ed. L.: Sage, 2015b.
- Kozinets R.V.* Netnography // The International Encyclopedia of Digital Communication and Society / eds. by R. Mansell, P. Ang. Chichester: Wiley-Blackwell. 3 vols. 2015. P. 1–8. DOI: 10.1002/9781118767771.wbiedcs067.
- Marcus G.E.* Ethnography in/of the world system: the emergence of multi-sited ethnography // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24. P. 95–117.
- Marcus G.E.* Ethnography Through Thick and Thin. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.
- Marcus G.E.* Multi-sited ethnography: five or six things I know about it now // Multi-sited Ethnography: Problems and Possibilities in the Translocation of Research Methods / eds by S. Coleman, P. von Hellermann. L.: Routledge, 2012. P. 16–33.
- Internet Inquiry: Conversations About Method / eds by A. Markham, N. Baym. L.: SAGE Publ., 2009.
- Matthews S., Detwiler J., Burton L.* Geo-ethnography: Coupling Geographic Information Analysis Techniques with Ethnographic Methods in Urban Research // Cartographica. 2005. № 40 (4). P. 75–90.
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T., Tacchi J.* Digital Ethnography: Principles and Practice. L.: Sage, 2015.
- Rogers R.* Digital Methods. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Rogers R.* Doing Digital Methods. N.Y.: Sage, 2019.
- TheWall M.* Introduction to Webometrics: Quantitative Web Research for the Social Sciences. San Rafael, CA: Morgan and Claypool, 2009.
- Varis P.* Digital Ethnography. Tilburg: Tilburg University, 2014 (Tilburg Papers in Culture Studies, vol. 104).

Статья поступила в редакцию 14 января 2021 г.

Digital anthropology: Research methods and principles*

Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya

DOI: 10.17223/2312461X/31/10

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolovskiserg@gmail.com

Abstract. The article outlines the principles of anthropological research on virtual communities and digital technologies and their respective transformative impact on the quotidian culture and practices, writing and speech manners, forms of identity and sociality. Among the peculiarities of the cyberspace the author points out the mediatory nature of online communication, the fundamental incompleteness of its context, its temporal discontinuity, and its routine and banal character that contributes to the invisibility of the digital technology infrastructures. These characteristics of the new media define the modes of application of standard anthropological approaches and in many cases require elaboration of new research methods suited to the needs of a particular research project. Finally, the author comments on the fluid and contextual character of the online reality that raises the issue of the research field and object's boundaries, which differ from those found in offline fieldwork ethnography.

Keywords: digital ethnography, digital research methods, virtual communities, digital fieldwork

* The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences, Moscow).

References

- Bluteau J.M. Legitimising digital anthropology through immersive cohabitation: Becoming an observing participant in a blended digital landscape, *Ethnography*, 2019, first-online, DOI: 10.1177/1466138119881165.
- Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life. An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Boellstorff T. Rethinking digital anthropology. In: *Horst H., Miller D. (eds.) Digital Anthropology*. London: Bloomsbury, 2012, pp. 39-60.
- Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.
- Coleman E.G. *Coding Freedom: The Ethics and Aesthetics of Hacking*. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Costa C., Condie J. *Doing Research in and on the Digital. Research Methods Across Fields of Inquiry*. L.: Routledge, 2018.
- Dawson C. *A-Z of Digital Research Method*. L.: Routledge, 2020.
- DeNicola L. The bundling of geospatial information with everyday experience. In: *Mohan T. (ed.) Surveillance and Security: Technological Politics and Power in Everyday Life*. New York: Routledge, 2006, pp. 243-264.
- Dicks et al. *Qualitative Research and Hypermedia. Ethnography for the Digital Age / Dicks B., Mason B., Coffey A., Atkinson P.* London: Sage, 2005.
- Elfimov A.L. Polilokal'naia etnografiia vchera i segodnia: razgovor s Dzhordzhem Markusom [Multi-Sited Ethnography Yesterday and Today: A Conversation with George Marcus], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 6, pp. 106–126. DOI: 10.31857/S086954150013125-7.
- Escobar A. Welcome to Cyberia: notes on the anthropology of cyberculture, *Current Anthropology*, 1994, 35 (3), pp. 211–231.
- Falzon M.A. (ed.) *Multi-sited Ethnography: Theory, Praxis and Locality in Contemporary Research*. Farnham: Ashgate, 2009.
- Hine C. *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. New York: Berg, 2005.
- Hine C. *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. London: Bloomsbury, 2015.
- Kelty C.M. *Two bits: the cultural significance of free software*. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 2008.
- Kozinets R.V. *Netnography: Doing Ethnographic Research Online*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2010a.
- Kozinets R.V. *Netnography: Redefined*. 2nd ed. London: Sage, 2010b.
- Kozinets R.V. Netnography. In: *Mansell R.; Ang P. (eds.) The International Encyclopedia of Digital Communication and Society*. Chichester: Wiley-Blackwell. 3 vols. 2015, pp. 1-8. DOI: 10.1002/9781118767771.wbiedcs067.
- Marcus G.E. Ethnography in/of the world system: The emergence of multi-sited ethnography, *Annual Review of Anthropology*, 1995, 24, pp. 95-117.
- Marcus G.E. *Ethnography Through Thick and Thin*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998.
- Marcus G.E. Multi-sited ethnography: Five or six things I know about it now. In: *Coleman S., von Hellermann P. (eds), Multi-Sited Ethnography: Problems and Possibilities in the Translocation of Research Methods*. London: Routledge, 2012, pp. 16-33.
- Markham A., Baym N. (eds.). *Internet Inquiry: Conversations About Method*. London: SAGE Publ., 2009.
- Matthews S., Detwiler J., Burton L. Geo-ethnography: Coupling Geographic Information Analysis Techniques with Ethnographic Methods in Urban Research, *Cartographica*. 2005, 40 (4), pp. 75-90.
- Pink S., Horst H., Postill J., Hjorth L., Lewis T. and Tacchi J. *Digital Ethnography: Principles and Practice*. London: Sage, 2015.

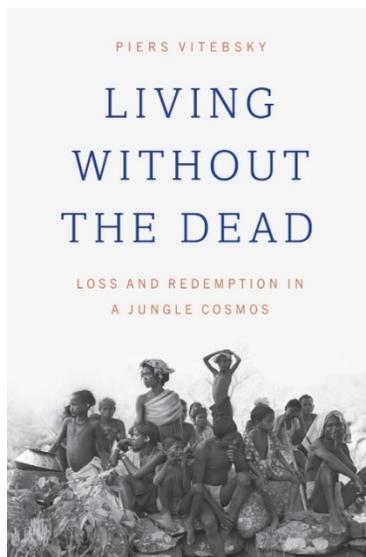
- Rogers R. *Digital Methods*. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Rogers R. *Doing Digital Methods*. N.Y.: Sage, 2019.
- Suchman L. *Rekonfiguratsia otnoshenii chelovek – mashina* [Human–Machine Reconfigurations]. Moscow: Elementarnye formy, 2019.
- Thelwall M. *Introduction to Webometrics: Quantitative Web Research for the Social Sciences*. San Rafael CA: Morgan and Claypool, 2009.
- Varis P. *Digital Ethnography*. Tilburg: Tilburg University, 2014 (Tilburg Papers in Culture Studies, vol. 104).

УДК 393(049.32)

DOI: 10.17223/2312461X/31/11

ИЗБЕГАЯ НАЗОЙЛИВЫХ МЕРТВЕЦОВ

Piers Vitebsky. *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 p.
ISBN-13: 978-0-226-47562-2



Писать рецензию на книгу, которая вышла почти 4 года назад, в 2017 г., непростая задача: прошло достаточно времени для того, чтобы издание нашло своего читателя и получила справедливую оценку профессионального сообщества. Усложняет задачу рецензенту и тот факт, что перед ним находится не просто очередная этнография, каких выходит достаточно много (ренессанс антропологии в мире!), а книга совершенного иного уровня.

Книга *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos* – это результат многолетней, если не сказать многодесятилетней, полевой работы живого классика антропологической дисциплины, профессора и руководителя отдела социальных наук в Полярном исследовательском институте Скотта (Кембриджский университет, Великобритания), Пирса Витебского. Учитывая этот контекст, я сомневаюсь, что рецензия должна быть критической. Да и нужно ли это? Я решил сосредоточиться на кратком изложении основной идеи книги и лишь в конце подвести под этим некоторые самые общие замечания.

Начать стоит с того, что книга Пирса Витебского, название которой переводится буквально как *Жизнь без мертвых: потеря и искупление в космосе джунглей* – это логичное продолжение его более ранней *Dialogues with the dead: the discussion of mortality among the Sora of eastern India* (Cambridge University Press), изданной в далеком 1993 г. Как и в прошлой книге, все внимание автора посвящено индийской народности (tribe) – сора (савара, саора, соура, сабара). К моменту написания второй книги Витебский провел более 40 лет полевой работы, изучая это сообщество – первый раз он оказался среди сора в начале 1970-х.

Собственно, в новой книге Пирс Витебский описывает достаточно любопытную историю стремительной трансформации такого архаичного и очень устойчивого элемента жизни любого сообщества, как религиозность и изменения связанных с ней представлений о загробной жизни. В начале 1970-х гг. культура народности сора, проживающей в основном в индийском штате Орисса, была сплошь анимистична. Согласно корпусу мифических текстов, сора происходят от лесных царей и из поколения в поколение являются служителями (дайитас) культа бога Джаяганнатха. Несмотря на эту мощную структуру, уже по прошествии 20 лет заметное количество представителей сора перешли в баптизм. Это религиозное обращение привело к серьезным изменениям в их взаимодействии с миром мертвым и взаимоотношениям внутри группы. Что это за изменения? Как они вообще стали возможны и как уживаются с традиционными представлениями? – эти вопросы лежат в основе книги.

Сора в попытках вырваться из власти мертвых

Первое, что описывает нам Пирс Витебский, и делает это виртуозно, это само значение мира мертвых для традиционного сообщества и анимистической культуры сора. Общение с мертвыми, их постоянное присутствие и влияние на мир живых играют определяющую роль для повседневности. Так, мертвые, а точнее особые злые духи «сонумс» (*sonums*)*, выступают первопричиной заболеваний и различных увечий, происходящих с человеком. Как и подобает покойникам, они испытывают недовольство своим новым статусом, чувствуют беспокойство от недостаточного общения с миром живых и от этого вредят живым. Влияние *сонумс* на мир живых преобразует любые процедуры лечения в ритуальное общение с мертвыми, их успокоение. Собственно, глав-

* Интересно, что Витебский как эмпатичный этнограф избегает перевода данного концепта в привычное западное «spirit», продолжая использовать этот несомненно более глубокий термин.

ное, что пытается показать здесь автор, это то, что смертельное – это не просто часть общей религиозной системы, но неотъемлемая часть мира сора, которую нельзя просто вытеснить. В этом их парадоксальное отличие от заложных покойников, известных нам из работ Дмитрия Зеленина: мертвый сора всегда беспокоен и вредит живым, в независимости от причин смерти и от того, как его похоронили. И именно это в итоге и интересует Витебского – как меняется эта система с кардинальной переориентацией большей части сора на новые религиозные ценности.

Теперь о баптизме. Массовое обращение к христианской деноминации среди сора произошло случайно. Однажды один из старейшин сора отправил своего 13-летнего сына на учебу к баптистским миссионерам с одной лишь целью – выучить язык. Это должно было помочь в общении с документами и общении с местной администрацией, которая терзала сора большими налогами и постоянными коррупционными поборами (связанные с интенсивной вырубкой леса и уничтожением привычного ареала обитания сора). При этом сора не могли ничем ответить, так как не имели инструментов для проверки выдвигаемых им требований. Сын выучил английский и язык ориа* благодаря библейским текстам. Ветхий и Новый Завет были переведены на язык сора по ним этот молодой человек начал обучать своих соплеменников чтению и письму: как я сказал выше, язык сора до этого времени оставался скорее бесписьменным и местных представителей триблa надо было для начала обучить чтению. В этом контексте, как подчеркивает Витебский, баптизм стал столь успешен именно потому, что он не только распространял тексты, но и вводил саму практику освоения письма и грамоты.

Возможность научиться читать и писать заинтересовала народ сора, который испытывал серьезные проблемы, как я сказал выше, связанные с неграмотностью: не только унижения (коррупция и серьезные уголовные обвинения) со стороны правительства и чиновников, но и, как полагают сора, со стороны духов и мертвых. Мертвым приписывалась злость на живых, которые не могут себя защитить и находятся на социальном дне. И здесь произошла интересная трансформация: многие сора, изучив язык и получив благодаря этому более высокооплачиваемую работу, в итоге «избавились» от дурного влияния мертвых. В качестве подтверждения правильной работы этой связи, грамотные сора приводят пример снижения заболеваний и смертности среди детей. Как отмечает Витебский, произошло это, очевидно, в силу скорее экономических причин – грамотные сора стали больше получать и позволять себе лучшее питание, изменили бытовые привычки. Однако для самих сора это объяснение было связано с ослаблением влияния духов на

* Другой индоевропейский язык, на котором говорят около 35 млн жителей индийского штата Орисса; главным образом они и представляли местных чиновников и торговцев.

жизнь образованных сора. Таким образом, возможность повысить свой символический статус с помощью изучения нового универсального языка и освоения грамотности сыграла основную роль в бурном развитии баптизма и кардинальном пересмотре ритуалов прощания и общения с мертвыми.

Результатом баптизации сора стал отказ от общения с мертвыми для христианских неофитов. Баптизированные сора продолжали верить, как и другие соплеменники, что сам факт внимания к мертвым привлекает внимание *sonums*. Соответственно, если игнорировать беспокойных мертвецов, то они будут досажать тебе гораздо меньше. Поэтому сора-баптисты свели до минимума траурную часть своей религиозной жизни, стараясь не выражать никаких эмоций на похоронах и не участвовать в прощальных ритуалах. Собственно, поэтому книга Витебского и носит название *Living without the Dead*. На мой взгляд, это потрясающий момент, указывающий скорее на инструментальность самой *баптизации* сора, чем на искреннюю их веру в религию и верность учения. То есть баптист сора полагает, что его умерший родственник находится *где-то там же*, где полагает и анимист сора, но избегание контактов с мертвым делает для него невозможным вредоносное влияние мертвецов*.

Горевание у сора: баптизм и меланхолия Фрейда

Однако, как полагает Витебский (опираясь, очевидно, на всю богатую антропологическую традицию в лице Р. Гирца и А. Ван Геннепа), подобное *избегание* мертвых оказывается весьма травматичным для неофитов. Если горевание у анимистов сора доступно для фиксации и может быть понято и интерпретировано, то горевание баптистов сора скрыто и индивидуализировано и таким образом не выполняет свою важную функцию – помогать переживать утрату.

Здесь Витебский проводит серьезные параллели между тем, как складывается горевание у сора, и тем, как описано горе в культовом эссе Зигмунда Фрейда «Печаль и меланхолия», в котором основатель психоанализа описывал главные закономерности поведения людей, переживающих горе, – например, отрицание факта утраты, – и делал вывод, что горевание есть процесс смирения с новыми обстоятельствами. Центральным для Фрейда был тезис о спокойствии психики как ее нормативном состоянии: человек всегда стремится минимизировать остроту переживаний, а потому всё, что вызывает у него беспокойство и причиняет боль, подлежит устранению. В этом плане мысли об умершем человеке должны подвергаться вытеснению горящими род-

* Даже любимые и близкие люди, умирая, становятся опасными, значит, необходимо максимально избегать с ними контактов.

ственниками. Как и Фрейд, Витебский делает акцент на важности связи между прошлым опытом (когда мертвый был живым) и его неожиданным, травматическим разрывом с настоящим (когда человек уже умер). Однако при этом, что интересно, главный акцент в построениях Витебского и Фрейда оказывается смещен. Если у Фрейда этот болезненный разрыв переживают *сами горюющие*, то у сора, к которому обращается Витебский, *сами мертвые*, которые страдают от своего нового статуса умерших. Собственно, поэтому *горевание* у Фрейда помогает живым смириться с новым статусом, а у сора горевание нужно мертвым, чтобы обрести покой.

На самом деле, этот момент видится мне довольно слабым в теоретизации Витебского. Все же понятно, что мертвые здесь являются своего рода способом переживания утраты среди самих сора: помогая мертвым, они помогают и себе, сепарируют живых от мира умерших и обретая новый статус. Функции остаются те же самые, но меняется форма. Зачем требуется вводить эти отсылки к работе Фрейда и гореванию как *психологическому феномену*? Вводится аксиоматическое утверждение о необходимости проживания горя, что совсем не очевидно для многих антропологов. Так, из работ Рэдклиф-Брауна мы знаем о специфике выражения эмоций и их связи с ритуалом и социальной функцией, а из работ Нэнси Шепер-Хьюз узнаем о не-оплакивании смертей младенцев в Бразилии в силу слабости социальных связей между матерями и младенцами. Поэтому, к сожалению, мотивация (и польза) Витебского от обращения к Фрейду остается не вполне понятной. В области социологии/психологии/антропологии горя с момента появления эссе 3. Фрейда прошло огромное количество времени, за которое появились серьезные работы, в том числе и акцентирующие внимание на разрывах и рассматривающие болезненное горевание как многоуровневую попытку выстроить эту связь заново, вместо необходимости отказа от нее и выстраивания новых*.

Возвращаясь к этой истории, мы видим, что наличие расхождений между активным гореванием (связью с мертвыми) и избеганием (разрывом связей) вполне логично приводит к конфликтам в семьях сора, где есть и баптисты, и сторонники традиционного взгляда на мир. Главная проблема – недоверие и опасение со стороны анимистов к своим родственникам-баптистам, которые, что вполне ожидаемо, не будут оплакивать их будущую смерть и искать с ними упокоения. Собственно, эту заключительную часть книги Витебский оставляет для читателя открытой. Как следует из любой этнографии, мы сможем наблюдать результат этих сложных взаимодействий в будущем. Возможно, нас ждет трилогия?

* Подробнее обзор теорий горевания см: С. Мохов «История смерти. Как мы боремся и принимаем». М.: Individuum, 2020.

Стоит ли читать эту книгу? В книге Витебского есть несколько замечательных моментов, которые делают ее несомненно полезным источником для размышлений, причем как для социологов и антропологов, работающих с темой горя, так и для психологов, занимающихся этим вопросом. Первый момент: Витебский прекрасно демонстрирует, как устойчивые структуры способны к стремительным изменениям и адаптациям – это и религиозные представления, и архаичная обрядовая часть прощания с мертвыми у сора, которые меняются у нас на глазах. Второй момент: горевание во многом детерминировано социальными и культурными представлениями, а не только психологией и онтологической необходимостью переживать тяжелые эмоции, что, безусловно, известно уже большей части антропологов, но вряд ли найдется такой богатый этнографический пример этому тезису. При этом нельзя не сказать несколько слов и о самом этнографическом письме Витебского, которое он называет «нестандартной этнографией». Это смесь из глубоких и действительно крайне насыщенных описаний (могло ли быть иначе после более 30 лет наблюдений и размышлений?) вместе с личными переживаниями, воспоминаниями и постоянно меняющимися отношениями между принимающим обществом и наблюдателем. Как подчеркивает Питер Бергер в своей рецензии на книгу Витебского это позволяет проследить не только за эмоциональной реакцией этнографа, но и в какой-то мере понять его интеллектуальную траекторию: например, отношение Витебского к традиционному анимизму, его сопротивление изменениям и само право на эту борьбу (Berger 2019).

И в конце буквально несколько слов о небольших упущениях. С одной стороны, как справедливо отмечает Пол Розенблат, в своей книге Пирс Витебский собрал чрезмерно много этнографической информации (о привычках питания, о способах возделывания земли и устройстве домохозяйств, образовании, интимной жизни), которая мешает следить за основной сюжетной линией повествования, которая все же раскручивается вокруг мертвых и меняющегося к ним отношения (Rosenblatt 2018). С другой стороны, о чем я уже говорил ранее, стоит принимать во внимание, что книга Витебского резонирует с его более ранней публикацией, *Dialogues with the Dead: The Discussion of Mortality among the Sora of Eastern India* (Cambridge University Press, 1993), в которой он больше уделял внимания анимистам, в то время как вторая книга посвящена второй половине комьюнити сора. В этом плане работу Витебского стоит рассматривать исключительно в контексте вообще его книг и развития как антрополога.

Тем не менее вторая книга Витебского о сора – это необычайно сильный и мощный пример того, как может писаться этнография в современной антропологии. Не зря Уолтер Элисон поставил ее второй книгой после «Печальных тропиков» в своем списке этнографических

текстов (Elison 2019). Надеюсь, что мое краткое введение в проблематику книги подвигнет читателя на знакомство с ней.

Литература

- Berger P. review of: Vitebsky, Piers 2017: *Living Without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos* // *Social Anthropology*. 2019. № 27 (3). P. 579–580.
- Elison W. *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. Piers Vitebsky. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 pp. // *American Ethnologist*. 2019. № 46. P. 118–119.
- Rosenblatt P. From interacting intensely with the dead to ignoring them // *Death Studies*. 2018. № 42:9. P. 604–606.
- Мохов С. *История смерти. Как мы боремся и принимаем*. М.: Individuum, 2020.

Мохов Сергей Викторович
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 22 февраля 2021 г.

Mokhov Sergey V.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: svmohov.hse@gmail.com

Avoiding the dead

Review of Vitebsky P. *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 p. ISBN-13: 978-0-226-47562-2
DOI: 10.17223/2312461X/31/11

References

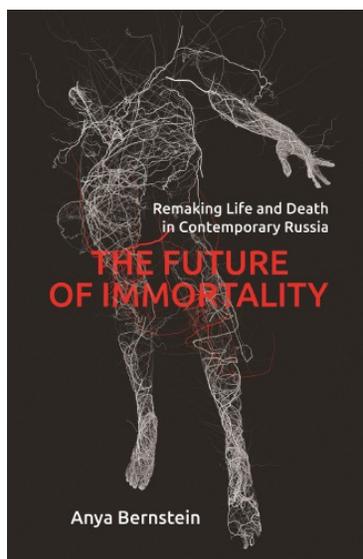
- Berger P. Review of: Vitebsky, Piers 2017: *Living Without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. *Social Anthropology*, 2019, no. 27 (3), pp. 579-580.
- Elison W. *Living without the Dead: Loss and Redemption in a Jungle Cosmos*. Piers Vitebsky. Chicago: University of Chicago Press, 2017. 380 pp. *American Ethnologist*, 2019, no. 46, pp. 118-119.
- Rosenblatt P. From interacting intensely with the dead to ignoring them. *Death Studies*, 2018, no. 42:9, pp. 604-606.
- Mokhov S. *Istoriia smerti. Kak my boremsia i prinimaem* [The history of death. How we cope and accept]. Moscow, Individuum, 2020.

УДК 393(049.32)

DOI: 10.17223/2312461X/31/12

КОГО В РОССИИ ИНТЕРЕСУЕТ БУДУЩЕЕ БЕССМЕРТИЯ?*

Bernstein A. The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. ISBN 9780691182605



Несмотря на растущий интерес к технологическому развитию со стороны социальных ученых, в отечественной литературе в настоящее время можно обнаружить не так много работ, основанных на качественной эмпирической базе. В свою очередь, среди того, что опубликовано, недостаточно материалов, которые являются уникальными, несут ценность разнообразия опыта в области использования технологий, знакомят с новыми идеями и практиками. Публикации такого рода, полученные на российском полевом материале[†], могут вызывать большой интерес за рубежом, но, к сожалению, не всегда такие материалы быстро переводятся на русский язык и становятся достоянием научного сообщества в России, распространяясь в большей степени постами в сети Facebook и в личных сообщениях среди узкой аудитории.

* Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00848 (руководитель С.Ю. Шевченко).

[†] Исследуются актуальные российские практики, а также устанавливается связь с советскими и дореволюционными архивными материалами.

С учетом вышеизложенного, книгу гарвардского антрополога Ани Бернштейн «Будущее бессмертия: переосмысление жизни и смерти в современной России», вышедшую в 2019 г., можно назвать событием, заслуживающим особого внимания. Книга посвящена *трансгуманистам* и раскрывает как историческую перспективу, так и современные практики этого движения. Бернштейн определяет *трансгуманизм* в широком смысле как «позицию, отстаивающую радикальную трансформацию человеческого состояния с помощью технического совершенствования» (р. 19), тогда как *постгуманизм* соотносится в работе «с рядом идей, имеющих целью обозначить разрыв с гуманизмом» (Ibid.). Книга интересна не только своим предметом, но также формой представления материала: большой объем прямой речи и насыщенного описания погружает читателя в контекст, а также реконструирует особую «живую» атмосферу происходящего – прием, который, к сожалению, все еще редко встречается в отечественных монографиях*.

Структурно книга состоит из введения и четырех глав. Введение поднимает темы границ времени и пространства, футуризма как политики времени, будущего как общего дела, понятий транс- и постгуманизма, возвращения прогрессоров. Первая глава обращается к лидерам технологических проектов, таким как *крионика* и создание *аватаров* для целей «переноса сознания», в ней проводятся кросскультурные и исторические параллели, например с советскими практиками начала XX в., а также поднимается вопрос религии. Несмотря на радикальность, рассматриваемые проекты представляют собой протягивание в будущее уже реальных явлений, таких как терапевтическая гипотермия, замораживание эмбрионов, архивирование и т.п. Бернштейн описывает «конкурирующие практики бессмертия на фоне современной дискуссии о фундаментальном понимании тел и людей в России» (р. 39), рассуждает о субъектности (personhood), а также приходит к выводу, что «“человек” был и остается глубоко пластичным проектом» (Ibid.).

Вторая глава посвящена философии *русского космизма*, наследию и современным последователям Николая Федорова и фокусируется на проблематике борьбы со смертью через тело: «Наше тело должно стать нашим делом, общим делом»[†]. Погребение рассматривается как процесс сохранения, что связывается с религиозными корнями федоровцев как активных христиан: «...мы сохраняем их, потому что мы предпола-

* Возможно, отчасти этому способствует однонаправленное длительное поле, позволяющее достичь высокой степени экспертизы и доверия, но часто непозволительное для мечущихся между многочисленными грантами и проектами отечественных исследователей, отчитывающихся количественными показателями – интересно, значит ли это, что вдумчивая этнография теперь удел институтов и научных экосистем, более обеспеченных экономически?

[†] Название главы.

гаем, что потом они снова восстанут» (р. 95), но к этому также добавляется органический прогресс (р. 98), который противопоставляется техническому прогрессу секулярных трансгуманистов, – автор обращает внимание на создание Федоровым таких неологизмов, как *тканетворение, органосозидание, полноорганный человек*, который может менять органы по мере необходимости, в соответствии со средой (р. 103).

Третья глава продолжает тему преодоления смерти и рассматривает борьбу со старением на стыке науки, бизнеса и социального активизма со значительным перевесом в пользу последнего. В этой главе особое место занимает тема *радикального продления жизни*, а также концепция провозглашения старости болезнью, которую можно вылечить, «отмены старения» (р. 126). Внимание здесь привлекают также конкретные фигуры, пытающиеся продвинуть повестку борьбы со старением в России на национальный уровень, их идеология и мотивация.

Последняя, четвертая глава описывает погружение автора в проекты форсайта *нейронета*, «Web 4.0, который обеспечивает коллективное сознание через интерфейсы мозг-компьютер» (р. 34) и *Национальной Технологической Инициативы (НТИ)*, какими они виделись участникам на момент проведения полевых исследований. Бернштейн рассказывает в деталях о знакомстве с создателями нейронета и их идеях, методологии *форсайта*, а также своем непосредственном опыте *Форсайт-флота*, мероприятия, направленного на коллективное проектирование технологического будущего России.

Интересную взаимосвязь рассматриваемых тем и исследовательской оптики можно обнаружить с предыдущей книгой автора «Политика религиозных тел: ритуалы суверенитета в бурятском буддизме» (Bernstein 2013), что отмечается также другими рецензентами (Mosurinjohn 2020: 287). В аннотации к статье, ставшей первой главой новой книги, Бернштейн говорит о фокусе на «противоречиях вокруг религии и секуляризма в русском трансгуманистическом движении» (Bernstein 2015: 766). Такой взгляд не ограничивается первой главой или определенным набором групп, теми же федоровцами – так, в предисловии автор благодарит одного из основателей нейронета, проекта, ставшего по сути одним из столпов НТИ, за то, что он «помог понять место духовности (*spirituality*) в технофутуристических начинаниях» (р. xi). В основе рассматриваемых движений и практик можно обнаружить их биосоциальность, а также диалектику иммортализма и апокалиптики.

Ани Бернштейн обращает внимание читателя на то, что она исследует, прежде всего, представления о человеке, а также процессы, связанные с технологическим развитием, которые реконфигурируют границы между жизнью и смертью (р. 32). Но вместе с этим описывается формирование новой государственной политики: например, определя-

ются системы координат, которые гарвардский антрополог описывает в отношении нейронета как взаимодействие между технологическим и национальным, ориентированным на рынок и визионерским (р. 34). Предложенная книга становится современной хроникой опережающей модернизации, описывающей события с глубиной и достоверностью, во всем многообразии их проявлений.

Литература

- Bernstein A. *Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. University of Chicago Press. 2013.
- Bernstein A. Freeze, die, come to life: The many paths to immortality in post-Soviet Russia // *American Ethnologist*. 2015. Vol. 42 (4). P. 766–81. DOI: 10.1111/amet.12169.
- Mosurinjohn S. The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia. By Anya Bernstein // *Journal of the American Academy of Religion*. 2020. Vol. 88 (1). P. 287–290. DOI: 10.1093/jaarel/lfz107.

Елена Константиновна Соколова
Независимый исследователь, антрополог

Рецензия поступила в редакцию 17 мая 2020 г.

Sokolova Elena K.

Independent Researcher, Anthropologist. E-mail: elena.k.sokolova@gmail.com

Who in Russia is interested in the future of immortality?

Review of Bernstein A. *The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. ISBN 978069118260.

DOI: 10.17223/2312461X/31/12

References

- Bernstein A. *Religious Bodies Politic: Rituals of Sovereignty in Buryat Buddhism*. University of Chicago Press, 2013.
- Bernstein A. Freeze, die, come to life: The many paths to immortality in post-Soviet Russia. *American Ethnologist*, 2015, Vol. 42 (4), pp. 766–81. DOI: 10.1111/amet.12169
- Mosurinjohn S. The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia. By Anya Bernstein. *Journal of the American Academy of Religion*, 2020, Vol. 88 (1), pp. 287–290. DOI: 10.1093/jaarel/lfz107

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЫМОВ Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: alymovs@mail.ru

БОНДАРЕНКО Дмитрий Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Институт Африки РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: dmitrimb@mail.ru

БОРИДЧЕНКО Станислав Эдвардович – докторант, Университет г. Щецин (Польша).
E-mail: esanius@gmail.com

ЗНАМЕНСКИЙ Андрей Андреевич – доктор исторических наук, профессор, Университет Мемфиса (США).
E-mail: aznamenski@gmail.com

ИГНАТЬЕВ Роман Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Америки, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: roman.ignatiev@gmail.com

КАН Сергей Александрович – PhD (Чикагский университет), профессор кафедры антропологии, Дартмутский колледж, г. Хановер (США).
E-mail: Sergei.a.kan@dartmouth.edu

МОХОВ Сергей Викторович – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра медицинской антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: svmohov.hse@gmail.com

СОКОЛОВА Елена Константиновна – независимый исследователь, антрополог (Россия).
E-mail: elena.k.sokolova@gmail.com

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: sokolovskiserg@gmail.com

ШЕВЧЕНКО Валерий Сергеевич – магистр социологии (Манчестерский университет); преподаватель, факультет социальных наук, Московская высшая школа социальных и экономических наук, г. Москва (Россия).
E-mail: valerii.s.shevchenko@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (**УДК**) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!);

• ученая степень, ученое звание;

• должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;

• e-mail;

• почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

- название статьи на русском и в переводе на английский язык;
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Rotarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135.
Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.docor *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, first name, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at www.journals.tsu.ru/siberia

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2021. № 1

Редактор
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 31.03.2021 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Печ. л. 14,6. Усл. печ. л. 18,9. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4629. Цена свободная.

Дата выхода в свет 09.04.2021 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)-52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru